

К. З. ХАКИМОВА
Л. Н. КРАВЕЦ

**СОЦИАЛЬНО
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
И КЛАССОВАЯ
БОРЬБА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ
УЗБЕКИСТАНЕ**

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

К. З. ХАКИМОВА, Л. Н. КРАВЕЦ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
И КЛАССОВАЯ БОРЬБА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ
УЗБЕКИСТАНЕ

(конец XIX — НАЧАЛО XX в.)

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР.
1980

В монографии на примере Бухарского эмирата исследованы изменения, которые произошли в Узбекистане после его присоединения к России. При анализе аграрных отношений показано, как под влиянием развития товарно-денежных отношений капитализм проникает в сферу сельскохозяйственного производства. Исследуется хозяйственная специализация отдельных районов, четкое выделение ведущей отрасли — хлопководства. Изучается социальная дифференциация кишлака. Подробно показывается зарождение, а также развитие капиталистической промышленности, связанной с первичной обработкой сырья, начало формирования новых классов общества — национальной буржуазии и местного пролетариата. На конкретных исторических примерах показывается рост классовой борьбы. Исследуется ряд крестьянских восстаний, не получивших до сих пор освещения в исторической литературе.

Для специалистов-историков, преподавателей и студентов, а также широкого круга читателей.

Ответственный редактор
доктор исторических наук **Х. З. Зияев**

Рецензенты:
доктора исторических наук **Б. В. Лукин** и **Р. Г. Мукминова**

С $\frac{10604-1329}{М 355(04)-80}$ 86—80 0505000000

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, Ташкент, 1980 г.

ВВЕДЕНИЕ

После присоединения к России народы Средней Азии, в том числе Бухарского эмирата, оказались под двойным гнетом — царизма и местных феодалов.

Несмотря на колонизаторские цели царского самодержавия присоединение Средней Азии имело объективно прогрессивное значение. После установления протектората царской России прекратились феодальные распри и разорительные междоусобные войны. Были отменены рабство и работорговля, начали развиваться новые, более передовые по сравнению с господствовавшими феодальными порядками капиталистические отношения. Возникновение капиталистических отношений после присоединения Средней Азии к России, несмотря на все отрицательные стороны капитализма, было прогрессивным явлением, поскольку способствовало росту производительных сил, с одной стороны, и обострению социальных конфликтов — с другой.

«Признание прогрессивной роли капитализма вполне совместимо с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма», — писал В. И. Ленин¹.

Капиталистические преобразования в различных областях Узбекистана осуществлялись по-разному. В наиболее экономически развитой Ферганской долине они были рельефнее, капиталистические отношения проникали туда более интенсивно. В феодальных ханствах, таких как Бухара, изменения были менее резкими. Целью данной работы является раскрытие социально-экономических изменений в Бухарском регионе.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 109.

После установления протектората усиливаются экономические связи Бухары с Россией, со всей Средней Азией, растет товарооборот между ними. Бухара, как и Туркестан, постепенно становится сырьевой базой и рынком сбыта промышленных изделий метрополии. В. И. Ленин называл Туркестан в числе Индии, Египта и других государств колонией «чистейшего типа»². В отношении Хивы и Бухары он писал: «это тоже нечто вроде колоний»³.

Однако и в этих ханствах под влиянием присоединения к России постепенно происходят сложные изменения в социально-экономической и общественно-политической жизни. Рост товарно-денежных отношений, развитие товарного хлопководства, зарождение промышленности капиталистического типа, начало формирования новых классов общества — национальной буржуазии и местного отряда рабочего класса — все это привело к разложению веками устоявшегося феодального строя и проникновению новых, капиталистических отношений.

Вместе с тем этот процесс был весьма мучительным для трудящихся масс — ухудшается их положение, к гнету феодалов и баев прибавляется и капиталистический гнет со стороны русской и местной буржуазии. Так трудящиеся Бухары, как и народы Туркестана, страдали и от национально-колониального гнета царской России. Все это приводило к росту классовой и национально-освободительной борьбы, которая подтачивала устои феодальной деспотии бухарского эмира и создавала предпосылки будущей Народной Советской революции в Бухарском эмирате.

Разработка этих предпосылок, а также особенностей зарождения и развития национально-освободительного движения народов колониальных окраин России является актуальной задачей советских историков.

Одним из прогрессивных факторов присоединения к России было развитие хлопководства, возникновение новых городов, промышленности и формирование промышленного пролетариата, что имело огромное значение для судеб бухарской революции.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 35.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 274.

После присоединения к России народы эмирата получили возможность непосредственного общения с русским народом, прежде всего с русским рабочим классом, принимавшим участие в строительстве железных дорог в эмирате, работавшем в депо и железнодорожных мастерских, на хлопкоочистительных и маслобойных заводах.

Так, в результате присоединения к России народы эмирата «вступили в общение с великим русским народом, русским рабочим классом — могучей революционной силой»⁴, которая в условиях перемещения центра мирового революционного движения с Запада на Восток, в Россию, сумела сплотить все угнетенные царизмом народы и повести их на штурм капитала. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России приблизила победу народной революции в Бухаре.

Под влиянием роста товарно-денежных отношений рушатся веками устоявшиеся формы землевладения, земля становится объектом купли и продажи. В сельском хозяйстве внедряются новые культуры, растут посевы товарных культур за счет вытеснения менее товарных.

В ремесле получают новое развитие одни отрасли и постепенно перестают существовать другие, не выдержав конкуренции более дешевых фабричных изделий России. Зарождается хлопкоочистительная и маслобойная промышленность, формируются новые классы — национальная буржуазия и пролетариат. Растет товарооборот между Россией и Бухарой. Из эмирата вывозят сырье, ввозят изделия промышленности.

На рубеже XX в., в эпоху господства финансового и монополистического капитала, усиливается ввоз капитала метрополии в Бухару. Капитал метрополии все активнее вмешивается в экономику эмирата. Начинает четко выделяться ведущая отрасль сельского хозяйства — хлопководство. Банки кредитуют возникшие в Бухаре фирмы, а через них — хлопкоробов, контролируя посредством своих кредитов весь процесс производства хлопка, получая колоссальные прибыли.

⁴ Рашидов Ш. Навеки вместе с русским народом (о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России). — «Коммунист», 1959, № 10, с. 39.

Рост товарно-денежного обращения вызывает дальнейшую дифференциацию крестьянства, увеличиваются долговые и закладные сделки, посредством которых крестьяне теряют земли. Баи и ростовщики сосредоточивают в своих руках значительные земельные площади. Широкое распространение получает раздача бунака (кабального задатка под урожай).

Рост товарно-денежных отношений способствует переходу от частично натурального к полному денежному взиманию налогов. Растут налоговые ставки.

Усиление национального и колониального гнета является причиной многочисленных народных выступлений, которые, подтачивая феодальные устои эмирата, создавали предпосылки для будущей народной революции.

Изучению истории Средней Азии вообще, в том числе Бухарского эмирата, посвящена обширная дореволюционная литература. Однако историков того времени менее всего интересовала жизнь непосредственных производителей материальных благ. Вопросы социальной истории они не ставили, да и не могли ставить. Поэтому в литературе дореволюционного периода мы не находим анализа процессов, происходивших в эмирате в связи с развитием товарно-денежного обращения и проникновением новых, капиталистических отношений. Однако в ней имеется весьма обширный фактический материал, освещающий аграрные отношения, налоговую политику, торговлю, ремесло и т. д. Царизм интересовался, в целях уточнения размера дохода эмира, конкретными размерами налогов и сборов, категориями земель, ее доходностью, состоянием ремесла, доходами с торговли и т. д. Поэтому отдельные чиновники, военные, путешественники, побывавшие в Бухаре, в своих докладах или книгах сообщали обо всем, что по их мнению казалось заслуживающим внимания. Ценность этих работ в том, что они написаны на основе личных наблюдений сразу же после присоединения к России, а потому приобретают для нас характер источников⁵.

⁵ Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства, Спб., 1843; Хорошхин А. П. Долина Зеравшана. Военный сборник. Т. 74, Спб., 1870; Он же. Заметки о Зеравшанской долине. — «Туркестанские ведомости». 1874, № 1; Он же. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. Спб., 1876; Гребенкин А. Шааг-

Необходимо отметить также ряд работ, в которых удачно сопоставляется экономическое развитие двух колоний — Бухары и Туниса⁶. Книги Д. И. Логофета, написанные лишь на основе личных наблюдений без тщательного сопоставления фактов, не всегда достоверны и часто нуждаются в уточнении.

Ценные сведения по истории, экономике и культуре Средней Азии, в том числе Бухарского эмирата, содержатся в трудах крупнейшего историка, создателя русской востоковедческой школы В. В. Бартольда⁷. Интересна работа А. И. Ремеза⁸, составленная по поручению ЦСУ Туркеспублики на основании статистических обзоров с целью уточнения товарообмена с Бухарой.

Большой интерес представляет для нас работа основоположника таджикской советской литературы С. Айни по истории эмиров Мангытской династии⁹. Поскольку С. Айни был современником последних эмиров этой династии работа носит характер воспоминаний.

Изучению аграрных отношений Бухарского эмирата в более раннем периоде посвящен ряд работ¹⁰, в основу

рясябская долина. — «Известия РГО». Т. VIII, 1872; Он же. Заметки о видах землевладения в Зеравшанском округе. — «Туркестанские ведомости», 1873, № 3; Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе. ЗИРГО по отд. статистики. Т. IV. Спб., 1874; Ростиславов М. Н. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае. Труды III Международного съезда ориенталистов, 1876. Т. 1. Спб., 1879—1880; Кун Л. Н. Очерки Шагрисебского бекства. Записана РГО по отделению этнографии. Т. IV, Спб., 1880; Арендаренко Г. А. Дарвоз и Каратегин. — «Военный сборник», 1883, № 11; Кузнецов, Дарвоз. Новый Маргелан, 1893.

⁶ Губаревич-Радобыльский А. Экономический очерк Бухары и Туниса. Спб., 1905; Логофет Д. И. Страна бесправия (Бухарское ханство и его современное состояние). Спб., 1909. Он же. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. I—II. Спб., 1917.

⁷ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Спб., 1914; Он же. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.

⁸ Ремез И. А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Ташкент, 1922.

⁹ Айни С. Тарих-и-амирон-и мангитий-и Бухара. Ташкент, 1923.

¹⁰ Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954; Он же. Восстание Китай-кыпчаков в Бухарском ханстве в 1821—1825 гг. — Труды Института востоковедения АН СССР. Кн. 12. М.—Л., 1937; Вяткин В. Л. Каршинский округ, организа-

которых положены документальные источники. Однако эти ученые уделяют внимание в основном истории ханства с XVI в. до первой половины XIX в. включительно. Категории землевладения, рента и т. д. складывались в течение длительного времени и сохранялись веками, мы обращаемся также к трудам упомянутых выше ученых для освещения ряда вопросов аграрной истории второй половины XIX — начала XX в.

Исследованию различных аспектов истории Бухарского эмирата этого периода посвящен ряд работ.

Административное и налоговое устройство Бухары освещено в трудах А. А. Семенова¹¹. Они основаны не только на изучении местных документальных источников, но и на глубоком знании бухарской действительности, что обуславливает особую их значимость.

Большую ценность представляют статьи О. Д. Чехович¹² по налоговой политике Бухары.

К. М. Мирзаев¹³ в своих трудах анализирует разные

формы землевладения в эмирате. В книге «Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве» автор неправильно, на наш взгляд, отрицая существование хараджной формы землевладения, между тем сам не раз вынужден признать, что в документальных материалах употребляется термин «милък и хараджи».

Ряд исследований по различным аспектам истории Бухарского эмирата базируется на изучении документальных материалов русских архивов. Среди них заслуживают внимания труды А. Рябинского¹⁴ по истории колониального порабощения Бухары и взаимоотношениям царской России с Бухарой в период империализма.

Рассматриваемому нами вопросу посвящены также отдельные работы Н. А. Халфина¹⁵. Это статья о взаимоотношениях царизма с ханствами в колониальный период, а также книга, в которой исследуются проблемы политико-дипломатических отношений между Россией и ханствами. Значительное место уделено вопросам торговли. Хронологические рамки книги охватывают конец XIX в., несмотря на то, что в ней в основном рассматривается первая половина XIX в.

Проблемы экономической жизни эмирата и взаимоотношения между Россией и Бухарой в конце XIX — начале XX в. рассматриваются в исследованиях Т. Г. Тухтаметова¹⁶.

Большой интерес по изучаемой теме представляют работы А. П. Фомченко¹⁷.

Вып. 3. Ташкент, 1952; Он же. Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве. Ташкент, 1954.

¹¹ Рябинский А. История колониального порабощения Бухарского ханства царской Россией. — Труды Военно-политической Академии Красной Армии. Т. IV. М., 1940; Он же. Царская Россия и Бухара в эпоху империализма. — «Историк-марксист», 1941, № 4.

¹² Халфин Н. А. Царское правительство и среднеазиатские ханства в колониальный период. Труды САГУ им. В. И. Ленина. Нов. сер. Вып. 94. Ист. науки. Кн. 114. Ташкент, 1957; Он же. Россия и ханства Средней Азии. М., 1974.

¹³ Тухтаметов Т. Г. Экономическое состояние Бухарского эмирата в конце XIX — начале XX в. — Труды Института истории АН КиргССР. Вып. III, 1957.

¹⁴ Фомченко А. П. Изменения в экономике Бухарского ханства в период русского протектората (конец XIX — начало XX в.). Уч. записки Ташгоспединститута. Вып. 5. Ташкент, 1957. Он же. Русские поселения в Бухарском эмирате. Ташкент, 1958.

ция в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов. — «Известия Среднеазиатского отдела РГО». Т. XVIII. Ташкент, 1928; Чехович О. Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв. Ташкент, 1954; Она же. Бухарские поземельные акты XVI—XIX вв. Проблемы источниковедения. Т. IV. М., 1955. Она же. Бухарские документы XIV века. Ташкент, 1965; Она же. Самаркандские документы XV—XVI вв. М., 1974; Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. (по материалам «Ваф-Наме». Ташкент, 1966; Она же. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент, 1976; Абдураимов М. А. Вопросы феодального землевладения, феодальной ренты в письмах эмира Хайдара. Ташкент, 1961; Он же. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве. Ташкент, 1970.

¹¹ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929; Он же. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. — «Советское востоковедение», 1948, № 5; Он же. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. — Труды АН ТаджССР. Вып. II. Т. XXV, 1954.

¹² Чехович О. Д. Крестьянские обязательства 1914 г. на основании мнимой грамоты Исмаила Самани. — «Исторические записки», 1950, № 33; Она же. О размере хараджа в Бухаре XIX в. — «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 3.

¹³ Мирзаев К. М. Танхо как разновидность феодального землевладения в Бухарском ханстве. — Труды Института экономики.

А. Р. Мухамеджанов¹⁸ исследовал историю орошения бухарского оазиса, и в частности водного хозяйства Зарафшана. Работа выполнена как на археологической, так и на широкой историографической базе.

Ценной является публикация Л. М. Епифановой труда крупного бухарского чиновника, придворного историка последних эмиров Мангитской династии Мирзы Абдалазима Сами¹⁹.

В работе З. К. Ахмеджановой²⁰ обстоятельно рассматривается история строительства железных дорог в Средней Азии, в том числе проложенных по территории эмирата, показано формирование железнодорожного пролетариата, его первые шаги.

Большую ценность для нас представляют труды ученых, выполненные на этнографической базе²¹.

Ряд ученых изучал историю Бухарского эмирата в связи с историей Таджикистана²². И. А. Стеценко на основе данных документальных материалов русских архи-

¹⁸ Мухамеджанов А. Р. Из истории водного хозяйства Зарафшанской долины. — «Известия АН УзССР», 1960, № 4; Он же. История орошения Бухарского оазиса с древнейших времен. Ташкент, 1976.

¹⁹ Та'рих-и салатин-и мангитийа Мирза Абдал'азим Сами. Издание текста, предисловия, перевода и примечания Л. М. Епифановой. М., 1962.

²⁰ Ахмеджанова З. К. К истории строительства железных дорог в Средней Азии (1880—1917). Ташкент, 1955.

²¹ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. — «Труды АН Тадж.ССР». Т. XXVIII, 1954; Она же. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976; Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958; Она же. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века (ремесленная промышленность). Ташкент, 1962; Она же. Бухара XIX — начала XX века. М., 1966; Она же. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976; Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк). Ташкент, 1964.

²² Искандаров Б. И. Восстание крестьянских масс Таджикистана (Восточная Бухара) под руководством Восе. — «Известия отделения общественных наук АН Тадж.ССР», 1953, № 4; Он же. Из истории Бухарского эмирата. М., 1958; Он же. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. 1, 2. М., 1962—1963; Гафуров Б. Г. История таджикского народа. М., 1955; Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства конца XIX — начала XX в. М.—Л., 1962; Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане второй половины XIX и начала XX в. (1870—1917). Душанбе, 1963.

вов правильно ставит под сомнение датировку восстания Восе и предлагает новую, соответствующую действительности. Но, на наш взгляд, утверждение автора, что одновременно с восстанием Восе в Бальджуане вспыхивает другое, новое восстание узбеков рода локай, кочевавших и в Бальджуанском, и в Кулябском бекствах, ошибочно. Обоснование нашего взгляда изложено в данной работе.

Изучению особенностей аграрных отношений в Восточной части эмирата посвящена работа А. Маджлисова²³. К сожалению, нельзя согласиться с отдельными утверждениями автора. Рассматривая налоговый вопрос, он ошибочно считает, что на всей территории ханства с населения должны были взимать налоги согласно нормам, установленным шариатом. По нашему мнению, налоги взимались не по шариату, а по старинному обычаю «таамул-и кадим», который в разных, порой даже соседних областях, был разный. Но эти нормы по старинному обычаю неоднократно нарушались податными сборщиками, в результате чего вспыхивали народные волнения.

Как видно, научные интересы перечисленных выше авторов сосредоточены на отдельных, частных вопросах истории эмирата, обобщающие труды посвящены истории восточной части эмирата, т. е. современному Таджикистану.

В 1960—1970 гг. вышли в свет сводные монографии по истории Самарканда²⁴ и Бухары²⁵ с древнейших времен до наших дней, в которых получили соответствующее освещение отдельные рассматриваемые нами вопросы.

Из краткого обзора литературы видно, что несмотря на целый ряд общих и специальных работ, изучаемая нами проблема до сих пор не получила должного всестороннего освещения. Достаточно сказать, что большая часть публикаций посвящена главным образом Восточной Бухаре, т. е. тем районам, которые вошли в сос-

²³ Маджлисов А. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX — начале XX в. Душанбе—Алма-Ата, 1967.

²⁴ История Самарканда. Т. 1, 2, Ташкент, 1969.

²⁵ История Бухары с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976.

тав нынешнего Таджикистана, или же отдельным частным вопросом истории Бухарского эмирата.

Цель настоящей работы — раскрытие на основе изучения архивных данных, в частности впервые вводимых в научный оборот документов фонда Кушбеги эмира бухарского, тех изменений, которые произошли в экономике и социальных отношениях дореволюционного Узбекистана, в частности феодальной Бухары, после установления протектората царской России.

Архив Кушбеги эмира бухарского хронологически охватывают период от 70-х годов прошлого века до конца существования эмирата, т. е. до 1920 г. Это периоды правления эмира Музафара (1856—1885) и двух последних эмиров Абдал Ахад-хана (1885—1910) и Алим-хана (1910—1920). В этом архивном фонде инвентаризовано 87 563 документа, написанных частично на местной, и частично — на русской, фабричной бумаге арабской графикой на таджикско-персидском языке с большим количеством арабизмов. Этот архив был передан в Центральный государственный архив Узбекистана в 1937—1938 гг. из Бухарского государственного музея. Документы этого фонда были обнаружены случайно, в декабре 1931 г. в подвале бухарского арка, где они хранились в свитках, без всякого порядка. В Бухарском музее, куда их перевезли из подвала бухарского арка, документы были предварительно разобраны и подвергнуты первичной формальной систематизации. В 1961 г. этот фонд пополнился документами из Бухарского музея, приобретенными музеем у жителей Бухары. В 1962 г. в одной из замурованных комнат бухарского арка было обнаружено еще около 5—6 тыс. документов того же фондообразователя.

В большинстве своем документы фонда Кушбеги эмира Бухарского не датированы, лишь с 1911 г. в связи с настойчивыми предложениями Российского императорского политического агентства бухарское правительство рассылает бекствам указание о необходимости датировки и регистрации корреспонденции. Нам пришлось провести большую работу по установлению времени составления использованных в работе документов, выяснению имен авторов, так как обычно документы не подписывались. Необходимо также отметить фрагментарность

данных документов и тенденциозность в освещении тех или иных событий.

Документы архивного фонда Кушбеги эмира бухарского в большинстве своем представляют донесения — ариза должностных лиц на имя эмира и кушбеги, реже — диванбеги из вилайетов и туманов эмирата по разнообразным вопросам. Должностные лица сообщали эмиру обо всех событиях, происшедших во вверенных им областях. Кроме ариза сохранились в этом фонде налоговые реестры (дафтары и пайгири) и ведомости на выплату жалованья военным и гражданским чинам, а также значительное количество расходных документов двора. Большую группу документов составляет переписка Кушбеги с Российским политическим агентством. В этом фонде сохранились документы, характеризующие те глубинные процессы, которые происходили в бухарском кишлаке в связи с проникновением капитала метрополии, а также данные о деятельности фирм и различных посредников по скупке бухарского сырья.

До нас дошли многочисленные данные о деятельности ростовщиков-индусов, например в тумане Карабаг, а также ростовщической деятельности фирм, например, «Бр. Шлосберг» и «Восточно-Бухарского товарищества» и т. д. Конкретные формы закабаления можно проследить по особому рода купчим, где сама ссуда скрывалась под стоимостью земли, а проценты по ссуде — под арендной платой. Посредством таких сделок происходило обезземеливание крестьянства. Сохранились сведения о многочисленных налогах и сборах, бытовавших в эмирате, а также об их конкретных размерах. Имеются донесения о разнообразных формах крестьянских выступлений. Эти материалы показывают, что несмотря на господство патриархальных отношений, обычно прикрывающих остроту классовых противоречий, крестьянские выступления в конце XIX — начале XX в. не были редкими или исключительными явлениями.

Наряду с документами фонда Кушбеги эмира бухарского использован также материал Канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства ФИ-1. В этом богатейшем фонде хранятся данные как по социальной, так и политической истории эмирата, различные докладные и рапорты русских чиновников, ученых и военных о положении в Бухаре, сведения, характеризующие внутрен-

нюю обстановку в эмирате. Особый интерес представляют «всеподданнейшие» доклады Туркестанского генерал-губернатора, отражающие положение дел.

Ценные данные по истории Бухарского эмирата сохранились в документах фонда Российского императорского политического агентства Ф. И-3. Заслуживают внимания докладные Российского императорского политического агентства Туркестанскому генерал-губернатору и центральной власти в Петербурге о положении в эмирате. Российские политические агенты по долгу службы изучали внутреннюю жизнь эмирата, а потому прекрасно знали положение дел. Именно поэтому в документах политических агентов содержатся важные сведения по истории эмирата. Они интересовались также вопросами развития торговли, собирали специально сведения по товарообороту Бухары с восточными странами и многим другим вопросам. Документы фонда Российского императорского политического агентства послужили после документов фонда Кушбеги эмира Бухарского вторым важным источником для нашей работы.

Нами изучены также данные документов фондов Дипломатического чиновника при Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора ф. И-2, Ферганского областного правления ф. И-19, Начальника Зарафшанского округа ф. И-5 и другие.

Помимо документальных материалов перечисленных выше фондов, хранящихся в Центральном Государственном архиве Узбекистана, были использованы также документы Азиатской части главного штаба ф. 400, Центрального Государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА СССР), документы ф. Среднеазиатский стол Архива Внешней политики России (АВПР) и Центрального Государственного Исторического архива Ленинграда (ЦГИАЛ).

Глава I «Установление протектората царской России над Бухарским эмиратом» написана канд. ист. наук Л. Н. Кравец, главы II и III «Социально-экономические изменения в Бухарском эмирате в конце XIX — начале XX вв» и «Классовая борьба в конце XIX — нач. XX вв» — канд. ист. наук К. З. Хакимовой (Мухсиновой).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРОТЕКТОРАТА ЦАРСКОЙ РОССИИ НАД БУХАРСКИМ ЭМИРАТОМ

В 40—50-х годах XIX в. царское правительство проявляет все больший интерес к среднеазиатскому вопросу. Усиливается деятельность русских дипломатических миссий в среднеазиатских ханствах, одновременно начинается широкое изучение их политического и экономического состояния, караванных путей в Среднюю Азию и т. д.

В конце 40-х и начале 50-х годов XIX в. царское правительство приступило к постепенному и планомерному продвижению в глубь Средней Азии. Военные действия были начаты в 1853 г., в том же году царские войска заняли кокандскую крепость на Сырдарье — Ак-Мечеть. На ее месте было возведено укрепление — форт «Перовского». Другое укрепление — форт № 1 было построено близ истока Казалы, здесь же основана Сырдарьинская укрепленная линия. Одновременно началось продвижение царских войск с северо-востока, со стороны Западной Сибири, от Семипалатинска. В течение 1850—1854 гг. был занят весь Заилийский край, и в 1854 г. у селения Алма-Ата возникло укрепление Верное. Таким образом была создана Сибирская укрепленная линия.

Создание Сырдарьинской и Сибирской укрепленных линий свидетельствовало о том, что царская Россия готовилась к широкому военному вторжению на территорию Средней Азии, но пока еще ничего не предпринимала в этом направлении. В то время происходило окончательное утверждение России на Кавказе, одновременно она пыталась активизировать свою внешнюю политику на Балканах. В 1853—1856 гг. велась Крымская война, требовавшая значительных средств и военных

сил, поэтому царское правительство вынуждено было временно отказаться от активизации действий в Средней Азии.

Поражение царской России в Крымской войне сделало для нее невозможным распространение своего влияния на Балканах и «привело к необходимости переключить центр тяжести внешней политики Российской империи с Балкан и Ближнего Востока на Средний и Дальний Восток, и в первую очередь — в Среднюю Азию»¹.

Карл Маркс в своей работе «Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия», анализируя результаты Крымской войны, писал: «Итак, для всероссийской империи путь в Европу ныне закрыт... Но если закрыть путь северо-западный, то остается южный и юго-восточный, Бухара, Персия, Афганистан...»².

Военное продвижение в Среднюю Азию, развитие экономических связей с другими странами Востока, как полагали правящие круги царской России, должны были помочь им восстановить пошатнувшийся военно-политический престиж и заставить пойти на известные уступки своего основного соперника — Великобританию.

Вместе с тем, учитывая эти внешне-политические мотивы военной экспансии в Среднюю Азию, определяющим следует признать пореформенное социально-экономическое развитие России. Реформа 1861 г., отменившая крепостничество в России, способствовала бурному капиталистическому развитию ее. Возникали новые промышленные предприятия, росли фабрики и заводы, расширялась сеть железных дорог. «И после 61-го года, — писал В. И. Ленин, — развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»³. Однако сохранение остатков крепостничества в деревне явилось известным тормозом для развития капитализма в сельском хозяйстве и образования внутреннего рынка.

Узость внутреннего рынка, медленное развитие капитализма «вглубь» объективно вызывали необходи-

¹ Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965, с. 82.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 600.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

мость развития его «вширь». В этой связи завоевание Средней Азии приобретало для буржуазии и помещиков России первостепенное значение. В периодической печати все громче начинали звучать мотивы «среднеазиатского направления» политики. Причем большинство авторов высказывалось за решительное наступление на Среднюю Азию.

Требования фабрикантов и купцов становились особенно настоятельными в связи с тем, что в указанный период импорт среднеазиатского хлопка приобрел огромное значение. Это было вызвано начавшейся в США гражданской войной и в связи с этим резким сокращением ввоза американского хлопка. Огромное значение среднеазиатского хлопка для текстильной промышленности России стало совершенно очевидным. Поэтому завоевание Средней Азии становилось актуальной и неотложной задачей внешней политики России.

Решительное наступление царизма в Среднюю Азию началось в 1864 г. активными действиями против Кокандского ханства. Царские войска под командованием генерала Черняева в сентябре 1864 г. захватили Чимкент и двинулись к Ташкенту — крупному торгово-экономическому центру Кокандского ханства с многочисленным населением и сильным гарнизоном. Осенью 1864 г. взять Ташкент Черняеву не удалось, но весной следующего года Ташкент был взят штурмом и перешел во владение России. В 1865 г. из Сырдарьинской и Новококандской линий была образована Туркестанская область, подчиненная оренбургскому генерал-губернатору.

Военные действия царской России в Средней Азии не могли не привести к столкновению ее с Бухарским эмиратом, наиболее крупным государством из всех среднеазиатских ханств.

Бухарский эмират в рассматриваемый период занимал довольно обширную территорию — кроме Бухарского оазиса ему принадлежали Самарканд, Мианкал, Пянджикент, верховья Зарафшана, долина Мургаба с городом Мервом, Гиссар и часть Афганского Туркестана, а в отдельные периоды — Ходжент, Ура-Тюбе и весь Зачирчикский край.

Начало 60-х годов XIX в. характеризуется обострением внутреннего и внешнего политического кризиса Бухарского эмирата. Бесконечные внутренние междуособ-

ные войны с соседними ханствами разоряли народ. В результате в отдельных областях ханства участились восстания. Нередко во главе восставших вставали и правители отдельных областей, стремившихся использовать народные движения в своих интересах, чтобы отделиться от эмира. Такие восстания происходили в Хисаре, Шадмане и Кухистане, и были жестоко подавлены эмиром Музаффаром (1860—1885 гг.)⁴.

Против отца восстал и его старший сын — правитель Гузара Абдумалик, поддержанный местными вельможами и представителями родовой знати. Восстание вскоре охватило и другие районы Бухарского эмирата — Ширабад, Каршинский вилайет, присоединились к нему и правители Шахрисабза и Китаба. Хитростью и подкупом эмиру Музаффару удалось расколоть силы восставших и подавить восстание. Однако беки Шахрисабза не прекращали скрытую борьбу.

Таким образом, к началу присоединения Средней Азии к России феодальная раздробленность в Бухарском эмирате не была преодолена, что ослабляло страну перед лицом внешней опасности — наступлением царских войск. Не сложился и единый фронт среднеазиатских ханств. Несмотря на чрезвычайно серьезное положение, создавшееся в Средней Азии в середине XIX в. в связи с продвижением царских войск к северным границам Кокандского и Хивинского ханств, взаимоотношения между Бухарой и ее соседями оставались по-прежнему напряженными.

Вступив на престол, Музаффар продолжил традиционную войну с кокандским ханом из-за Ура-Тюбе и Джизака, несмотря на то, что царские войска уже заняли ряд кокандских крепостей и таким образом потенциально угрожали независимости самого Бухарского эмирата. Заняв Ходжент, бухарские войска успешно продвигались в глубь Кокандского ханства, однако события внутри собственной страны, связанные с выступлением непокорных феодалов, заставили эмира вернуться в Бухару.

⁴ Хамраев А. Х. Упадок Бухары и установление протектората России. Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. — Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина. Вып. 343. Ташкент, 1969, с. 68.

В начале 1865 г. эмир вновь попытался захватить Ферганскую долину. Во главе своих войск он двинулся из Самарканда к Ура-Тюбе, прикрывавшему доступ в Фергану. Столкновения между Бухарой и Кокандом исключали возможность их совместных действий против общего врага — царской России.

В 1865 г. эмир Музаффар, разгромив кокандские войска, захватил столицу ханства Коканд и посадил там своего ставленника Худояр-хана, до этого неоднократно изгонявшегося из пределов ханства в ходе межфеодальной борьбы. Занятие Ташкента царскими войсками вызвало большое недовольство Музаффара, который сам претендовал на этот торгово-экономический центр Средней Азии. Он отправил к генералу Черняеву своих приближенных с требованием очистить Ташкент и отойти к Чимкенту. Одновременно в Петербург было направлено бухарское посольство для выяснения целей русских завоеваний в Кокандском ханстве.

Получив требование эмира оставить Ташкент, генерал Черняев арестовал всех находящихся в Туркестанской области бухарцев, конфисковал их товары и в своем рапорте на имя оренбургского генерал-губернатора Крыжановского просил распространить эту меру на всю империю. В силу этого ходатайства в середине июля 1865 г. все находившиеся в Оренбурге бухарские подданные были арестованы⁵. Узнав об этом, эмир в свою очередь приказал подвергнуть аресту находившихся в Бухаре русских купцов с их товарами.

Действия обеих сторон нанесли серьезный ущерб как бухарским торговцам, так и тесно связанным с ними торговыми операциями русским предпринимателям, что вызвало серьезное беспокойство в правящих кругах России. Оренбургское купечество обратилось к Крыжановскому с ходатайством об освобождении бухарских торговцев и снятии ареста с их товаров. Оно указывало, что Нижегородская ярмарка ожидает бухарских купцов — выгодных покупателей русских товаров, а бумагопрядильные предприятия страны крайне нуждаются в среднеазиатском хлопке. Оренбургские купцы просили

⁵ Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. Спб., 1890, с. 237.

восстановить свободный товарообмен между Российской империей и Бухарой.

Под натиском купечества Крыжановский вынужден был пойти на уступки. Он, правда, не разрешил бухарским купцам вернуться в ханство, но позволил им под наблюдением специально созданных комиссий по бухарским делам отправиться на ярмарку. 19 октября 1865 г. Комитет министров, разбирая вопрос о состоянии русско-бухарской торговли в связи с карательными мерами, посоветовал Крыжановскому при первой возможности полностью отменить репрессивные меры против бухарских купцов, впредь способствовать ограждению прав среднеазиатских купцов и не прибегать ни к каким чрезвычайным мерам без согласия на то центрального правительства.

Между тем отношения между Россией и бухарским эмиратом продолжали резко ухудшаться. Эмир после победы над Кокандом претендовал и на остальные кокандские владения, и в частности на Зачирчикский край. Однако решительные военные действия между Бухарой и Россией все еще не разворачивались, обе стороны пытались добиться своих целей дипломатическим путем. В сентябре в Туркестанскую область прибыл оренбургский генерал-губернатор Крыжановский и был встречен на Сырдарье посольством от эмира бухарского, которое просило позволения отправиться в Петербург для ведения переговоров. Однако царское правительство предоставило Крыжановскому право самому вести переговоры с бухарскими послами, по этой причине бухарскому посольству было отказано в просьбе и оно было остановлено в Казалинске.

19 октября 1865 г. генерал Черняев, желая восстановить дружеские отношения с Бухарой, послал к эмиру посольство в составе астронома К. В. Струве, связанного с торгово-промышленными кругами А. И. Глуховского и горного инженера А. С. Татаринова с конвоем из казаков и джигитов, но эмир задержал это посольство на том основании, что бухарские послы были остановлены на пути к Петербургу. Генерал Черняев потребовал возвращения посольства и для поддержания своего требования 28 января 1866 г. отправил к Джизаку отряд, поход которого окончился неудачей.

Эта неудача придала уверенность бухарцам. Посольство Струве все еще сидело в Бухаре, эмир стал готовиться к открытой войне. Опрометчивые действия Черняева вызвали недовольство в правящих кругах. Открытая война с Бухарой пока не входила в планы царской России. Слишком прямолинейно действовавший Черняев 27 марта был отозван в Петербург и место его занял генерал-майор Романовский. Военное министерство в своих инструкциях предписывало ему проявлять «умеренность» в отношениях с Бухарой, но без запрещения «в случае необходимости» вести военные действия.

Предотвратить войну с Бухарой не удалось, несмотря на попытки, предпринятые Романовским. Бухарские войска решительно двигались к Ташкенту, в самом городе зрел заговор приверженцев Бухары. Это побудило Романовского начать встречные активные военные действия против эмира.

8 мая 1866 г. в районе урочища Ирджар произошло крупное сражение, в результате которого слабо вооруженная и плохо организованная армия Бухары была разбита и, понеся значительные потери, бежала в пределы своей страны. Преследуя разбитые бухарские войска, Романовский взял город Ходжент и крепость Нау, что изолировало Бухарское и Кокандское ханства друг от друга. Эти события показали, что Романовский по сути дела продолжает активную захватническую политику своего предшественника — генерала Черняева.

После поражения эмирских войск и взятия Ходжента военные действия были прекращены. Бухарский эмир распорядился о возвращении русского посольства, были освобождены и задержанные ранее русские купцы. Генерал Романовский не имел полномочий на заключение мирного договора, но обещал приложить усилия к заключению его, и в начале июня вернулся в Ташкент.

17 августа 1866 г. в Ташкент приехал оренбургский генерал-губернатор Крыжановский, чтобы официально урегулировать отношения с Бухарским эмиратом. Он потребовал от эмира прислать уполномоченного для ведения переговоров о мире. Бухаре были выдвинуты требования: признать все территориальные завоевания России в Средней Азии и очертить границы по Голодной степи и пустыне Кызылкум; обеспечить безопасность и свободу передвижения русских купцов в Бухаре; урав-

нять пошлины, взимавшиеся с русских товаров в эмирате, с пошлинами, какими облагались бухарские товары в России; выплатить военные контрибуции. Бухарский посол согласился принять все предложенные условия, но просил лишь исключить пункт о выплате контрибуций, что дало Крыжановскому формальный предлог для возобновления военных действий против Бухары.

23 сентября 1866 г. царские войска вступили в пределы Бухарского эмирата. 2 октября, несмотря на упорное сопротивление защитников города, штурмом был взят Уратюбе, затем крепость Заамин и 12 октября экспедиционный отряд под командованием Романовского подошел к Джизаку, имевшему важное стратегическое значение на пути в глубь эмирата⁶. В течение пяти дней город упорно сопротивлялся, подвергаясь разрушению от действия артиллерии царских войск. 18 октября он был взят штурмом, во время которого погибло около шести тысяч бухарцев и взято в плен более двух тысяч. Бухарские войска отступили.

В 1867 г. с наступлением весны царские войска возобновили военные действия. 25 мая отряд подполковника Абрамова занял бухарское укрепление Яны-Курган и вышел на подступы к Самарканду. В это же время генерал Крыжановский заключил с бухарским послом в Оренбурге мир, не требуя более от эмира контрибуции и уступая ему даже Яны-Курган.

В середине 1867 г. из всех земель, завоеванных царской Россией в Средней Азии, было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, непосредственно подчиненное центральному правительству России. Первым туркестанским генерал-губернатором был назначен генерал-адъютант К. П. Кауфман, наделенный весьма широкими правами. В рескрипте о полномочиях, данных Александром II Кауфману, было сказано: «Мы признали за благо снабдить нашим высочайшим полномочиём нашего туркестанского генерал-губернатора, генерал-адъютанта Константина Кауфмана, и уполномочиваем его к решению всяких политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и к подписанию трактатов, условий или постановлений...

⁶ ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 68, л. 15.

Обещаем императорским словом нашим за нас и преемников наших за благо принять все, что в силу сего означенного уполномоченным нашим заключено и подписано будет»⁷. Перед Кауфманом была поставлена задача прежде всего открыть «широкий и легко доступный путь нашей отечественной торговле и промышленности в глубь Средней Азии»⁸.

Таким образом, Кауфман по существу становился настоящим властелином во вновь завоеванном крае. Как отмечал туркестановед Н. П. Остроумов, Кауфман своими распоряжениями «иногда даже предупреждал высшую правительственную власть, которой оставалось только соглашаться с его распоряжениями и утверждать их в законодательном порядке»⁹.

Основной задачей Кауфмана во вновь завоеванном крае было «максимально облегчить колониальное освоение занятых Российской империей среднеазиатских земель»¹⁰, что отвечало коренным интересам торгово-промышленной буржуазии, представители которой продолжали проявлять большую заинтересованность в расширении среднеазиатской торговли.

По прибытии в Ташкент он прежде всего отказался признать мирный договор, подписанный Крыжановским в Оренбурге с бухарским послом, возражая против отмены контрибуции, а также предлагая провести русско-бухарскую границу значительно западнее, чем это предполагалось первоначально. Однако следует отметить, что не желая с первых же шагов своей новой деятельности портить отношения с Министерством иностранных дел, Кауфман отверг предложение Крыжановского включить в проект договора пункт об отказе Бухары от самостоятельной внешней политики¹¹.

1 сентября 1867 г. проект договора был окончательно составлен и отправлен на утверждение эмиру. По словам самого Кауфмана этот договор «вернее было бы

⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 8, л. 21.

⁸ Там же, д. 346, л. 91.

⁹ Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова. Ташкент, 1899, с. 102.

¹⁰ Халфин Н. А. Указ. соч., с. 231.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 35, л. 149.

назвать ультиматумом»¹² и он мало рассчитывал на его утверждение. Однако военные действия с эмиром непосредственно в данный момент он считал нежелательными, поскольку необходимо было укрепить позиции колониальной администрации во вновь созданном Туркестанском генерал-губернаторстве и урегулировать взаимоотношения с Кокандом. Исходя из этого, он пошел на ведение длительных переговоров с Бухарой, которые продолжались с ноября 1867 г. по апрель 1868 г. За это время был заключен мирный договор с кокандским ханом Худояром, по которому последний признавал себя вассалом России и предоставлял ряд льгот русским купцам в ханстве. Были достигнуты и определенные успехи в деле налаживания внутренней жизни нового генерал-губернаторства. Все это развязало руки Кауфману в предстоящей войне с Бухарой. Между тем переговоры с эмиром Музаффаром ни к чему не привели и в мае 1868 г. возобновились военные действия между Россией и Бухарой.

Следует отметить, что планы дальнейшего движения в глубь Бухарского ханства, к Самарканду, не встретили поддержки со стороны Министерства иностранных дел, которое опасалось осложнения международной обстановки. В 60—70-х годах XIX в. в правительственных кругах России существовало две линии в проведении среднеазиатской политики. Сторонники первой линии сидели в Министерстве иностранных дел, это были в большинстве случаев представители старого помещичьего дворянства, мало заинтересованные в приобретении среднеазиатских рынков. Они считали, что Средняя Азия занимает второстепенную роль во внешней политике России. Дипломатические круги России вынуждены были учитывать реакцию мировой общественности на те или иные действия правительства, расценивать определенные политические и военные шаги с точки зрения международной обстановки, которая в то время была весьма сложной.

Другую же линию представляло Военное министерство во главе с Д. А. Милютиним, тесно связанное с развивающейся российской буржуазией. Видные деятели

¹² Там же, л. 155.

Военного ведомства были сторонниками буржуазных реформ и хорошо понимали нужды укреплявшейся капиталистической экономики, они стояли поэтому за активную политику в Средней Азии. Эту линию поддерживали также представители колониальной администрации Туркестана и торгово-промышленная буржуазия России.

Наличие двух линий в среднеазиатской политике обусловливало некоторую непоследовательность царского правительства в решении вопросов завоевания. С одной стороны, оно приветствовало успехи своих войск, с другой — опасалось особенно активных и прямолинейных действий.

Наличие этих разногласий в правительственных кругах России отразилось и на решении вопросов русско-бухарских отношений. Планы дальнейшего движения в глубь Бухарского ханства, к Самарканду, представленные Кауфманом, не встретили поддержки со стороны Министерства иностранных дел. Однако Военное ведомство, развив кипучую деятельность, сумело убедить царя в необходимости решительных действий против бухарского эмира. Вторая линия взяла верх и поход против Бухары был решен.

В это время положение в Бухарском ханстве было особенно напряженным. Среди господствующих кругов его четко выделялись две группировки. Мусульманское духовенство и феодальная верхушка требовали от эмира решительных действий против России. Эти круги опирались на старшего сына Музаффара — Абдумалика и обвиняли эмира в нерешительности, они требовали провозглашения «газавата» (т. е. «священной войны» против неверных).

Иную позицию заняло бухарское купечество и ремесленные круги, которые, будучи заинтересованными в развитии экономических связей, стремились к быстрейшему урегулированию конфликта с выгодным партнером по торговым делам. Весной 1868 г. борьба этих группировок завершилась победой феодальных кругов и духовенства. Музаффар, страшась потерять свой трон, вынужден был начать активные военные действия.

В апреле 1868 г. Бухарские войска во главе с самим эмиром вышли к реке Зарафшан. Генерал Кауфман решил предупредить бухарцев и 18 апреля выехал из

Ташкента в Джизак, где собрал довольно значительный отряд и выступил с ним навстречу эмиру. Первого мая произошло сражение на Чупанатинских высотах, в результате которого бухарская армия потерпела сокрушительное поражение и второго мая царские войска вступили в Самарканд. 18 мая отряд под командованием генерала Головачева занял крупный бухарский город Каттакурган, лежащий на подступах к столице ханства — Бухаре. Второго июня в решительном сражении на Зерабулакских высотах плохо организованная, обученная и вооруженная армия эмира была разбита и фактически разбежалась. Дорога на Бухару была открыта, сам Музаффар готовился бежать в Хорезм.

Однако в планы царизма не входила окончательная ликвидация Бухарского эмирата, царское правительство предпочитало сохранить существование в Средней Азии этой феодальной деспотии, но под известным контролем. Эмиру Музаффару было предложено заключить мирный договор.

23 июня 1868 г. после непродолжительного рассмотрения был заключен мирный договор между Россией и Бухарой, согласно которому вся завоеванная территория до Зерабулака с городами Ходжентом, Урагюбе, Джизаком, Самаркандом и Каттакурганом отходила к России, образовав самостоятельный Зарафшанский округ в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Бухарский эмир обязан был уплатить контрибуцию в размере 500 тыс. рублей, русским купцам предоставлялось право свободной торговли, бухарские власти должны были обеспечить их безопасность, с их товаров взималась пошлина в размере 2,5%; русским купцам предоставлялся также свободный проезд через территорию эмирата в соседние государства; русским купцам и промышленникам разрешалось учреждение торговых агентств во всех желательных для них пунктах. В одном из пунктов этого договора в ханстве отменялось рабство и торговля невольниками, что имело, несомненно, прогрессивное значение.

Таким образом, война между Россией и Бухарой была закончена. Между тем политические вопросы, возникшие в ходе ее, не получили своего разрешения, на повестку дня встал так называемый «самаркандский вопрос». Дело в том, что Министерство иностранных

дел, опасаясь конфликтов с Англией, категорически потребовало вернуть Самарканд Бухаре. К. П. Кауфман направил в Петербург рапорты царю и военному министру, а также канцлеру А. М. Горчакову, где подробно обосновывал необходимость присоединения к России долины верхнего Зарафшана, подчеркивая огромное экономическое и стратегическое значение Самаркандского вилайета для колониальных властей в Средней Азии, ибо зависимость бухарской долины от верховьев Зарафшана в ирригационном отношении позволяла Российской империи сохранять политическое господство над Бухарским эмиратом¹³.

Однако Министерство иностранных дел заняло твердую позицию и оказывало нажим на Военное министерство, которое вынуждено было направить Кауфману предписание «не распространять пределов наших новых завоеваниями..., направить все усилия к тому, чтобы можно отвести войска из бухарских владений, не исключая и Самарканда...»¹⁴. Это предписание было поддержано Александром II, который также потребовал возвращения Бухаре Самарканда и Каттакургана и отказался утвердить договор с Бухарой от 1868 г.¹⁵ В августе 1868 г. К. П. Кауфман отправился в Петербург, чтобы добиться изменения занятой правительством позиции. Во время своей встречи с Александром II, человеком ограниченным и легко поддававшимся влиянию своих сановников, Кауфман сумел убедить его в необходимости отсрочки возврата Самарканда. Вернувшись в Ташкент, Кауфман стал действовать на свой страх и риск и под различными предложениями оттягивал выполнение предписания о возвращении Самарканда.

Между тем положение Бухарского эмирата значительно ухудшилось. Поражение бухарских войск в 1868 г. и потеря районов Самарканда и Каттакургана, заключение договора, который фактически устанавливал вассальную зависимость Бухары от Российской империи, — все это нанесло серьезный удар политической системе ханства. Военно-феодалная знать и мусульманское духовенство еще более настойчиво обвиняли эмира в не-

¹³ Там же, д. 37, л. 72.

¹⁴ Там же, л. 194.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 34, л. 26.

решительности, в неспособности и нежелании дать отпор «неверным» и вернуть Бухаре ее былую мощь. Недовольные продолжали группироваться вокруг Абдумалика Каттаюрюя, особенно активно поддерживали его шахрисабзские беки. Сюда же через Афганистан стали проникать английские агенты, поддерживавшие Абдумалика в надежде отколоть Бухару от России.

Резко ухудшилось и экономическое положение Бухарского эмирата. С потерей богатейших оазисов Самарканда и Каттакургана значительно сократились доходы, поступавшие в государственную казну, а между тем необходимо было выплачивать контрибуцию. В результате еще более усилилась эксплуатация трудящихся масс. Новые налоги легли тяжелым бременем на плечи трудового народа, вызывая его разорение. Росло недовольство трудового дехканства и беднейших слоев городского населения. Ишаны и муллы, умело разжигая это недовольство народных масс, стремились использовать его в своей борьбе против Музаффара.

Центром враждебных эмиру сил стал г. Карши. Сюда из Бухары бежал Абдумалик Каттаюрюя и провозгласил себя ханом, к нему стали стягиваться войска мятежных феодалов. Пытаясь разгромить своих врагов, Музаффар с войсками двинулся на Карши, ему удалось потеснить Абдумалика и его сторонников и заставить их бежать в Шахрисабз. Однако в это время поднял мятеж нуратинский бек Садык. Именем Абдумалика он захватил Кермине и готовился к подходу на Бухару.

Эмир находился в критическом положении — он нужен был бороться на два фронта. В этих условиях у него не было иного выхода, как обратиться к своему недавнему врагу генералу Кауфману. Эмир направил своих послов в Самарканд с ходатайством к начальнику Зарафшанского округа генерал-майору Абрамову, прося его о содействии. Надеясь еще более укрепить влияние России в Бухаре, туркестанский генерал-губернатор разрешил Абрамову удовлетворить просьбу Музаффара и оказать ему поддержку¹⁶. 27 октября 1868 г. г. Карши был взят войсками Абрамова и вместе с Шахрисабзским и Китабским бекствами был передан подошедшим бухарским войскам.

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 37, л. 168, 196.

Однако каршинская экспедиция генерала Абрамова была воспринята в Петербурге крайне отрицательно. Вновь обостряется «самаркандский вопрос». МИД оказывал постоянное давление на военного министра Д. А. Милютину, требуя прекратить вмешательство во внутренние дела Бухары, ограничиться простым наблюдением за событиями и продолжая настаивать на возвращении Самарканда Бухаре¹⁷.

Не желая обострять отношений с Министерством иностранных дел, хитрый дипломат Кауфман пошел на компромисс. В конце февраля 1869 г. он заявил, что в связи с ликвидацией междоусобицы в Бухарском ханстве представляется возможность вернуть ему Зарафшанский округ¹⁸. На самом же деле это заявление носило декларативный характер, Кауфман даже и не помышлял о его выполнении. Одновременно в рапорте на имя Военного министра он требовал, чтобы практическое разрешение этого вопроса было полностью предоставлено ему. Кауфману удалось этого добиться, в результате чего он получил легальные возможности затягивать урегулирование этой проблемы на неопределенное время. Между тем он исподволь готовил почву для окончательного решения этого вопроса в избранном им направлении, доказывая экономическую и стратегическую выгоду Зарафшанской долины в деле удержания господства в Средней Азии.

Бухарский эмир, видя колебания царского правительства в решении вопроса о Самарканде, попытался добиться города, непосредственно связавшись с Петербургом через голову туркестанского генерал-губернатора. С этой целью он во второй половине 1869 г. отправил в Петербург послов во главе со своим сыном Сеид Абдул Фаттахом. Посольство везло богатые дары и было хорошо принято при дворе. Однако поскольку правительство предоставило Кауфману решать все среднеазиатские дела, оно отказалось обсуждать с посланниками эмира русско-бухарские отношения, указав, что это входит в компетенцию Кауфмана¹⁹. Бухарским послам не

¹⁷ Там же, д. 38, л. 35.

¹⁸ Там же, д. 39, л. 84—95.

¹⁹ Халфин Н. А. Указ. соч., с. 286—288.

удалось разрешить самаркандского вопроса и они ни с чем весной 1870 г. вернулись в Бухару.

Неудача посольства Сеид Абдул Фаттаха усилила враждебность эмира по отношению к России. До Кауфмана доходили слухи о переговорах между Музаффаром и афганским эмиром Шер-Али о сближении эмира со своими недавними противниками — шахрисабзскими беками и установлении связей между Бухарой и Хивой²⁰. В своих донесениях в столицу туркестанский генерал-губернатор высказывал опасения по поводу возникновения «среднеазиатской коалиции» против Российской империи.

Кауфман принял ряд мер, чтобы разрядить обстановку в Средней Азии и заставить эмира быть сговорчивее. Весной 1870 г. была организована Искандеркульская экспедиция под началом того же генерала Абрамова. Ее целью было усмирение непокорных эмиру бекств, расположенных в верховьях Зарафшана. Одновременно эта экспедиция должна была продемонстрировать эмиру силу царских войск.

Вместе с тем Кауфман решил воздействовать на эмира и дипломатическим путем. В Бухару было отправлено посольство во главе с полковником Носовичем. Целью этой миссии являлось «...успокоение бухарского народа, который увидит в ее прибытии желание... поддержать и укрепить дружественные и мирные отношения с соседними ханствами»²¹. Ей было также поручено добиться полного равноправия российских подданных в Бухаре с местными жителями. Вместе с посланниками Кауфмана в Бухару отправился торговец шелком Г. Мозер для закупки коконов. Кауфман полагал, что удачное осуществление этого предприятия будет способствовать расширению русско-бухарских экономических связей²².

Посольство Носовича прибыло в Бухару 23 мая 1870 г. и провело там почти месяц. Эмир, осведомленный об успешном ходе Искандеркульской экспедиции, встретил посольство дружелюбно и просил передать колониальной администрации о своей «верности» договору. Одновременно он распорядился о содействии куп-

²⁰ ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 40, л. 53.

²¹ Там же, д. 41, л. 272.

²² Там же.

цу Мозеру. Носович, вернувшись в Ташкент, доставил Кауфману «весьма успокоительные сведения относительно политики эмира и настроения бухарского народа»²³, так что тот счел миссию «весьма успешною»²⁴.

Стремясь вознаградить бухарского эмира за «верность» и окончательно отвлечь его от мыслей вернуть Самарканд, Кауфман решил помочь ему в борьбе с мятежными беками Шаара и Китаба. С этой целью в августе была предпринята Шахрисабзская военная экспедиция, закончившаяся полным разгромом непокорных беков. 16 августа 1870 г. состоялся торжественный акт передачи эмиру управления Шахрисабзским оазисом.

Получив территорию мятежных беков, эмир стал уступчивее и больше уже не требовал возвращения ему Самарканда и Каттакургана.

Несколько позднее Кауфман отправил в Петербург составленную им «Записку о политическом значении владения Самаркандом», где вновь обращал внимание правительства на то, что присоединение Самарканда к России обеспечит полную покорность Бухарского ханства. Аргументированные доводы колониальных властей оказали свое действие, и постепенно правительственные круги стали склоняться к закреплению Самарканда за Российской империей. 4 декабря 1872 г. Особое совещание по делам Средней Азии в присутствии Александра II приняло решение об окончательном присоединении Самарканда к России²⁵. В связи с этим туркестанскому генерал-губернатору было поручено заключить с бухарским эмиром новый договор, так как русско-бухарский трактат 1868 г. так и не был утвержден царем.

23 сентября 1873 г. в Шахрисабзе был подписан новый договор между Российской империей и Бухарским эмиратом. Он уточнял границы между Туркестанским краем и ханством, правила о торговых документах и паспортах для русских и бухарских подданных, о решении спорных дел между ними. Договор предусматривал свободный доступ российских купцов и караванов в любую часть эмирата; ответственность местных властей за их безопасность и за выполнение условий торговых

²³ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 346, л. 81—91.

²⁴ ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 43, л. 231.

²⁵ Там же, д. 55, л. 148.

делок; беспопытность транзита русских товаров; бухарцам в России, а русским подданным в Бухаре предоставлялись права владеть недвижимостью, заниматься различными промыслами и ремеслами, строить караван-сарай и складские помещения.

Согласно этому договору Бухарский эмират признавался протекторатом России, ему запрещалось вести самостоятельные внешние сношения с иностранными государствами. Так, когда в Ташкенте стало известно об отправке бухарских послов в Константинополь, туркестанские власти потребовали от посланников обещания, что «других отношений, кроме простого обмена любезностями не может и не должно существовать между Бухарой и Султаном»²⁶. Тогда же от эмира потребовали прекратить всякие сношения с Турцией, заявив при этом, что все сведения о его государстве «гораздо вернее и скорее доходят до султана через посла нашего в Константинополе, которому сообщается своевременно все относящееся до Бухары»²⁷.

Туркестанская администрация получала право вмешиваться в решение вопроса о наследнике бухарского престола, о назначении на пост первого министра в эмирате и кандидатов на пост беков крупнейших областей. Одновременно Россия брала обязательство сохранять территориальную целостность ханства, помогать эмиру в его борьбе с внутренними противниками и защищать его государство от внешних врагов.

«В этом договоре, — писал туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман, — заключается, в сущности, все, что требуется от Бухары. Эмир, сознавая свое бессилие, согласился принять эти условия существования его власти»²⁸.

Все дела по сношению Бухарского эмирата с Россией и Туркестанским генерал-губернаторством шли через Дипломатического чиновника, находившегося при туркестанском генерал-губернаторе. Позднее для этих целей в Бухаре было учреждено «Российское политическое агентство», о чем пойдет речь ниже.

Установление протектората царизма над Бухарским эмиратом фактически означало превращение его в ко-

²⁶ ЦГА УзССР, ф. И-715, оп. 1, д. 50, л. 249.

²⁷ Там же, л. 250.

²⁸ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 20, л. 29.

лонию. Недаром В. И. Ленин, говоря о колониальных владениях царизма в Средней Азии, писал: «у России есть Хива и Бухара, это тоже нечто вроде колоний...»²⁹.

Бухарский эмир вынужден был послушно исполнять любые указания туркестанских колониальных властей и центрального правительства из-за боязни за свое существование и страха перед вмешательством России во внутренние дела. Недаром один из туркестанских генерал-губернаторов любил повторять: «Самый исправный у меня начальник уезда в Туркестане Эмир Бухарский»³⁰. Фраза эта вполне характеризовала положение, которое занимала Бухара в то время.

Вместе с тем положение Бухарского эмирата было несколько отличным от остального Туркестана, который являлся неотъемлемой территорией Российской империи. Бухара же внешне сохраняла вид самостоятельного государства, это было как бы государство в государстве.

Что же представлял собой Бухарский эмират после установления над ним протектората царской России?

Во второй половине XIX в. эмират занимал территорию около 200 тыс. кв. км с населением около 3 млн. человек. Бухарскому эмирату принадлежали плодородные долины Зарафшана, Кашкадарьи и Сурхандарьи, горные области Куляба, Давраза, Каратегина и Бальджуана, а также земли, расположенные на правом берегу Амударьи, в районах Чарджуя, Карши и Керки. После памирского разграничения к Бухарскому эмирату были присоединены также земли Шугнана, Рошана и северная часть Вахана.

В административно-территориальном отношении эмират делился на области — вилайеты или бекства. В нем насчитывалось 28 бекств-вилайетов, которые в свою очередь делились на более мелкие административные единицы — амлякдарства³¹.

В ханстве было несколько крупных по тому времени городов — столица ханства Бухара, насчитывавшая свыше 80 тыс. жителей, а также главные города отдельных

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 274.

³⁰ Логофет Д. Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909, с. 5.

³¹ История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент. 1968, с. 92.

бекств — Карши, Шахрисабз, Гисар, Гузар, Бальджуан, Куляб. Позднее из первоначальных русских поселений выросли новые города — Новая Бухара (Каган), Чарджуй, Термез и Керки.

Национальное большинство составляли узбеки — более половины всего населения ханства. Второе место по количеству населения в эмирате занимали таджики. Жили они в городах и горных районах так называемой Восточной Бухары — в Кулябе, Дарвазе, Кургантюбе, Каратегине, Бальджуане, Рошане, Шугнани и Вахане.

Киргизы, занимаясь в основном скотоводством, частично группировались в горах Гиссарского хребта, большинство же их размещалось по течению р. Кизыл и Таирсу, а также в горных долинах Кулябского, Бальджуанского и Каратегинского вилайетов.

Туркмены жили по берегам р. Амударьи и Пянджа, в районах Чарджуй, Карши и Керки. Занимались они преимущественно скотоводством.

Казахи и каракалпаки проживали в районах Кермине и Нураты.

В районах Бухары и Карши сохранились поселения арабов. Среди коренного населения городов имелось много среднеазиатских (бухарских) евреев. В эмирате жили также иранцы, афганцы, татары и индийцы. Последние населяли крупные города и вели торговлю чаем и привозной из Индии краской для тканей — индиго.

В конце XIX и особенно начале XX в. в эмирате появляется и русское население. Это были русские войска, стоявшие в пограничных городах Термезе и Керки, а также в военных постах на Памире. Вслед за завоевателями эмират наводняли русские торговцы и предприниматели, представители различных банков и акционерных обществ, владельцы промышленных предприятий.

Трудовой народ был представлен рабочими — железнодорожниками и работниками железнодорожных станций.

С проведением через Бухару железнодорожного пути на территории ханства возник ряд русских поселений. Устройство железнодорожных линий и станций требовало создания так называемой «железнодорожной полосы отчуждения». Одновременно стали возникать русские поселения при железнодорожных станциях и на речных пристанях. Когда в 1888 г. железная дорога дошла до

Самарканда, утверждены были правила об устройстве таких поселений в Бухарском ханстве на основании «дружественного соглашения» туркестанского генерал-губернатора с бухарским эмиром³².

Государственный строй в Бухарском эмирате в конце XIX — начале XX в. продолжал оставаться феодальным. Характеризуя общественно-политический строй колониальных и зависимых окраин бывшей Российской империи — Туркестана, Бухары и Хивы, В. И. Ленин писал: «Важнейшей характернейшей чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения...»³³

Формой государства являлась феодальная монархия, во главе ее стоял эмир, его власть «держалась вековым угнетением трудящегося народа, темнотой, забитостью его, застоём экономической и всякой другой культуры»³⁴. Власть его над своими подданными была неограниченной. Мусульманские законоведы считали, что «эмиру присвоено право над жизнью и смертью каждого из подданных, а равно и право на имущество всего населения. Как пастух может резать во всякое время любую овцу из своего стада, так и эмир имеет законное право пресечь жизнь любого из населения»³⁵.

Управление страной осуществлялось при помощи сложного аппарата чиновников. Главным административным лицом в стране был Кушбеги (первый министр). Он ведал делами внутреннего управления, а в отсутствие эмира вступал в управление страной. Ему непосредственно подчинялись все местные беки.

Беки — начальники областей стояли во главе каждого бекства и по своим обязанностям играли роль губернаторов. Во главе каждого амлякдарства стоял амлякдар (что-то вроде начальника уезда). Начальником каждого населенного пункта являлся особый чиновник — аксакал (староста). Лицо же, заведовавшее несколькими населенными пунктами, называлось минг-баши.

В каждом бекстве имелся раис, в обязанности которого входило наблюдение за нравственностью населения, ему в свою очередь подчинялись раисы, находив-

³² ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 251, л. 11.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 244.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 180—181.

³⁵ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 251, л. 10—12.

шиеся в амлякдарствах. Все райсы подчинялись главному райсу, а тот в свою очередь калян — главному духовному лицу в ханстве.

Начальником финансовой части являлся главный зякетчи (начальник сборов), которому были подчинены все зякетчи, состоящие в каждом бекстве и в каждом амлякдарстве. Они заведовали сбором основных налогов и не зависели от беков.

Судебное ведомство Бухарского эмирата также находилось в руках феодалов-эксплуататоров, защищало их интересы и служило одним из орудий эксплуатации народных масс. Судебное производство отправляли судьи — казии, состоявшие в каждом бекстве и амлякдарстве и назначаемые эмиром. Были они независимыми от местной администрации и подчинялись калян.

Помимо прямых обязанностей на райсов, казиев, зякетчи возлагалась также задача сбора сведений об урожае в своем районе, о поступлении сборов и податей и действиях администрации — беков и амлякдаров, которые в свою очередь должны были доносить о всех действиях казиев, райсов и зякетчи. Все эти чиновники различных мастей никакого специального жалования от эмира не получали, а кормились за счет населения подвластных им районов, получая определенный доход от всяких сборов и «обращая себе на пользу все штрафы, налагаемые на население за совершенные проступки и мелкие преступления»³⁶.

Так, в период правления эмира Абдулахада (1885—1910 гг.) в Бухарском эмирате насчитывалось до 50 тыс. различных чиновников, которые не получали содержания от правительства, а содержались за счет населения, «что при значительности податей ложится тяжелым бременем на жителей. Эмир высшим служащим своим ежегодно присылает из своих средств лишь особые подарки в виде халатов, лошадей и пр. Но иногда административные лица за службу получают в крепостную зависимость целые семейства с правом взыскания с них 1/3 всего получаемого ими дохода и тогда семейства эти освобождаются от казенных податей и сборов»³⁷. Такая система приводила к тому, что вся армия правителей и чи-

³⁶ Там же, л. 19.

³⁷ Там же, л. 18—21.

новников усиленно выколачивала доходы из населения, обращая значительную долю их в свою пользу.

В ханстве процветали коррупция, подкупы, взяточничество. «Вся администрация в Бухарских владениях назначалась системой подарков и родственных отношений. Беки, назначаемые из Бухары, привозили с собой своих родственников и преданных людей, размещаемых на все ответственные и доходные места в бекстве.

Вследствие господствующей в Бухарском ханстве во всех назначениях системы произвола никто не мог поручиться за свое долгое пребывание на своей должности... А потому всякий бухарский чиновник смотрел на свое пребывание у власти, как на временное положение и по мере своего умения старался извлечь из своего служебного положения для себя побольше выгод»³⁸.

Частая смена беков в эмирате была обычным явлением. Она сопровождалась вторичным сбором податей и отправлением эмиру каравана с деньгами и подарками. Так, за пять лет (1903—1908 гг.) в Кулябе сменилось пять беков, в Бальджуане, Гиссаре, Кабадиане и Ширабаде — по три³⁹. Такая система правления тяжелым бременем ложилась на плечи трудового народа.

Опорой эмира и правящей феодальной аристократии была армия. Однако она существенно отличалась от армий европейского образца. При эмире Абдулахаде бухарская армия насчитывала около 10 тыс. человек.

С каждым годом бухарская армия приходила все в больший упадок. Офицеры не имели военного образования, учения в армии проводились крайне редко, вооружение не пополнялось. Как констатировал политический агент в Бухаре, «в общем, все это войско на военного производит впечатление опереточного, благодаря полному отсутствию обучения, делающему его похожим на какой-то невозможный сброд, никакого отношения к военному делу не имеющий»⁴⁰.

Сохраняя бухарскую армию в неизменном виде, царское правительство лицемерно старалось подчеркнуть перед лицом соседних восточных государств оттенок независимости Бухарского эмирата как отдельного государства.

³⁸ Там же, л. 85—97.

³⁹ Там же, л. 18—21.

⁴⁰ Там же.

Таким образом царские власти сознательно консервировали старые феодальные порядки в Бухарском эмирате и этим они прочно держали в узде бухарского эмира. Сохраняя внешние атрибуты его власти, Россия на самом деле диктовала ему свою волю и свою политику.

Органом проведения колониальной политики царской России в Бухарском эмирате являлось Российское императорское политическое агентство, учрежденное в Бухаре в 1885 г. Политический агент был официальным постоянным представителем царской России и через него происходили все сношения Петербурга и Ташкента с бухарским правительством. Резиденция политического агента находилась в Новой Бухаре (Кагане). Учреждение этого органа было продиктовано необходимостью установления непосредственного контроля над действиями эмира и его правительства.

Политическое агентство не являлось посольством в самостоятельном и суверенном государстве. Специфическое положение политического агентства как нельзя лучше отражено в письме туркестанского генерал-губернатора военному министру от 30 мая 1909 г.: «Бухара, отказавшаяся от внешней политики, не представляет теперь никакого поприща для чисто посольской деятельности и наш политический агент должен быть одновременно и русским резидентом, контролирующим деятельность бухарского правительства...»⁴¹.

Политическое агентство, кроме того, должно было заниматься организацией управления русскими поселениями в пределах ханства, а также охранять интересы русской торгово-промышленной буржуазии, оказывать покровительство русским купцам и сборщикам сырья, заботиться о развитии торговли с Бухарой.

Инструкция туркестанского генерал-губернатора Розенбаха «Об обязанностях политического агента, касающихся непосредственно интересов Туркестанского края» (1885 г.) устанавливала, что уголовные и гражданские дела, которые возникали между русскими подданными, проживавшими на территории Бухарского эмирата, решались непосредственно политическим агентом, при этом он должен был руководствоваться «Положением об управлении Туркестанским краем» и законами, дей-

⁴¹ Там же, л. 65—74.

ствовавшими на территории Российской империи. Для разбора уголовных и гражданских дел, которые возникали между русскими и бухарскими подданными, была создана судебная комиссия из политического агента и бухарского Кушбеги, которая все дела решала по взаимному соглашению русского и бухарского представителей. Позднее, когда в Бухарском эмирате было организовано русское судебное ведомство, политический агент ведал разбором только тех дел, в которых ответчиками являлись бухарские подданные.

По отношению к русским поселениям в Бухарском эмирате политический агент в Бухаре обладал всеми правами генерал-губернатора. Политическое агентство, с одной стороны, непосредственно выполняло все поручения, поступающие из Центра, в частности директивы Министерства иностранных дел, докладывало обо всем туркестанскому генерал-губернатору. Для осуществления контактов с политическим агентом в Бухаре при туркестанском генерал-губернаторе состоял специальный дипломатический чиновник.

Для расширения влияния Политического агентства в Бухаре и для более действенного контроля за деятельностью бухарского правительства в начале 1910 г. штат агентства был увеличен, введена должность помощника политического агента по административной части с подчинением этого чиновника непосредственно туркестанскому генерал-губернатору.

Через Политическое агентство туркестанская колониальная администрация и центральное правительство получили возможность вмешиваться во все вопросы внутренней жизни Бухарского ханства — о наследнике бухарского престола, о назначении кандидата на пост первого министра, а также об его действиях, о назначении на пост беков крупнейших областей и других чиновников. Свидетельство этому мы находим в письме Бухарского Кушбеги Астанакул-бия политическому агенту от 22 апреля 1909 г.: «...Во все время моей служебной деятельности все дела и поручения Русского правительства, которые передавались мне Бухарским правительством для исполнения, я, не отступая от приказания Его Высочества и от указания Политического Агентства исполнял их добросовестно...»⁴².

⁴² ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 125, л. 44.

Русские власти активно вмешивались не только в государственную, но и в экономическую жизнь ханства, системой подарков и пожертвований вытягивая из него крупные средства. Понемногу Бухарское ханство заняло своеобразное положение «дойной коровы» для местного и петербургского чиновничества. На все эти подарки и пожертвования ежегодно из бухарской казны уходили десятки тысяч, что тяжелым бременем ложилось на плечи трудового народа, беспощадно разоряло его. Так, установление протектората царской России над Бухарским эмиратом фактически означало превращение его в колонию. Трудящиеся Бухары попали под двойной гнет — своих феодалов и царских чиновников.

Вместе с тем установление протектората над Бухарским эмиратом имело и определенные прогрессивные последствия. Прежде всего в ханстве была ликвидирована феодальная раздробленность, прекращены феодальные междоусобные войны, от которых страдало беззащитное население, были упразднены рабство и работорговля. В связи с прекращением феодальных войн и набегов была устранена опасность продвижения в степях, что содействовало развитию торговли.

Возрастающая экономическая связь с Россией, более передовой в экономическом отношении страной, расшатывала средневековые порядки и старые феодальные институты. Развитие товарно-денежных отношений привело к разложению феодального способа производства и зарождению новых, капиталистических отношений. Этому способствовал также быстрый рост хлопководства, обусловивший развитие связанных с его обработкой отраслей промышленности — хлопкоочистительной и маслобойной, зарождение новых классов общества — местной буржуазии и местного рабочего класса.

Одним из важнейших прогрессивных последствий явилось то, что Бухара оказалась связанной с Россией, ставшей в конце XIX — начале XX в. ареной борьбы рабочего класса и родиной ленинизма. Постепенно революционные идеи начинают проникать и в отсталую феодальную Бухару, что приводило к подрыву устоев феодального деспотизма и постепенному назреванию революционной ситуации.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Развитие сельского хозяйства.

Культура земледелия. После присоединения к России, несмотря на проникновение элементов капитализма и рост товарно-денежных отношений, Бухарское ханство продолжало оставаться крайне отсталой феодальной монархией, где еще господствовало натуральное хозяйство с примитивной техникой и агротехникой. Основным занятием населения было земледелие. В ханстве общая площадь обрабатываемых земель составляла 2 250 тыс. десятин¹.

Земледелие было как орошаемое — орошаемое, так и богарное, называемое льями. На орошаемых землях сеяли преимущественно пшеницу, ячмень, рис, хлопок, бобовые и огородные культуры. Посевы были как озимые (трамаи), так и яровые (бахори). Богарные земли, общая площадь которых достигла 600 тыс. дес., засеивались главным образом пшеницей — до 60% площади и ячменем — до 25%². Основными зерновыми районами были долины Зарафшана, Кашкадарьи, Сурхандарьи и верховьев Амударьи.

Более половины всей посевной площади занимала пшеница (гандум), урожаи которой достигали 60 пуд. с десятины, а при хорошем уходе — и того более³. По другим данным, на танап высевали до 2—2,5 пуд. зерна, собирали до 33 пуд. урожая⁴.

Под орошаемые посевы пшеницы было занято до 800 тыс. десятин, под богарные — до 300 тыс.⁵

¹ История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968, с. 96.

² ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 996, л. 2.

³ Ремез И. А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Ташкент, 1922, с. 11.

⁴ Шаниязов К. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964, с. 48.

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-47, оп. 1, д. 115а, л. 5.

Наряду с пшеницей высевался ячмень. Урожай его обычно на 20% превышали урожаи пшеницы. На один танап высевалось до двух пудов ячменя, урожаи достигал 25 пуд.⁶ Площадь, занятая под поливные посевы ячменя, составляла примерно 260 тыс. дес., под богарные посевы — 200 тыс.⁷

Овес начинает появляться после прибытия русских переселенцев-земледельцев. В диком виде он встречался в Каратегинском бекстве, где использовался только на корм животным. В Китабском бекстве произрастала рожь «хибит-бугдай».

Почти повсеместно засеивалась джугара, но особенно ее предпочитали в долинах Зарафшана, Кашкадарьи и среднего течения Амударьи. По урожайности это растение занимало первое место — до 300 пуд. зерна с десятины⁸. Джугара шла главным образом на корм скоту, но бедная часть населения употребляла муку из джугары в пищу, примешивая к пшеничной муке. Площадь посевов джугары составляла около 12% и насчитывала до 200 тыс. дес.⁹

Просо арзын и просо кунак употребляли в качестве муки для хлеба. Сеяли его преимущественно в долинах Сурхандарьи, Сурхаба и Вахша, примерно на 15 тыс. дес.¹⁰ площади. Урожаи при посеве на танап 20 фунтов семян достигала до 25—30 пуд.¹¹

Большой популярностью у населения пользовались бобовые растения. Сравнительно широко были распространены посевы маха, урожаи его достигал 100 пуд. с десятины. Население выращивало также горох (наход), чечевичу (наска) и т. д.

С 80-90-х годов прошлого века, и особенно с начала XX в., посевы зерновых начинают вытесняться наиболее доходной, а следовательно и более выгодной культурой — хлопчатником. Его высевали на лучших поливных землях, прежде всего за счет зерновых.

⁶ Шанниязов К. Узбеки-карлуки, с. 48.

⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-47, оп. 1, д. 115а, л. 5.

⁸ Там же.

⁹ Ремез И. А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. с. 11.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-47, оп. 1, д. 115а, л. 6.

¹¹ Логофет Д. И. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 2. Спб., 1911, с. 93.

Особенно интенсивно вытеснялись зерновые в бекствах, расположенных по течению Зарафшана. Зарафшанская долина становится хлопкосеющей, Карши, Гузар, а также Восточная Бухара — зерновыми районами.

В связи со специализацией на культуре хлопчатника Бухара испытывала нужду в привозном хлебе, который стали ввозить из Восточной части ханства, а в неурожайные годы — и с Кавказа. Следует отметить, что зерносеющие хозяйства втягивались в товарное обращение слабее, нежели хлопкосеющие, так как товарность хлопка-сырца во много раз была выше, нежели зерновых.

Все большее значение стали приобретать посевы масличных растений — лен (згыр) и кунджут. На танап земли высевалось от 15 до 20 фунтов семян льна, урожаи достигал 12—15 пуд.¹² Лен разводили для получения семян, из которых выжимали масло; стебли шли на подстилки животным и топку печей. Льняное масло употреблялось в пищу в смешанном с кунджутным маслом виде. В конце XIX — начале XX в. посевы масличных благодаря поставкам продукции на вывоз значительно увеличиваются и составляют примерно 130 тыс. дес.¹³ В незначительном количестве культивировались кунджут и индау.

Весьма доходной культурой был рис, но его засеивали только по долинам рек, в низменных, богатых проточной водой местах. С расширением же посевов хлопчатника рис из долин Зарафшана и Кашкадарьи вытесняется, посевы сохранились главным образом по долинам Сурхаба и Вахша. Поэтому Бухара нуждалась в привозном рисе, который поставлялся из Туркестана.

Люцерна (аляф) засеивалась повсеместно, почти каждой семьей. Она шла на корм животным. В течение лета снимали по 5—6 урожаев, до 300 пуд. зеленой массы с десятины.

Табаководство было развито слабо. В основном табак засеивался в Шахрисабзском вилайете, где под его посевы отводилось до 2 тыс. танапов земли. С каждого танапа получали по 3—3,5 мана¹⁴ урожая. Незначительные посевы табака были в Карши, Яккобаге и Денау.

¹² Логофет Д. И. Указ. соч., с. 98.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-47, оп. 1, д. 115а, л. 5.

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1005, л. 3.

С присоединением Бухары к России царизм и русская буржуазия стали проявлять особый интерес к развитию хлопководства, а вложенный в эту отрасль русский капитал способствовал ее быстрому подъему.

В Бухаре, как и во всей Средней Азии, выращивался местный сорт — гуза, приспособленный к данным почвенно-климатическим условиям.

Бухарский сорт гузы считался лучшим по качеству. Длина волокна бухарской гузы достигала 22—23 мм¹⁵, оно было тоньше и шелковистее других среднеазиатских сортов. Гузу сеяли джоячным способом в апреле, убирали в октябре.

Развивающаяся текстильная промышленность России остро нуждалась в хлопке. Так, если в 1855 г. потребность в нем исчислялась в 1,5 млн. пуд., то в 1885 г. — 7 млн., в 1895 г. — 8,5 млн., в 1905 г. — в 18 млн. пуд.¹⁶ По отчетам таможенного департамента в Россию из-за границы было ввезено: в 1887 г. — 11,5 млн. пуд. хлопка, в 1888 г. — 8,5 млн., в 1889 — 10,5 млн. пуд.¹⁷

Россия переплачивала валютой за импортируемый хлопок от 90 до 100 млн. и более¹⁸, что неблагоприятно отражалось на платежном балансе страны. Поэтому царизм вынужден был форсировать развитие хлопководства в Средней Азии, в том числе в Бухарском ханстве.

Увеличившийся спрос вызывает рост цен на среднеазиатский хлопок, вызванный сокращением подвоза хлопка из Северной Америки в связи со вспыхнувшей там войной. Так, если в 1861 г. до сокращения поставок пуд среднеазиатского хлопка стоил 5,52 руб., то в 1864 г. — 20,12 руб.¹⁹ Земледельцы расширяли посевы хлопчатника, внедряли лучшие американские сорта, имеющие длинное шелковистое волокно и пригодные для выращивания в континентальном климате Средней Азии.

Желающим сеять хлопок безвозмездно раздавались семена американского хлопчатника, в газете «Туркестанские ведомости»²⁰ было опубликовано руководство по

¹⁵ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 1333, л. 40.

¹⁶ Там же, л. 37.

¹⁷ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 216/911, д. 107, л. 44.

¹⁸ Там же, л. 43.

¹⁹ Терентьев М. А. Англия и Россия в борьбе за рынки. Спб., 1876, с. 112.

²⁰ «Туркестанские ведомости», 1885 г., № 49—50.

уходу за ним. Но новые сорта без селекционной работы постепенно вырождались, к тому же американцы для сохранения монополии на торговлю хлопком заражали предназначенный для продажи семенной материал²¹. Поэтому возник вопрос о создании опытных хлопковых станций-плантаций. Такие станции были созданы под Ташкентом и в Самарканде, и в 1884 г. здесь были получены первые восемь тюков хлопка из семян американского хлопчатника. В дальнейшем сеть станций-плантаций расширяется. В 1896 г. организуется показательная хлопковая плантация в Мервском уезде, в 1897 г. под Ашхабадом, в 1900 г. близ Андижана, в 1902 г. две станции в Голодной степи, в 1913 г. в Фергане, а также два опытных поля в Каттакургане и Амударьинском отделе. Эти станции осуществляли огромную работу по выведению и распространению новых, уже акклиматизированных в Средней Азии сортов, а также давали рекомендации по применению различных удобрений в борьбе с болезнями хлопчатника, наглядно демонстрировали преимущества рядкового сева хлопчатника и т. д.

В Бухарском ханстве опыты посевов американского хлопчатника начались с 1888 г. после разрешения эмиром в 1887 г. посевов американских семян. Зарафшанская долина становится впоследствии главной хлопкосеющей областью ханства. Несмотря на то, что первые посевы новых сортов хлопчатника дали прекрасные результаты, хлопкоробы все еще продолжали сеять гузу. Американский сорт хлопчатника требовал большого ухода, многократных поливов и т. д., а местная гуза была менее прихотлива, довольствовалась лессовой почвой, да и созревала сразу, а не постепенно, как американские сорта. Кроме того, пуд американского сорта хлопка стоил 12 руб., на 2 руб. дороже бухарского²².

Однако со временем, хотя и медленно, размеры запашек под американские сорта хлопка начали возрастать. Этому способствовала в значительной мере безвозмездная раздача семян нового сорта. Так, торгово-промышленным товариществом Кудрин и К^о в 1887 г. было роздано около 20 тыс. пуд. семян американского хлопчатника в Ташкенте, Намангане, Маргилане и в окрест-

²¹ ЦГА УзССР, ф. И-103, оп. 1, д. 115, л. 6.

²² Шахназаров А. Очерки сельского хозяйства Туркестанского края. Спб., 1898, с. 61.

ностях Бухары²³. В 1893 г. это же товарищество выдает своей Чарджуйской конторе для посева семена американского хлопка²⁴. В Бухаре в 1911 г. создается даже бюро по распространению семян американского хлопчатника. Семена продавались также населению на хлопкоочистительных заводах. Фирмы через Российское политическое агентство добились установления срока для определения размера хараджа (основного поземельного налога) не позднее первого сентября в целях более быстрой уборки урожая²⁵.

О росте посевов американских сортов хлопчатника в Бухарском ханстве свидетельствуют следующие данные: в 1904—1905 гг. в ханстве было собрано более 100 тыс. пуд. американского хлопка, в 1906 г. — около 150 тыс., а в 1908 г. — 200 тыс. пуд.²⁶ В основной хлопкосеющей долине Зарафшана, в таких вилайетах, как Зирабулакский, Зиатдинский поля были сплошь засеяны американскими сортами, увеличились посевы этого сорта в Кармана и в Пирмасте, более всего они были распространены в Бостане, Гишти и Гиждуване. Особенно продуктивным был 1909 г., когда в эмирате было собрано 1 200 тыс. пуд. хлопка разных сортов.²⁷

После 1909 г. в бухарском хлопководстве наступает упадок, сбор хлопка резко сокращается, в связи с чем промышленность остается без столь важного сырья. Так, в 1910/11 г. было продано 1 020 тыс. пуд., в 1911/12 г. — 950 тыс., а в 1912/13 г. — всего 720 тыс. пуд.²⁸ Принимается ряд мер, способствующих подъему хлопководства. В результате в 1913 г. было собрано 2 375 тыс. пуд.²⁹, а к 1915 г. — около 3 млн. пуд. хлопка³⁰. В Бухаре в 1913 г. было засеяно местным хлопком — гузой 60 тыс. дес., американскими сортами — 2 тыс.³¹

Ускоренное развитие хлопководства наблюдается в годы первой мировой войны, когда ввоз хлопка в Россию из США и Египта намного сократился. В связи с этим

²³ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 262/916а, д. 137, л. 8 об.

²⁴ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 335, л. 85.

²⁵ Там же, д. 78, л. 52.

²⁶ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 335, л. 44.

²⁷ Там же, д. 540, л. 4; д. 335, л. 44; д. 563, л. 27.

²⁸ Там же, л. 38.

²⁹ Там же, д. 369, л. 18.

³⁰ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 1333, л. 41.

³¹ Там же,

остро встает вопрос о расширении посевов хлопчатника. Уменьшение ввоза хлопка в Россию обусловило рост цен на среднеазиатский хлопок, что в свою очередь являлось стимулом для подъема отрасли. Посевы хлопчатника стали распространяться в Восточной Бухаре, в частности в Ширабадском, Денауском, Байсунском, Гиссарском, Кургантюбинском, Кабадианском и Кулябском бекствах³², причем основная масса засеянного хлопчатника была американского сорта. Для расширения посева этого сорта эмир по усиленной рекомендации царского правительства приобретает в Фергане 17 вагонов семян американского хлопчатника³³ для населения эмирата.

В результате мер, принятых Россией в целях развития хлопководства, за колониальный период площадь под хлопчатником возросла в эмирате в пять раз. Хлопок стал ведущей культурой сельского хозяйства ханства, составляя 40% всего вывоза в Россию.

В связи с возникновением русских поселений в эмирате стали распространяться новые, ранее неизвестные культуры — картофель, сахарная свекла, помидоры, красная морковь. Огородничество особенно стало развиваться в Зарафшанской долине, а также вокруг русских поселений и вблизи расположения русских гарнизонов, где был большой спрос на огородные культуры. Рост спроса способствовал развитию товарного огородничества.

Славились своими вкусовыми качествами и пользовались широким спросом за пределами ханства бахчевые растения.

Из огородных культур разводили лук, репу, редьку, тыкву, желтую морковь, капусту, огурцы, красные бобы, фасоль, кукурузу (макка-джугара).

В Бухарском ханстве культивировались персиковые, абрикосовые деревья, низкорослая вишня, слива, миндалевое дерево, гранаты, инжир, яблоки местных сортов, груши (грубые сорта), тут (или шелковица), плоды которого широко употреблялись в пищу. По склонам гор произрастали фисташки. Орехи и фисташки экспорти-

³² ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 919, л. 17.

³³ Там же, д. 904, л. 17.

ровались в соседние области, в Россию и даже в Европу.

Широко было развито виноградарство, главным образом в Хатырчинском, Шахрисабзском, Гузарском, Каршинском и других бекствах. Большая часть собранных плодов винограда являлась значительным подспорьем в хозяйстве и потреблялась на месте, лишь незначительные излишки вывозились из ханства. Сушеный виноград — кишмиш экспортировался в Россию, находя широкий сбыт вплоть до Сибири. Некоторому росту виноградарства способствовало также возникновение виноделия в ханстве. Но особого развития оно не получило, право на производство вина мусульманскому населению не давали, право продажи спиртных напитков ограничивалось только русскими поселениями. Были попытки широко поставить производство вин. Так, в Каракуле французский подданный Готье основал завод, но развить широко промышленное виноградарство не удалось.

Система хозяйства в Бухарском ханстве была переложная, поле разбивалось на два-три участка, один из которых запахивался. Участок обрабатывали только в течение одного года. В Зарафшанской долине эта система не всегда применялась.

Лессовая почва требовала тщательной обработки. В связи с постоянной нехваткой воды местное земледельческое население выработало особый прием агротехники выращивания зерновых культур, получивший название «каклама» — многократной вспашки полей с перерывами, в результате которой почва превращалась в мягкий порошок.

Распашка почвы производилась весьма несовершенным пахотным орудием — омачем. Для выборки сорных трав и корней применялось боронование с помощью так называемой молы.

Одним из распространеннейших орудий труда являлся кетмень — своего рода мотыга, которая исполняла в хозяйстве многообразные функции. Она употреблялась и как пахотное орудие, и для перекапывания, и для провдения бороздок, арыков, и для очистки участков, плани-

ровки, разбрасывания комьев глины для окучки. При поливах на полях для открывания бороздок кетмень был единственным орудием.

После установления протектората России население ханства постепенно начало перенимать более совершенные орудия труда, например косу, которая стала пользоваться большим спросом. Получили распространение также различные плуги. Так, сарайские торговцы, написав партию плугов стоимостью в 16 руб., продавали их по 40—50 руб. за штуку. Несмотря на такие цены все плуги были немедленно распроданы³⁴.

Однако новая техника стоила очень дорого и практически была недоступна широким слоям крестьянства. Например, веялки для очистки хлебов стоили в Саратове или в Самаре 30—35 руб., а в Туркестане 100—120 руб.³⁵ Стоимость одного плуга равнялась половине годового дохода зажиточного хозяйства (плуг с парным ходом стоил 75 руб., а доход «крепких» хозяйств составлял 143 руб.)³⁶. Задавленные нуждой крестьяне Бухары не только не могли покупать новые орудия, они порой не всегда имели возможность даже приобрести старые дополнительные орудия труда. Поэтому сравнивать их уровень обеспеченности сельхозинвентарем с уровнем обеспеченности русского крестьянства не приходится, так как в сельском хозяйстве основой эксплуатации наряду с другими факторами являлся «не инвентарь владельца латифундии, а старинная соха крестьянина...»³⁷ Недаром К. Маркс писал: «Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»³⁸.

Бухарские крестьяне в основной своей массе не имели понятия о минеральных удобрениях. В целях повышения урожайности они удобряли свои парцеллярные участки навозом, а за недостатком его — глиной старых дувалов и курганов.

³⁴ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II. Душанбе, 1963, с. 320.

³⁵ Шахназаров А. Очерки сельского хозяйства Туркестанского края..., с. 59.

³⁶ Там же.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 149.

³⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 23, с. 191.

В результате общения и взаимовлияния местных жителей с русским населением железнодорожных станций, гарнизонов и русских поселений идет сближение трудящихся разных национальностей. Так, местные крестьяне, обучая русских приемам поливного земледелия, в частности возделыванию хлопчатника и других культур, сами в свою очередь учились у них методам культивации ранее неизвестных культур — овса, помидор, картофеля, свеклы, красной моркови, лучших сортов яблок, груш, винограда, табака, приемам сенокосения, а также использования европейского инвентаря.

Под давлением передовой русской общественности в эмирате велась борьба с саранчей под непосредственным руководством русских офицеров. В 80-е годы XIX в. саранча истребила посевы в Кулябском и Бальджуанском бекствах³⁹. Однако в связи с выступлениями реакционного бухарского духовенства против истребления саранчи⁴⁰ эти работы вскоре прекратились. В результате в ряде бекств саранча совершенно уничтожила посевы. В 1909 г. эмир вынужден был вновь обратиться к русским и пригласить специальный отряд, который планомерно истреблял весной саранчу, осенью — залежи ее личинок⁴¹. Все расходы по проведению этих работ оплачивало бухарское правительство.

Уничтожение саранчи имело большое положительное значение для сохранения посевов и наглядно демонстрировало населению преимущества русской техники.

Необходимым условием земледелия в Бухарском ханстве являлось искусственное орошение. Водные ресурсы на территории ханства распределялись неравномерно. В западных районах постоянно ощущался острый недостаток воды, в восточных же, несмотря на избыток воды, примитивная ирригационная система являлась препятствием к правильному ведению орошения, поэтому пригодные к обработке земли часто не использовались.

Основной водной артерией западной части ханства был Зарафшан. От него брали начало каналы Кунаруд, Янгируд, Султанруд и т. д., питающие водой Бу-

³⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 29, д. 548, л. 4—5.

⁴⁰ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 438, л. 238.

⁴¹ Там же, д. 909, л. 229.

харский оазис. По мере приближения к Бухаре воды в каналах становилось все меньше и меньше, поскольку она разбиралась окрестным населением на орошение.

Восточная часть Бухары орошалась водами Сурхандарьи, Вахша. Западная часть ханства, особенно в связи с ростом посевов хлопчатника остро ощущала недостаток в воде. В связи с постоянным дефицитом воды в ханстве не только для орошения, но порой и для питья, вновь и вновь поднимался вопрос о распределении воды Зарафшана между Самаркандской областью и Бухарским ханством. Несмотря на достигнутое в 1911 г. соглашение о пропуске $\frac{1}{3}$ воды из Зарафшана в Бухару практически ханство постоянно страдало от безводия. Недаром политический агент в Бухаре Я. Лютш писал: «...вода реки Зарафшана расходуется до последней капли»⁴². В Бухару вода спускалась неисправно, особенно в самое жаркое время года — гармоб, когда вода в реке порою вообще отсутствовала.

Для обеспечения водой отдельных районов строились искусственные плотины, которые часто размывались водами реки. Все работы, связанные со строительством, восстановлением и расширением плотин и очисткой ирригационной сети производились в порядке повинности — хашар с привлечением рабочей силы населения. Хашары проводились несколько раз в году и продолжались от одного-двух до девяти-десяти и более дней. Так, в тумане Хатфар хашар проводился девять дней⁴³, а работы по сооружению Чаланатинской плотины длились от 8 до 12 дней, причем в строительстве участвовало 5 тыс. рабочих⁴⁴. Отлучаться от своего хозяйства на 10—12 дней, особенно в горячую пору, было чрезвычайно обременительно для крестьян. Население должно было являться на хашар со своими инструментами — лопатами, кетменями и т. д., а также со своим провиантом. Условия труда на ирригационных хашарах были тяжелые — порой приходилось работать по колено в холодной воде, в результате чего многие рабочие оставались инвалидами на всю жизнь. Крупные чиновники и вла-

⁴² АВГР, ф. Среднеазиатский стол, д. 1333, л. 52—53.

⁴³ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1072, л. 4.

⁴⁴ Мухамеджанов А. Р. Из истории водного хозяйства Зеравшанской долины. — «Известия АН УзССР», 1960, № 4, с. 49.

дельцы танхо⁴⁵ в таких хашарах не участвовали, перелажая всю тяжесть на плечи беднейших слоев населения.

Крестьяне не только должны были участвовать в хашарах, но иногда оплачивали различные расходы по строительству, ремонту или очистке ирригационной сети. Общественная повинность по очистке оросительной сети тяжелым бременем ложилась на плечи трудового населения. Полковник А. М. Бонч-Богдановский, начальник строительства грунтовых дорог в западных районах эмирата писал: «Население при податной натуральной повинности обязано выходить на строительство, отрываясь от своих полевых работ в горячее время, да еще при надобности во время работ прокармливать себя. Трудовое население, безусловно, разоряется, живут лишь беки да их чиновники»⁴⁶. Так даже представитель колониальных властей вынужден был признать последствия столь явного социального неравенства.

При распределении воды крупные землевладельцы получали ее в большем количестве, нежели крестьяне. Последним обычно доставались полмеры⁴⁷ или четверть воды, а иногда и одна стопа, когда вода пропускалась на поля беднейших крестьян всего лишь узкой струйкой. Но и эту воду крестьяне не всегда могли получить из-за злоупотребления сельских старшин — аминов и водных надзирателей — мирабов. Таким образом вода, как и земля, была сосредоточена в руках имущего класса.

Проникновение русского капитала в экономику эмирата становится заметным с 80—90-х годов XIX в. и особенно усиливается в начале XX в. Русская буржуазия вкладывает свои капиталы в бухарское хлопководство и связанные с ним отрасли промышленности, что давало огромные прибыли. С начала XX в. русская буржуазия начала вкладывать свои капиталы в орошение пустынных земель эмирата и освоение их под хлопчатник. Доходы от производства хлопка покрыли бы во много раз произведенные расходы.

В 1912 г. эмир на очень выгодных условиях предоставил военному инженеру М. Г. Ананьеву в аренду на

⁴⁵ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1268, л. 28.

⁴⁶ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 251, л. 85.

⁴⁷ Посредством особого деревянного приспособления — дехана вода больших арыков делилась на две части. Каждая часть составляла полмеры воды.

99 лет 72,5 тыс. дес. земли в Ширабадском и Байсунском вилайетах⁴⁸. Эти земли необходимо было оросить, предварительно проведя каналы из р. Сурхана. Было учреждено акционерное общество «Ширабад»⁴⁹, которое захватило орошенные земли крестьян, что послужило причиной ряда крестьянских волнений⁵⁰.

В том же 1912 г. князь М. Андронников через посредство царского правительства получил в концессию в Каршинской степи 25 тыс. дес.⁵¹, а в следующем году там же еще 80 тыс. дес. земли⁵², которая, кстати, не была пустынной или «мертвой землей».

В 1913 г. агент Русско-Азиатского банка Стамба сумел при содействии туркестанского генерал-губернатора А. В. Самсонова получить в концессию в Кабадианском вилайете 10 тыс. десятин земли с правом вывести канал из Амударьи для орошения земель⁵³.

В связи с постановлением царизма об ограничении размеров выдаваемых в ханствах концессий до 5 тыс. дес. размеры концессий сократились. В 1914 г. были выданы в концессию Глушкову и отставному генерал-майору Коневу 4 727 дес. в Кабадианском вилайете⁵⁴. Эта концессия была предоставлена на очень выгодных условиях. В дальнейшем концессионеры основали акционерное общество «Айвадж».

В 1915 г. двум дочерям М. Г. Анненкова, строителя Закаспийской железной дороги были выданы в концессию 8 тыс. дес. земли в Кургантюбинском вилайете⁵⁵ и строителю Бухарской железной дороги А. Н. Ковалевскому по санкции Совета Министров России 28 860 дес. в Керкинском и 5 619 дес. в Келифском вилайетах⁵⁶. Другая крупная концессия в эмирате в 65 тыс. дес. земли была получена в Совете Министров России Чаевым⁵⁷. Эмир по существу потерял право распоряжаться бухарскими землями, разрешение на концессию получали в

⁴⁸ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 296, л. 24.

⁴⁹ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 678, л. 38.

⁵⁰ Там же, л. 106, 108.

⁵¹ Там же, л. 18.

⁵² Там же, д. 553, л. 50.

⁵³ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 352, л. 4.

⁵⁴ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 676, л. 11—12.

⁵⁵ Там же, д. 997, л. 3.

⁵⁶ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 386, л. 25.

⁵⁷ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 792, л. 3.

России. Несмотря на то, что представители русской буржуазии получали концессии на очень выгодных условиях с низкой арендной платой, с правом отвода из рек большого количества воды, осуществить орошение полученных в концессию земель не удалось, хотя в дело вкладывались большие средства⁵⁸.

После установления протектората России в эмирате произошли значительные изменения. Посевы хлопчатника возрастают почти в пять раз, он становится ведущей сельскохозяйственной культурой, что накладывает отпечаток на всю экономику Бухары, которая превращается в аграрно-сырьевой придаток метрополии.

Рост посевов хлопчатника приводит к перераспределению посевных площадей, главным образом за счет зерновых, которые вытесняются из наиболее орошаемых и плодородных земель. Происходит специализация районов по хлопководству, зерну и т. д. Складывается разделение труда между этими районами, усиливается обмен.

Специализация сельского хозяйства способствует росту товарно-денежных отношений, проникновению в экономику феодальной Бухары элементов капиталистических отношений.

Скотоводство. Наряду с земледелием большую роль в экономике Бухары играло скотоводство. В эмирате были благоприятные природные условия для развития животноводства. Склоны горных хребтов, песчаные пустыни и степи, а также приречные долины, покрывавшиеся весной сочной травой, создавали условия для развития скотоводства. Как кочевники, так и полукочевники сочетали скотоводство с земледелием, в основном богарным, возделывая пашни около своих зимовок. Размеры этих пашен были прямо пропорциональны обеспеченности водой: когда поблизости имелись источники для орошения полей, размеры земледелия могли быть значительными. Наряду с отгонным животноводством в земледельческих районах было распространено стойловое полуотгонного характера.

Основная масса полукочевников была представлена узбечами разных родов — карлуками, барласами, локайцами и другими, а также казахами, туркменами, киргизами и т. д.

⁵⁸ Там же, д. 678, л. 146.

Одной из основных отраслей животноводства было овцеводство. Разводили разные породы овец, но наиболее ценной, дающей высококачественные шкурки была каракульская овца. Основным центром каракулеводства являлось Каракульское амлякдарство, где разводили овец на Уртачуле. Каракулеводство получило развитие и в Каршинском бекстве, на просторах Каршинской степи. Разведением этой ценной породы овец занимались также в Керкинском и Келифском бекствах. В Восточной части эмирата каракулевых овец разводили в Кургантюбинском бекстве. Так, только из кишлаков Джиликуль и Каратуркмен этой области вывозили ежегодно до 21 тыс. штук шкур⁵⁹.

Впоследствии каракулеводство стало развиваться в Гузарском и Чарджоуском вилайетах⁶⁰.

Шкурки высоко ценились и пользовались широким спросом не только в самом ханстве, но и в России, а также в Европе, где стоимость одной шкурки достигала 8—9 руб. Для продажи шли шкурки с весеннего приплода, большие по размеру и с крепкими завитками. Пользовались также большим спросом шкурки каракульчак.

Наряду с хлопководством каракулеводство составляло важную статью экспорта ханства. После присоединения Бухары к России вывоз каракуля из года в год возрастает. Эта отрасль скотоводства приобретает высоко-товарный характер. Так, если в 1840—1849 гг. из Бухары было вывезено 398 тыс. штук каракуля⁶¹, то в 1887 г. вывоз достиг 750 тыс.⁶² Экспорт каракуля развивался все более интенсивно. Так, в 1903 г. был продан 1 млн. штук⁶³, в 1909 г. — 1 800 тыс. шкур⁶⁴, а в 1912 г. — 2 млн.⁶⁵

С присоединением к России и развитием высокотоварного каракулеводства усиливается расслоение скотоводческого хозяйства. Большая часть скота сосредото-

⁵⁹ Гаевский П. Кургантюбинское бекство. Известия русского географического общества. Т. 4. Вып. 2, 1919—1923 гг., с. 57.

⁶⁰ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 304, л. 25.

⁶¹ Ремез И. А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны..., с. 43.

⁶² ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 504, л. 2 об.

⁶³ ЦГА УзССР, ф. Р-47, оп. 1, д. 115а, л. 35.

⁶⁴ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 2, д. 251, л. 112.

⁶⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 1915, л. 2.

точивается в руках богачей, на которых работали бедные скотоводы. За счет разорения мелких хозяйств, количество скота у которых понижается до 30—40 голов, увеличиваются стада богатых скотоводов, достигая 30—40 тыс. голов.

Наряду с каракульской овцой разводили и другие мясные породы овец, например, туркменскую овцу, или «харчи». Эта мясная порода, которую разводили в долинах Амударьи, давала до 2,5 пуда мяса, одного пуда курдючного сала и шерсть.

В южных частях ханства выращивали афганскую породу овец, отличающуюся небольшим ростом, вкусным мясом, длинной, хотя и грубой шерстью.

В северных частях ханства разводили «кирлякскую» овцу, имеющую вкусное мясо. Всего в ханстве насчитывалось до 10 млн. голов овец⁶⁶.

Основным районом разведения скота специально для продажи была Восточная Бухара, где на склонах гор овцы укрывались от жары и имели всегда в достатке зеленый корм. С наступлением осени стада спускались с гор на зимовки в долины. Наиболее богатыми считались локайцы и бальджуанские карлуки. По размеру собранного закята можно подсчитать количество голов скота в отдельных вилайетах. Так, закят (налог со скота) гиссарского и бальджуанского вилайетов в 1904 г. составил 800 тыс. танга⁶⁷. Если с каждых 40 голов взимали один закят в размере стоимости барана, т. е. 20 танга, то 800 тыс. танга должны были уплатить за 1 600 тыс. голов овец. В Гузарском вилайете закят составлял 140 тыс. танга⁶⁸. Эта сумма могла быть уплачена за 280 тыс. голов скота. В Шахрисабзском вилайете сумма закята достигала 135 тыс. танга⁶⁹, следовательно, там было не менее 270 тыс. голов скота и т. д.

Шерсть, которую получали с настрига овец, широко использовалась в ханстве: на переработку для производства ковров, паласов, хурджунов и различных войлочных изделий, находивших широкое применение в быту местного населения, а также вывозилась в Россию.

⁶⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-47, оп. 1, д. 115а, л. 9.

⁶⁷ Пантусов А. Подати и налоги в Восточной Бухаре. — «Туркестанские ведомости», 1960, № 6.

⁶⁸ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1271, л. 17.

⁶⁹ Там же, д. 1154, л. 6.

Бухарские ковры пользовались известностью и имели большой спрос не только в России, но и в Западной Европе. По своим качествам бухарская шерсть была грубой и уступала кашгарской и афганской, поэтому ценилась недорого. Несмотря на это ее вывоз возрастал. Так, если в 1903 г. было вывезено до 150 тыс. пуд., то в период первой мировой войны экспорт достиг 271,3 тыс.⁷⁰

Доходы государства от вывоза шерсти составляли 1 627,8 тыс. руб., а в последующие годы в связи с ростом цен этот показатель возрос в несколько раз.

Наряду с шерстью вывозились также простые овечьи шкуры — овчина. В 1915 г. экспортировалось до 24 тыс. пуд. на 203 тыс. руб.⁷¹

Таким образом, продукция овцеводства приносила огромные доходы ханству. После присоединения к России наблюдается усиленное развитие овцеводства. Так, объем производства каракуля возрастает в шесть раз⁷². Растет товарность овцеводческих хозяйств.

После овцеводства важное место занимает верблюдоводство. Верблюдов разводили для транспортировки грузов. Они одинаково хорошо переносили летний зной, морозы, бураны, были неприхотливы в пище, питались колючками и сорными травами, поэтому содержание их обходилось дешево. Верблюжья шерсть в ханстве по качеству была хуже оренбургской, но тоже имела большой спрос. С настрига верблюдов собирали до 70 тыс. пуд.⁷³ шерсти, из которых до 30 тыс. пуд.⁷⁴ вывозили в Россию. По другим данным верблюжьей шерсти собирали до 25 тыс. пуд., а вывозили не более 10 тыс.⁷⁵ Верблюжье мясо употреблялось местным населением в пищу. В ханстве разводили одно- и двугорбых верблюдов, а также помеси этих двух пород. Даже после проведения железной дороги верблюдоводство не потеряло своего значения, поскольку Восточная Бухара не имела желез-

⁷⁰ Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края, 1915, с. 41.

⁷¹ Ремез И. А. Указ. соч., с. 65.

⁷² Ишанов А. И. Бухара в период первой русской революции, с. 5.

⁷³ ЦГА УзССР, ф. Р-47, оп. 1, д. 115а, л. 10.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Ремез И. А. Указ. соч., с. 64.

ной дороги и долгое время пользовалась для транспортировки грузов верблюдами. Общее их количество составило примерно 1,5 млн. голов⁷⁶.

Другим перевозочным средством был осел — ишак, поднимавший до шести пудов груза. В условиях горной Бухары осел благодаря легкости, выносливости и крепости своих ног, неприхотливости к пище был просто незаменим. Количество ослов в ханстве достигало 1 млн. голов⁷⁷.

Рогатый скот разводили по всему ханству, но главным образом в Восточной его части; в Гиссарском, Кулябском, Бальджуанском и Каратегинском бекствах, где имелись отличные пастбища. Скот был маломолочный и относительно мелкий, в общей сложности составлял 1,7 млн. голов⁷⁸. Рогатый скот использовался в хозяйстве земледельца для обеспечения семьи молоком и при обработке почвы.

Широко было распространено в ханстве разведение коз. Особой популярностью у населения козы пользовались в восточной части ханства, где разводили тибетскую породу. Число их достигло 6,5 млн. голов⁷⁹. Наряду с мясом и молоком, составлявшим важный продукт питания горцев, козы этой породы давали мягкую, длинную и тонкую шерсть, из которой изготовляли местные суконные материи и другие необходимые горцам шерстяные изделия. Козы имелись в каждом хозяйстве, по меньшей мере по две-три.

С особой охотой местное население разводило коней. Лошади играли важную роль в хозяйстве как оседлых, так и кочевых жителей. У каждого хозяина было по несколько лошадей, которые содержались при жилище. Табуны отдельных крупных владельцев насчитывали от 50 до 200 голов и паслись на подножном корму.

В ханстве разводили также лошадей для верховой езды, которых насчитывалось до 400 тыс. голов⁸⁰, из них гиссарской породы, которую разводили узбеки-локайцы, до 100 тыс., туркменской — до 50 тыс., киргизской — до

⁷⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-47, оп. 1, д. 115, л. 10.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, л. 10 об.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

230 тыс. голов⁸¹. Общее количество скота в ханстве составляло 20 млн. 100 тыс. голов⁸².

В связи с ростом товарного скотоводства углубляется процесс расслоения скотоводов. Этому способствовала раздача задатков — бунака, практиковавшаяся различными скупщиками, которые посредством этой ссуды закабалили скотоводов. Буначные цены были намного ниже рыночных, поэтому этот задаток был кабальным.

В начале XX в. большую активность в скупке каракуля и шерсти стали проявлять такие иностранные фирмы, как немецкие Торер, Килин, Рейхенштейн, французская Revillon Freres и другие, которые стали скупать товар из первых рук у овцеводов, и, заключив с ними договор, раздавали им задатки. Наряду с упомянутыми раздачей бунака занимались также предприниматели Зальман, Леви, Герман, Дюршмидт и другие. Бухарские купцы в своей жалобе в Петербург в Министерство торговли писали о закабалении фирмами овцеводов: «Эти фирмы посредством раздачи бунака совершенно закабалили овцеводов»⁸³. Бухарских купцов, конечно, меньше всего интересовало разорение овцеводов, их беспокоила возможность потери своего монопольного права на торговлю каракулем, который становился одним из важнейших предметов бухарского экспорта.

Усиление процесса расслоения было обусловлено также неблагоприятными погодными условиями, когда в сильные морозы и гололедицу погибал скот. Кроме того, злоупотребления сборщиков налога закят, который платили владельцы скота, завершали разорение рядовых скотоводов. Так, у богатого овцевода Яванской долины в результате гололедицы погибли почти все овцы и он, выплачивая в течение нескольких лет закят по старым записям в налоговых книгах, окончательно разорился⁸⁴.

Большим бедствием для животноводов были различные заболевания скота, в результате чего наблюдался массовый падеж его. В интересах русской буржуазии туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов предложил эмиру открыть ветеринарные пункты для оказа-

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 1365, л. 84.

⁸⁴ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. — Труды АН ТаджССР. Т. XXIII, 1954, с. 37.

ния населению ветеринарной помощи. В 1912 г. в центрах бухарского овцеводства — Карши, Гузаре и Чард-жоу были открыты фельдшерско-ветеринарные пункты⁸⁵, перед которыми стояла задача содействовать улучшению пород и предупреждению различных болезней скота. Штат этих пунктов содержался за счет бухарского правительства. Русские ветеринарные врачи и их помощники проделали огромную работу по оказанию ветеринарной помощи и развитию овцеводства в эмирате.

После присоединения Средней Азии к России в связи с развитием товарного скотоводства увеличивается спрос на каракуль, шерсть, овчину. Производство каракуля возрастает почти в шесть раз. Наряду с хлопком он становится одним из важнейших предметов экспорта. Происходит дальнейшая специализация районов не только по хлопку и зерну, но и по животноводству, в частности овцеводству.

Рост высокотоварного каракулеводства вызывает дальнейшую дифференциацию среди скотоводов. Этому способствовала также раздача бунака, злоупотреблении податных сборщиков при сборе налога со скота — закята, болезни скота и тяжелые погодные условия, приводившие к его падению.

Необходимо отметить большую положительную деятельность русских ветеринарных врачей и их помощников по улучшению пород скота, а также предупреждению различных болезней и массового падежа.

Ремесленное производство

Бухара была самым крупным центром ремесленного производства Средней Азии. Здесь производились все предметы бытового назначения, необходимые как для городского, так и сельского населения. Изделия бухарских мастеров, имевших богатейший, накопленный веками опыт, находили большой спрос и в соседних странах. В городе Бухаре было зарегистрировано 99 отраслей ремесленного производства⁸⁶. Ремесленная промышленность во второй половине XIX — начале XX в. продолжала сохранять решающее значение в обеспечении

⁸⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 6, д. 114, л. 11.

⁸⁶ Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара. Ташкент, 1962, с. 20.

местного населения ханства орудиями труда, предметами быта и продуктами питания.

Установление протектората России над ханством, способствуя росту промышленности и торговли, возникновению городов и т. д., усилило обмен между отдельными областями, увеличило спрос на некоторые ремесленные изделия. Нарождающаяся местная буржуазия предъявляла спрос на ценные и оригинальные предметы быта, помогая тем самым росту отдельных отраслей ремесла. Наряду с ростом, например шелкоткачества, чугунолитейного производства, ювелирного дела постепенно перестают существовать, не выдержав конкуренции дешевых фабричных изделий России, производство игл, гвоздей, котлов, ковшей и т. д.

Ведущей отраслью бухарского ремесла было ткачество, работавшее не только на внутренний, но и на внешний рынок. В столице и ее пригородах насчитывалось до 10—12 тыс. ткацких станков⁸⁷. Тканые изделия бухарских мастеров еще в X—XII вв. вывозились в Среднюю Азию и соседние восточные страны⁸⁸. В XVI в. индусы вывозили из Бухары различные шелка, а русские — изделия из хлопка, шелка и ткани⁸⁹. В числе товаров, вывозившихся в конце XVI в. и позже из Бухары в Московскую Русь, упоминаются ткани зендень⁹⁰, некогда вырабатывавшиеся жителями селения Зандана в окрестностях Бухары. Эта бумажная ткань широко экспортировалась в Россию еще в начале XX в.

После установления протектората царизма над ханством в связи с ввозом дешевых фабричных тканей из России сократилось производство бухарских бумажных тканей, сохранилось оно лишь в сельских местностях.

В результате применения фабричной пряжи, ввозимой из России, изготовлялись ткани более высокого качества. Так, в Китабе и Карши было налажено производство высокосортной бумажной ткани алача⁹¹, пользовавшейся

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Наршахи В. М. История Бухары. Ташкент, 1897, с. 29.

⁸⁹ Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию (1558—1560). Л., 1932, с. 184.

⁹⁰ Мукминова Р. Г. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Ташкент, 1976, с. 58, 61, 70.

⁹¹ Алача имела старинные традиции выработки. Еще в XVI в. ткань алача отличалась большой товарностью. См.: Мукминова Р. Г. Автореферат докт. дисс. Ташкент, 1972, с. 12.

большим спросом. Весьма популярной также была нуратинская бумажная материя. В селении Вабкент изготовляли плотную, толстую ткань калами, из которой шили халаты.

В связи с ростом ввоза дешевых набивных тканей из России резко сократилось, но все еще продолжало развиваться производство ткани-набойки. На белую ткань набивались узоры при помощи разных деревянных штампов, комбинация которых давала эффектные рисунки. Набойка изготовлялась в селении Читгарон, недалеко от г. Бухары.

Конкуренция с фабричным производством заставляла мастеров искать новые композиции, обогащать орнамент. Узоры становились разнообразнее и богаче. Одновременно применение новых искусственных красок ускоряло процесс окраски, поднимало производительность труда, что способствовало превращению ткацкого ремесла в высокотоварное производство.

Продолжает сохраняться, намного сократившись, выработка маты — местной грубой материи, которая шла на белье в бедных семьях. Спрос на нее в сельских местностях был значительным. Помимо местного потребления мата еще и вывозилась. Так, в 1911 г. со станции Чарджуй было вывезено 29,6 тыс. пудов маты⁹². Даже конкуренция дешевых фабричных изделий не смогла ликвидировать это производство.

К концу XIX в. бухарские ткачи переходят от изготовления бумажных тканей к выделке шелковых и полшелковых, используя старинные традиции выработки. В конце века в Бухаре вырабатывались полшелковые полосатые ткани алача и бекасаб, адрас с узорчатыми расцветками, шелковая ткань канаус, или шохи (гладкая, полосатая и узорчатая), атлас, бахмаль — бархат различных цветов.

Помимо г. Бухары ткани изготовлялись в Карши, Шахрисабзе, Нурата, Гиссаре, Гиждуване и т. д. Шелковые изделия бухарских мастеров ценились очень высоко.

К началу XX в. в Бухаре существовало до 30 крупных шелкоткацких мастерских⁹³, в которых работало от

⁹² ЦГА УзССР, ф. Р-47, оп. 1, д. 115а, л. 32.

⁹³ Сухарева О. А. Бухара XIX — начала XX в. (позднефеодальный город и его население). М., 1966, с. 201.

нескольких десятков до сотни ткачей. К 1916 г. число ткацких крупных заведений достигло 46⁹⁴. Хозяева их все более стали применять наемный труд, сами в процессе производства уже не участвовали. Так в ткацком производстве раньше других начали зарождаться капиталистические отношения.

Укрупнение мастерских происходило за счет разорения мелких мастерских и отдельных ремесленников, которые не могли выдержать конкуренции.

Нарождающаяся буржуазия в лице владельцев мастерских закабаляла наемных мастеров посредством задатка — бунака, до возвращения которого хозяину наемный мастер (хальфа) не имел права ни уйти, ни перейти к другому владельцу мастерской. Ученичество в ремесле было также одной из форм эксплуатации.

В начале XX в. постепенно начинает сокращаться вывоз бухарского шелка и, наоборот, увеличивается ввоз дешевого русского фабричного шелка, да к тому же расцвеченного национальными рисунками. Таким образом, этот период характеризуется упадком ведущей отрасли ремесленного производства Бухары.

Другой развитой отраслью бухарского ремесла было литье чугуна. Из чугуна отливали поза-лемехи, жаровни для обогрева помещения, втулки для колес арб, башмаки для абиджувазов, имевшие большой спрос у населения и после установления протектората России. Однако изготовлявшиеся ранее котлы и масляные светильники и т. д. стали вытесняться уральскими фабричными котлами и керосиновыми лампами, привозимыми из России.

Развитие чугунолитейного ремесла было связано с подъемом хлопководства. Увеличился спрос на сельскохозяйственные орудия, в частности на лемехи, необходимые каждому крестьянскому хозяйству. И в этой отрасли ремесла, требовавшей участия большого количества рабочих в производственном процессе, мастера-одиночки быстро разорялись и пополняли число наемных мастеров-хальфа. В чугунолитейном ремесле также зарождались новые, капиталистические отношения.

Изделия литейщиков пользовались большим спросом, имели сбыт как в городе, так и в деревне. В при-

⁹⁴ Там же.

городах Бухары было восемь мастерских чугунолитейщиков, изделия которых продавались в четырех лавках. Известна такая мастерская и в одном из селений Сарыасийского района (ныне Сурхандарьинская область), обеспечивавшая сошниками все окрестные хозяйства.

Ремесленники по металлу — челангары изготавливали орудия труда — серпы, кетмени, теша, топоры, ножи и т. д. Особенным мастерством славились ремесленники по выделке ножей и клинков для сабель в Гиссаре, Кала-и Хумбе и Гарме. Их изделия считались лучшими в Средней Азии. Пользовались повсеместно большим спросом изделия кузнецов, прежде всего орудия труда земледельцев — кетмени, серпы и т. д.

Мастерские кузнецов и челангаров были небольшие, в них работало помимо хозяина не более трех человек. В Бухаре насчитывалось около 150 челангаров⁹⁵. В сельских местностях кузнецы чаще работали по заказу.

Несколько сократилось, но все же продолжало существовать производство предметов из меди оригинальной формы, с художественным орнаментом, иногда украшенных чеканкой калом. Это чайджуши — кувшины для заварки чая, офтоба — для умывания, хум-и мис — медные кувшины для хранения и кипячения воды, вошедшие в быт взамен применявшихся ранее чугунных, ляганы (подносы), чилимы (кальяны), чернильницы и многие другие предметы быта — изящной формы с высоким качеством орнаментации.

Наряду с медными изделиями производилась чеканка по меди и серебру. Иногда тонкой, прекрасной гравировкой покрывались уже готовые изделия русских заводов: подносы, самовары. Здесь же необходимо отметить изделия из мрамора. В частности изготавливались блюда из белого мрамора с резьбой и рельефной лакировкой, а также из серого мрамора, экспонировавшиеся Бухарой на выставке в Петербурге⁹⁶.

Мастерские мисгаров-медников были небольшие, в них работали один-два хальфа и ученик. Чеканное производство сосредоточивалось в г. Бухаре и Карши. Новые капиталистические отношения коснулись и этого ремесла. Сбыт изделий мисгаров перешел в руки скупщи-

⁹⁵ Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара, с. 31.

⁹⁶ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 220, л. 80.

ков, мастера попадали в зависимость от них. В г. Бухаре насчитывалось до 44 мисгаров. Чеканные предметы быта ценились очень высоко, и только в начале XX в. они стали утрачивать свое качество, вытесняясь дешевой фабричной продукцией метрополии⁹⁷.

Искусство отливки из бронзы относилось к слабо развитым ремеслам. Из бронзы отливали большей частью предметы роскоши: кольца, пуговицы, пряжки и т. д., украшенные сложным чеканным узором. Отливали также жаровни для угля, колокольчики различных размеров, бубенцы, фигурные ручки для медных кувшинов. К концу XIX — началу XX в. этим ремеслом в г. Бухаре занималось всего человек 40—50. Литейщики бронзы часто работали по заказу медников, изготавливая бронзовые детали к медным изделиям.

В конце XIX — начале XX в. в Бухаре большое развитие получило ювелирное искусство. В этот период оно достигло высшего расцвета.

Бухарские ювелиры славились изяществом и искусством художественной отделки своих изделий. Завоз из России разнообразных новых материалов — искусственного серебра, стеклянных подделок под драгоценные камни намного удешевил украшения. Увеличился их ассортимент. По заказу эмирского двора и феодальной верхушки ювелиры Бухары делали многочисленные шкафчики, штатулки, бокалы, графины, золотую и серебряную посуду, покрытую разноцветными эмалями и нередко копировавшую европейские образцы. Они же изготавливали именные печати. Кроме того, ювелиры работали в дворцовой мастерской, чеканя монеты и изготавливая различные раззолоченные и украшенные драгоценными камнями уздечки, сбруи и т. д.

После присоединения ханства к России происходят некоторые изменения в технологии этой отрасли ремесленного производства. Узбекские ювелиры заимствовали у русских мастеров многие инструменты и приемы труда. Применение вальцового станка намного облегчало труд ювелиров. Использовались также для производственных операций металлические тиски, паяльная лампа, соляная кислота и некоторые другие химические вещества. В Бухаре насчитывалось до 400 ювелиров, их

⁹⁷ Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара, с. 38.

изделия продавались в 40 лавках, которыми распоряжался цех. Ювелиры обычно работали в одиночку.

В конце прошлого века в лавках ювелиров места стали получать наиболее богатые мастера, которые постепенно превращались в скупщиков.

Ювелирные мастерские были в каждом городе, они обслуживали жителей своего города. Особенной тонкостью и изяществом отличались ювелирные изделия мастеров г. Бухары.

Издавна в ханстве было развито керамическое производство. Оно сосредоточивалось главным образом в Гиждуване и некоторых других городах. В самой столице ханства этот промысел к концу прошлого века почти исчез. Гончары готовили как расписную, так и одноцветную керамику — различных размеров чаши и блюда, покрытые красивым орнаментом и отличной поливой, сосуды для хранения воды, зерна и т. д. Мастера работали иногда с одним, реже с несколькими учениками. В больших мастерских применялся труд наемных мастеров, что уже свидетельствует о проникновении элементов капиталистических отношений в это ремесло.

С возникновением новых городов резко возрастает спрос на кирпич, увеличивается число кирпичных заводов. Появляются технические новшества — обжигательные печи новой конструкции, которые дали возможность увеличить производительность. Печи для обжига кирпичей были в каждом городе и крупном селении.

Большое развитие получило в Бухаре кожевенное производство. Выделка кожи была очень плохой. Из конской кожи выделывали грубую сыромять, окрашенную в красный цвет. Она шла на изготовление сбруй. Из бычьих шкур после их соответствующей обработки готовили как подошвы, так и верх обуви. Бараньи шкуры шли на подкладку для верха обуви, а также на приготовление овчины для тулупов и особого сорта грубой замши — меша. Помимо местного потребления она также вывозилась в Россию для переработки. Из кож крупы ослы и лошади изготовляли шагрень, производство которой к концу XIX в. резко сократилось.

Бухара была центром скоряжного и шорно-седельного производства. Ремесленники-скоряжки выделывали каракуль, овчину, меха местных диких зверей. Выработка шкур была очень низкого качества. Шорно-седельные

мастерские имелись в больших городах, они вырабатывали седла для верховой езды, порой богато инкрустированные. Особенно отличались в украшении седел бухарские мастера.

Значительно было развито производство обуви. В Бухаре этим ремеслом занимались в 52 кварталах города⁹⁸. Обувщики шили махси-ичиги — сапожки на мягкой подошве, кавш — кожаные калоши, муза — сапоги с острыми загнутыми сверху носками и относительно высокими каблуками, таштаваны — грубые сапоги для сельского населения и т. д. Обувные мастерские были небольшими, работало в них от одного до шести рабочих. Производительность труда была низкой.

В г. Бухаре работало много сапожников, занимавшихся починкой и чернением обуви. В кожевенном и сапожном ремеслах, отличавшихся товарностью производства, в начале XX в. начали развиваться капиталистические отношения, стали появляться мастера, имеющие по четыре — восемь наемных мастеров. С этого же времени население больших городов начинает использовать привозную русскую обувь, самую дешевую и низкосортную, что естественно наносило удар по местному ремесленному производству.

Город Бухара славился золотошвеями. Среди этой категории ремесленников было сильно заметно социальное расслоение. Дорогие нити и ткани были доступны только очень богатым мастерам, поэтому ремесленники-одиночки за невозможностью работать самостоятельно превращались в наемных работников богатых мастеров. Крупные мастерские золотошвеев имелись в городе, была также мастерская во дворце эмира.

В начале XX в. золотошвей сохранились только в г. Бухаре, они обслуживали главным образом придворные круги. Е. М. Пещерева⁹⁹ считает, что число золотошвеев было немногочисленным, а между тем нами обнаружены 17 списков мастеров этого дела, в каждом из которых значится от 13 до 32 имен, всего же 377¹⁰⁰. В списках напротив имен оговаривается сумма, выплаченная за работу, которая колеблется от 5—6 до 12—14 танга,

⁹⁸ Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара, с. 27.

⁹⁹ Пещерева Е. М. Бухарские золотошвей. Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XVI, с. 281.

¹⁰⁰ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 125, л. 1, 2.

также указано кто является мастером — усто. Возможно, это списки придворных золотошвеев. Видимо, для выполнения большой и срочной работы в придворную мастерскую были вызваны все известные мастера золотошвейного дела, причем каждый из них приходил работать со своими подручными. Бухарские золотошвеи помимо выполнения заказов придворных кругов, вышивали золотом женскую одежду, принимали заказы богатых горожан на шитье золотом по бархату и т. д. Их изделия отличались высоким качеством.

В Бухаре было распространено шитье парадных халатов для эмирского двора. Эти халаты жаловались эмиром отдельным чиновникам, а также преподносились почетным гостям, жениху во время свадьбы и т. д.

Велико было также искусство вышивальщиц. Вышивали разнообразные вещи домашнего обихода и одежды — большие и малые сюзане, декоративные панно, покрывала, тюбетейки, джай-намазы (молитвенные коврики) и т. д. Сюзане и тюбетейки, выполненные на заказ еще в конце XIX в., являлись предметом экспорта и имели большой спрос.

Произведениями высокого искусства женщин были ковры¹⁰¹. В ханстве ковровое производство было сосредоточено в Келифском и Керкинском бекствах. Бухарские ковры высоко ценились, они вывозились не только в Россию, но и в Западную Европу. Наибольшей известностью пользовались ковры баширские, кизил-аякские, ляби-оби, представленные на выставке в Париже¹⁰². Помимо ковров из шерсти приготавливали кошмы, паласы, шерстяные мешки — хурджины, капы и т. д. Более всего ценились паласы кизил-аякские, каршинские, араби, шаль и другие. Наряду с шерстяными хурджинами изготавливались также ковровые хурджины.

Широко было развито шитье стеганых ватных халатов, в основном на вывоз в Сибирь. В г. Бухаре существовал специальный базар и тим — пассаж, где продавались халаты. Для вывоза шили также тулупы из ов-

¹⁰¹ См.: Мошкова В. Г. Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX в. Материалы экспедиции 1929—1945 гг., обработанные и подготовленные к печати А. С. Морозовой. Ташкент, 1970.

¹⁰² ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, оп. 263/916а, д. 249, л. 27, 38.

чины. В г. Карши было пять, а в Шааре четыре мастерских по выделке овчины¹⁰³.

С установлением широких экономических связей с Россией в эмират завозятся швейные машины, входят в быт фабричные нитки, заменившие толстые и неровные нитки, изготовлявшиеся вручную на самопрялке. У вышивальщиц появилась тамбурная машина. В Бухаре на этой машине работали как женщины, так и мужчины.

Помимо различных ремесел, распространенных в Бухарском эмирате, большое значение имели промыслы, обеспечивающие население продовольствием. Среди прочих важное значение имел размол муки. В ханстве насчитывалось до 1 тыс. мельниц и крупорушек, которые перемальевали всего 10—8 пудов муки в сутки. Наряду с водяными мельницами в связи с недостатком воды жернова некоторых мельниц приводились в движение силой животных.

Хлеб для рынка выпекали отдельные семьи. Существовали также большие пекарни, привлекавшие труд наемных мастеров. Эти пекарни обеспечивали хлебом население и эмирский двор.

В ханстве было много различных видов ремесел. В Бухаре, крупном центре торговли, ремесло было высокоотварным. Одновременно с изготовлением товаров для продажи ремесленники производили также изделия для местного потребления. Наряду с городом Бухарой ремесленная промышленность сосредоточивается и в ряде других городов, например, в Шахрисабзе, Карши, Нурата, Гиждуване и т. д.

Активное участие в ремесленном производстве принимали женщины. Они шили халаты, тулупы, тюбетейки, занимались росписью изделий из дерева, изготовлением игрушек. Жены ювелиров изготавливали украшения: кольца, браслеты, всевозможные подвески и т. д. Несмотря на широкое участие женщин в ремесленном производстве они не входили в цеховые корпорации.

В слабо развитых ремеслах все еще существовали мастерские с мастером и учеником, в развитых ремеслах все шире стали привлекаться наемные мастера — хальфа. В большинстве ремесел продолжали сохранять-

¹⁰³ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 220, л. 58—59.

ся феодальные производственные отношения, которые проявлялись в наличии профессиональных объединений. Эти ремесленные организации не потеряли своего значения и в конце XIX — начале XX в. Однако в таких ремеслах, как, например, ткачество, чугунолитейное производство, в которые все активнее начинают проникать элементы капиталистических отношений, постепенно снижается роль цеховых объединений. Хозяева крупных предприятий начинают пренебрегать цеховыми установками.

В связи с ростом товарно-денежных отношений и проникновением капиталистических отношений в ремесленное производство, положение наемных мастеров и учеников ухудшается, растет рабочий день. Усиливается недовольство условиями труда.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

После присоединения Бухары к России начинает интенсивно развиваться промышленность колониальных окраин. Однако развитие ее было односторонним, уродливым, направленным в основном лишь на те отрасли, которые работали на вывоз.

Русская буржуазия, мечтая об огромных доходах, вкладывала свои капиталы в хлопководство и связанные с ним отрасли промышленности. Этот капитал направлялся прежде всего в сферу кредитования хлопководства, и только отчасти — в промышленность. Царизм не был заинтересован в развитии промышленности окраин.

Ведущая отрасль бухарской промышленности — хлопкоочистительная работала для удешевления и облегчения транспортировки хлопка на текстильные фабрики метрополии — в Москву, Нижний Новгород, Лодзь и т. д. Наряду с хлопкоочистительной на вывоз работали также шерстомойная, коконосушильная, кожевенная, кишечная и частично маслобойная промышленность. Пищевая, мыловаренная, мукомольная, винодельческая и горнодобывающая промышленность обслуживали внутренний рынок. Следовательно, деятельность ведущих отраслей была направлена на производство продукции для метрополии, что отражает колониальный характер бухарской промышленности.

С ускорением темпов развития хлопководства и торговли хлопком примитивные методы очистки хлопка ручным способом и на машинах местного производства — чагрык стали непригодными.

Крупным шагом вперед в развитии промышленного производства ханства является возникновение хлопкоочистительных заводов. Первые из них были открыты в 1890 г. Т-вом Большой Ярославской мануфактуры и М. Г. Флакманом в Новой Бухаре. В 1899 г. получили разрешение на постройку хлопкоочистительных заводов вблизи ст. Каракуль Л. Н. Левин и в Кзылтепе И. Н. Шапиров и Беляк. Около станции Кармана был построен завод Гуцевича. Однако эти предприятия на первых порах своего существования были далеки от совершенства. Технология очистки хлопка была примитивной.

Для очистки местной гузы от скорлупы впервые на заводе Большой Ярославской мануфактуры была применена несколько усовершенствованная американская гузаломка, но качество очистки гузы было низкое. Несмотря на то, что заводская очистка стоила 60 коп. за пуд чистого хлопка, т. е. была более чем вдвое дешевле ручной очистки, основная масса местных покупателей хлопка, скупавших гузу в целях спекуляции, предпочитала ручную очистку. Поэтому заводы, построенные в ханстве в конце прошлого столетия, обычно сами чистили свой хлопок, скупщики же обращались к услугам заводов только в случае крайней необходимости. Поскольку русские покупатели производили покупку через комиссионеров-бухарцев, они покупали хлопок ручной очистки.

С начала XX в. фабрично-заводская промышленность, особенно хлопкоочистительная, начинает развиваться ускоренными темпами. В 1905 г. количество хлопкоочистительных и гузаломочных заводов увеличивается до девяти, из них три в Новой Бухаре. Здесь же открывается завод Т-ва для торговли в Персии и Средней Азии.

Наиболее интенсивный рост фабрично-заводской промышленности ханства был связан с промышленным подъемом в России в предвоенные годы, когда количество хлопкоочистительных и маслобойных заводов, достигает 26, увеличивается их производительность.

В период первой мировой войны продолжается рост хлопкоочистительной промышленности ханства. Появляются новые заводы вблизи г. Старая Бухара, в Гиждуване, Чарджоу, Зирабулаке и т. д., расширяются уже существующие предприятия. Так, Андреевское Т-во в 1916 г. покупает хлопкоочистительный и маслобойный заводы Флаксмана в Новой Бухаре и расширяет их почти вдвое. На хлопкоочистительном заводе ежедневно очищалось по два вагона местного и столько же американского хлопчатника¹⁰⁴. После пожара 1917 г. завод в Новой Бухаре, принадлежащий Бухарскому правительству, отстраивается заново, вдвое увеличивается его производительность. В 1919 г. ремонтируется завод Т-ва Айвадж в г. Сарайе, открывается завод в сел. Кукмазар в Сарыассии.

Хлопкоочистительные заводы Бухары были паровыми, для отопления котлов использовались отходы чангалака — коробочки гузы, получаемой при очистке хлопка.

С начала XX в. на заводах Зирабулака и Зиатдина появляются нефтяные двигатели¹⁰⁵. Мургабские удельные заводы с 1910 г. начинают работать на электроэнергии, получаемой от гидроэлектрической установки на перепаде р. Мургаба.

Хлопкоочистительные заводы работали сезонно. Сезон начинался с августа-сентября и заканчивался в зависимости от урожая в марте-апреле, а в неурожайные годы — в январе-феврале. В общей сложности сезон продолжался 155—160 дней. При наличии одного джина завод за 12—13-часовой рабочий день мог очистить 33 пуд. волокна¹⁰⁶, т. е. примерно около 5 тыс. пуд. за сезон, в то время как один человек способен был очистить не более 10 фунт. чистого хлопка в день¹⁰⁷, т. е. около 100 пуд. за сезон.

На смену кустарным маслозаводам (майджуваз), где производственный процесс был основан на примитивном способе выжимания масла из масличных семян, пришли оснащенные совершенной по тем временам техникой предприятия. В 1902 г. открывается маслозавод в Мерве, расширяется завод в Керки, который стал да-

¹⁰⁴ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 563, л. 13.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 1372, л. 16.

¹⁰⁷ Там же.

вать 5 тыс. пуд. масла ежегодно. По проекту американской фирмы был построен в 1902 г. маслозавод в Мургабском государевом имении, первоначально с тремя прессами, с 16 бронзовыми плитами, каждая из них потребляла 4 тыс. пуд. семян в сутки. В 1906 г. на этом заводе был поставлен четвертый пресс с 15 железными плитами. В Новой Бухаре возникли заводы Большой Ярославской мануфактуры и М. Г. Флаксмана. Последний перерабатывал 3 600 пуд. семян в сутки. В 1904—1908 гг. в связи с избытком семян на рынке, их дешевизной, а также открытием кредита на машины деятельность заводов была весьма прибыльной. Однако с ростом числа маслозаводов спрос на семена стал возрастать, что повлекло за собой новышение цен на них.

На маслозаводах по условиям технологии работало больше рабочих, по сравнению с хлопкоочистительными.

Помимо перечисленных предприятий в окрестностях Старой Бухары имелись кишечные заводы В. Г. Дюршмида, Пушнянского, Бр. Ибрагимовых. Коммерции советник Г. В. Дюршмидт имел в Старой Бухаре кроме кишечно-очистительного заведения, шерстоочистительную машину, веялку для очистки люцерны и мельницу для размола муки. Оборот этих предприятий составлял 250—300 тыс. руб. в год¹⁰⁸. Имелись также в Старой Бухаре промышленные заведения по обработке кожи. Это заводы Л. Зальма, Кильма и К⁰ и Поляка. На ст. Зиатдин также был кожзавод¹⁰⁹. Но эти предприятия были мелкими, в них работало от одного до шести рабочих. Бухарское отделение фирмы Л. Зальма занималось также экспортом кожи за границу.

В связи с ростом городов расширяются отрасли промышленности, работающие на внутренний рынок. Так, в мукомольной промышленности, наряду с огромным количеством мелких водяных мельниц, стали появляться и моторные мельницы.

Строительство новых городов обуславливает возникновение десяти новых кирпичных заводов. В Чарджоу появляется завод Н. В. Киселева для прессования солодового корня, экспортируемого за границу. Завод арен-

¹⁰⁸ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 424, л. 19.

¹⁰⁹ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 2, д. 703, л. 2.

довывался акционерным обществом «Кавказ и Меркурий».

Некоторое развитие получило в ханстве и виноделие. Генерал М. Г. Анненков построил в Каракуле вишневый завод, который впоследствии перешел к французскому подданному Готье. В 1893 г. открылись винзаводы вблизи ст. Яккатут, в Новой Бухаре, Қзылтепе, в Чарджоу. Производительность этих предприятий была незначительной. Так, завод купца Бехтадзе давал до тысячи ведер вина в год. В Термезе и Новой Бухаре были открыты лимонадные заводы.

Из отраслей легкой промышленности значительное место принадлежало и шелкоткачеству. В Бухаре было 46 шелкоткацких мастерских, в которых работало 197 рабочих. Общее количество выработанной шелковой материи достигало 100 тыс. пуд. и оценивалось в полмиллиона рублей¹¹⁰, что составляло почти половину всего шелкоткацкого производства Средней Азии.

Следует отметить, что в рассматриваемый период пролетариат Бухары только зарождался. Он был еще очень малочисленным — всего около 3,5 тыс. рабочих¹¹¹.

Рабочий класс Бухары формировался из железнодорожников, рабочих хлопкоочистительных, маслобойных и грензаводов, коконосушильных заведений, кустарных мастерских и т. д., причем в большинстве своем они были сезонными. Наиболее квалифицированными и высокооплачиваемыми являлись русские рабочие, местные же выполняли менее квалифицированную работу, не требующую опыта. После окончания сезона они возвращались к своему хозяйству.

Были среди рабочих и отходники из Ирана и Афганистана. Так, в 1917 г. торгово-промышленное акционерное общество И. Стахеева ходатайствовало о выдаче открытого листа на право свободного проезда через Чарджоу, Керки и Паттагисар в Мазар-и Шериф и обратно группе афганских рабочих-отходников¹¹².

Условия работы на промышленных предприятиях ханства были очень тяжелыми. Рабочие жили в помещениях, мало приспособленных к жилью. Рабочий день

¹¹⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-47, оп. 1, д. 115а, л. 29.

¹¹¹ Деева Е. А. Промышленность Бухары. — В кн.: История Бухары с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976, с. 175.

¹¹² ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 2, д. 539, л. 4; д. 468, л. 6.

продолжался 12—13 час. в сутки. На хлопкоочистительных заводах обычно было так пыльно, что казалось темно. Отсутствовала элементарная охрана труда — дробильные валы не огораживались, не одевались нарукавники, что вело к частым авариям. Так, в дробильном отделении завода вблизи Қзылтепе афганский рабочий, подававший лопатой гузу на гузаломку, был затянут валом и вращался вместе с ним¹¹³. И этот случай был не единичным. Часто аварии случались в результате затягивания полы халатов или рукавов валами. Местные рабочие, не знакомые с условиями труда, не имевшие опыта, нередко становились жертвами аварий.

Возникновение промышленности в эмирате было большим прогрессивным явлением, несмотря на ее односторонность, а также на то, что она в основном работала на вывоз, являясь по существу приложением хлопчатобумажной промышленности метрополии.

Появляются новые населенные пункты и города, расширяются отрасли промышленности, работающие на внутренний рынок.

Зарождается рабочий класс. Необходимо отметить сезонный характер большей части рабочих промышленных предприятий эмирата.

Бухарское ханство обладало богатейшими залежами полезных ископаемых. В целях монополизации ископаемых богатств эмирата в 1896 г. туркестанский генерал-губернатор А. Б. Вревский издал специальное постановление о золотопромышленности в эмирате, по которому добыча золота разрешалась только русскоподданым, и ни в коем случае иностранцам или русским фирмам, связанным с иностранным капиталом¹¹⁴. Так, по существу эмир лишился права распоряжаться природными богатствами Бухары. Русская же буржуазия считала невыгодным вложение капитала в разработку горнорудных богатств, за исключением разработок золота, право на которые было получено многими русскими предпринимателями.

¹¹³ Там же, д. 468, л. 6.

¹¹⁴ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 69, л. 17.

Наиболее активные работы развернулись на Сафетдарьинских золотых приисках, право на разработку которых получил в 1897 г. инженер П. А. Жоравко-Покорский. Он ежегодно промывал до 1—1,5 тыс. пуд. золотого песка. В 1909 г. им было промыто 1 372 тыс. пуд. песка и добыто 16 фунтов 2 золотника 34 доли золота¹¹⁵. Содержание золота на этих приисках было небольшое — 20—25 долей в 100 пуд. песка. Все добытое золото должно было быть продано в казну эмира. За 16 лет П. А. Жоравко-Покорский сдал бухарскому правительству только 2,5 пуд. золота¹¹⁶. Вложив в это предприятие весь свой капитал, он вскоре обанкротился и стал ходатайствовать перед генерал-губернатором о привлечении иностранного капитала или передачи иностранцам права на эти участки ввиду невозможности привлечь русский капитал, но получил отказ¹¹⁷.

Добычей золота занимались также русский золотопромышленник Г. А. Сирасс¹¹⁸ и генерал Покотило¹¹⁹, но никому из русских предпринимателей не удалось поставить широко эти разработки.

В эмирате также имелись залежи каменного угля, соли, черного и серого мрамора, серы, селитры, известняк и т. д. Разработка полезных ископаемых в ханстве не имела промышленного значения, бухарское правительство само этим делом не занималось, предоставляя, под давлением царизма, отдельным русским предпринимателям права на разработку ископаемых богатств эмирата. Царизм распоряжался ископаемыми богатствами эмирата по своему усмотрению.

В период протектората в Бухаре русскими предпринимателями были проведены за счет бухарского эмира телеграфные линии, которые соединили Бухару с Каттакурганом, Карши, Келифом, Термезом, светкой от Карши на Гузар и Китаб, Чарджоу и Керки, Самарканд и Термез, Келиф и Паттагисар и т. д.¹²⁰ Были построены почтово-телеграфные конторы в Старой Бухаре, Новой

¹¹⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-47, оп. 1, д. 115а, л. 22.

¹¹⁶ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 13, д. 906, л. 65.

¹¹⁷ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 149, л. 31.

¹¹⁸ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 219, л. 385.

¹¹⁹ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 149, л. 29.

¹²⁰ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 446, л. 27; ф. И-1, оп. 29, д. 861,

Бухаре, Шахрисабзе, Гузаре, Карши, Ширабаде, Кулябе, Сарае, Чарджоу, Керках, Келифе, Термезе¹²¹. Так, отдаленные города эмирата посредством телеграфа и почты получили возможность сношения с Бухарой и через Каттакурган и Самарканд с любым городом Российской империи.

В этот период возникают новые города, что сопровождается расширением строительства. Сооружаются жилые дома, амбулатории, больницы в Новой Бухаре, Карши, Шахрисабзе, Душанбе, здание четырехклассного училища в Новой Бухаре, производится замощение многих улиц Старой Бухары, строятся мостовые и подъездные дороги в Карши и Шахрисабзе, шоссе из Старой Бухары в Ситтара-и Мохаса, осушаются болота¹²² и т. д. Все это имело огромное значение для отсталой и замкнутой феодальной Бухары, способствовало приобщению ее к европейской цивилизации.

В связи с обострением взаимоотношений России с Англией в 1884 г. Военное министерство России стало настаивать на продолжении Закаспийской железной дороги, уже проложенной от Михайловского залива до Кизыларвата. Было решено продолжить ее в глубь Средней Азии к Амударье по направлению на Мерв и Чарджоу. Однако экономические, а также политические задачи требовали продолжения железной дороги до Самарканда и далее до Ташкента. В 1888 г. железная дорога дошла до Самарканда, пройдя через Бухарское ханство. Бухара через железнодорожную магистраль соединилась с Россией. В 1900—1901 гг. была построена железнодорожная ветка, соединившая Новую Бухару со Старой Бухарой.

Соображения политико-стратегического характера требовали соединения железнодорожной линии с южными, пограничными районами. Кроме того, эта дорога явилась бы кратчайшим путем связи и обеспечила бы русской буржуазии доступ в богатые сырьем области ханства. Строительство железной дороги от ст. Каган на Термез с веткой от Карши до Китаба было отдано в 1913 г. акционерному обществу под руководством ловкого дельца А. Н. Ковалевского. Строительство дороги

¹²¹ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 330, л. 2—5.

¹²² ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 2079, л. 5—6.

было начато в апреле 1914 г., а в июне 1916 г. она уже была сооружена на год раньше установленного срока.

В 1916 г. предпринимателю Першину было разрешено строительство узкоколейной железнодорожной линии от Старой Бухары через Вабкент до ст. Кзылтепе. В мае 1917 г. было начато строительство железнодорожной ветки от ст. Самсоново до берега Амударьи протяженностью в 2,25 версты¹²³ и от ст. Термез до пристани у г. Паттагисара — около 8 верст¹²⁴.

Строительство железных дорог имело огромное значение. Оно усилило обмен продуктами земледелия, ускорило процесс слияния местных рынков в единый бухарский рынок, способствовало росту торговли, развитию сельского хозяйства и промышленности. Русская буржуазия стала охотнее кредитовать операции по покупке и продаже хлопка, вкладывала средства в бухарскую промышленность. Так железная дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию.

Сооружение Закаспийской железной дороги на первых порах велось специальной войсковой частью — железнодорожными батальонами, в состав которых были включены подготовленные к строительству специалисты. Так, в числе первоначально сформированной в Москве первой железнодорожной роты, направленной в 1880 г. в Закаспийский край, были, помимо пяти обер-офицеров, семь инженеров-путейцев, два техника, 14 телеграфистов, 226 саперных железнодорожных солдат, 12 строевых и 11 нестроевых солдат — всего 227 человек¹²⁵.

В железнодорожных мастерских, в депо, на станциях формировались постоянные кадры рабочего класса.

По мере разрывания строительства железных дорог на земельные работы привлекались вольнонаемные рабочие из числа русских и местных национальностей. Так, если 4 июня 1885 г. на строительстве Закаспийской железной дороги работало до двух тыс., то 20 ноября уже 14 тыс. рабочих¹²⁶. По мере продвижения строительства в глубь Средней Азии численность местных рабочих увеличилась, достигая 70—80%. Несмотря на то, что же-

¹²³ Ахмеджанова З. К. К истории строительства железных дорог Средней Азии (1880—1917 гг.). Ташкент, 1965, с. 72.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же, с. 76.

¹²⁶ Там же.

лезные дороги строили в основном рабочие местных национальностей, их не допускали к эксплуатации дорог. Поэтому среди железнодорожных рабочих преобладали русские. На эксплуатации Закаспийской железной дороги работало 5 645 человек, число вольнонаемных штатных и поденных рабочих составляло 4 556 человек¹²⁷.

Намного хуже обстояло дело с обеспечением рабочей силой на строительстве Бухарской железной дороги. Для сооружения этого объекта требовалось примерно 3 тыс. рабочих. Эмир бухарский обещал обеспечить строительство рабочими, но не сдержал обещания. Местные рабочие с неохотой шли на строительство: помимо тяжелых условий труда и низкой оплаты сказались и влияние реакционного духовенства, настроенного против всяких новшеств, в том числе и железной дороги, которую проводили на этот раз в «священной» Бухаре. Первую партию рабочих, присланных из Карши, пришлось отправить назад в связи с очень низкой производительностью их труда. К маю 1914 г. на строительстве насчитывалась одна тысяча бухарских рабочих¹²⁸, но в связи с волнениями среди местных рабочих, администрация вынуждена была рассчитать их. Попытка организованного набора рабочих не имела успеха. Администрация строящейся дороги приложила много усилий для обеспечения строительства рабочими. Их вербовали в различных областях России, а также в Афганистане, Иране и т. д. Шла война, рабочих не хватало. Был найден выход — к строительству стали привлекаться военнопленные, труд которых оплачивался ниже по сравнению с другими рабочими.

Кадры железнодорожников формировались прежде всего из рабочих железнодорожных мастерских и депо, а также из русских рабочих, строивших эти дороги. После окончания строительства они оседали на постоянное местожительство по линии этих дорог, работая на их эксплуатации. С 1880 по 1917 г. в строительстве дорог в Средней Азии приняли участие до 120 тыс. человек, на Среднеазиатской дороге работало около 30 тыс. человек¹²⁹.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же, с. 82.

¹²⁹ Там же, с. 94.

Русские рабочие, прибывшие из России, в процессе совместной работы и взаимного общения передавали местным рабочим свой опыт, пробуждали у них классовое самосознание. Постепенно многие местные рабочие также становятся квалифицированными специалистами. Так, на службе тяги Среднеазиатской железной дороги к началу 1916 г. работало 55 туркмен, 18 киргизов, 26 узбеков и 60 персов, на службе движения и связи — 447 рабочих-узбеков¹³⁰, на службе пути — 200 туркмен, 50 киргизов, 353 узбека¹³¹. Формировался отряд железнодорожников из числа представителей рабочих местных национальностей, в состав которых входили представители различных среднеазиатских народов.

В связи со слабым и однобоким развитием промышленности, малочисленностью и сезонностью промышленного пролетариата ведущую роль среди нарождающегося рабочего класса играли железнодорожники, связанные с развитием капиталистического производства. Именно они сыграли авангардную роль как в период революции 1906—1907 гг., так и в последующей борьбе за свержение власти буржуазии, установление Советской власти.

Условия работы на железнодорожных стройках были исключительно тяжелыми, дороги прокладывались по малонаселенным или пустынным местностям. Рабочие часто оставались без продуктов питания, питьевой воды. На строительстве Бухарской железной дороги строители жили в полуземлянках, в палатках. Упоная на теплые погодные условия, администрация на некоторых участках не построила жилищ, в результате с наступлением холодов рабочие практически остались на улице. Расценки за работы на Бухарской дороге были очень низкие. Кубометр земли, вынудной паровой машиной, кремером, стоил не менее 20 руб., в то время, как наиболее высокая оплата рабочему местной национальности за тот же кубометр составляла 2 руб. 50 коп.¹³²

Низкая оплата труда, постоянные обшеты рабочих при системе подрядов, плохое питание, тяжелые бытовые условия — все это вызывало недовольство строите-

¹³⁰ Кунавина Г. С. Формирование железнодорожного пролетариата в Туркестане (1881—1914 гг.). Ташкент, 1967, с. 73.

¹³¹ Там же.

¹³² Кунавина Г. С. Указ. соч., с. 33.

лей. Одной из форм протеста рабочих был отказ от выхода на работу. Подобные явления приняла на строительстве Бухарской дороги в 1914 г. массовый характер. Так, в июле 1914 г. восстали местные, бухарские рабочие¹³³, в ноябре 1914 г. вспыхнула забастовка среди рабочих, завербованных в Пензе¹³⁴. Таким образом, возникновение бухарской промышленности, несмотря на то, что она имела колониальный характер, будучи придатком хлопчатобумажной промышленности России, было прогрессивным явлением.

В эмирате создается многоотраслевая промышленность, и прежде всего заводы, связанные с переработкой хлопка, сооружаются железные дороги, что имело огромное значение для отсталой феодальной Бухары, разрушая ее вековую замкнутость. Из числа заводских железнодорожных рабочих формировался пролетариат Бухары, сыгравший большую роль в судьбах бухарской революции.

В период протектората начинается некоторая разработка полезных ископаемых эмирата, проводится телеграф, строятся почтово-телеграфные конторы, растет жилищное строительство, связанное с возникновением новых городов.

В эмирате наблюдается известный подъем экономики. В Бухаре начинают развиваться новые, капиталистические отношения в рамках господства феодального строя.

Деятельность банков и фирм

С 90-х годов прошлого века Россия вступила в период империализма, характеризующийся господством монополистического и финансового капитала, ввоз которого приобрел первоочередное значение. Начинается раздел мира международными трестами и заканчивается раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами¹³⁵.

С момента присоединения Бухарского эмирата к России и до 90-х годов XIX в., когда в метрополии гос-

¹³³ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 1844, л. 35—36.

¹³⁴ Ахмеджанова З. К. Указ. соч., с. 185—186.

¹³⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 387.

подствовал промышленный капитализм, русская буржуазия вкладывала свои капиталы главным образом в торговлю, скупая при посредстве местного торгового капитала бухарское сырье и продавая русские промышленные товары.

С 90-х годов усиливается вывоз капитала в Бухару, возникают различные монополистические объединения, открываются банки, значение которых в экономике ханства все более возрастает¹³⁶. Так, в 1891 г. создается отделение Московско-Рязанского банка¹³⁷, в том же году было получено разрешение открыть отделение Московского международного торгового банка¹³⁸. В 1894 г. в Новой Бухаре открылось отделение Государственного банка с капиталом в 90 млн. руб. Будучи коммерческим банком, оно работало на основе вексельного оборота, поэтому кредитованием хлопкоробов занималось мало. Государственный банк обеспечивал в значительной мере частные коммерческие банки ссудами, обычно под 6,5%. Эти ссуды составляли от половины до двух третей средств отделения Государственного банка. Он выдавал кредиты только крупным местным фирмам под залог имущества. Массы беднейших крестьян ханства были лишены возможности кредитоваться в банке.

Оборот Новобухарского отделения Государственного банка постепенно возрастал. Если в 1898 г. общие обороты банка составили 89 498 млн. руб., то в 1899 г. они увеличились до 97 666 млн. руб.¹³⁹. В 1902 г. уже размеры оборотов достигли 111,4 млн. руб., а в 1903 г. — 123,5 млн. руб.¹⁴⁰. Учетно-ссудные операции Государственного банка неуклонно возрастали. Росли также кредиты коммерческим банкам, которые являлись дополнительным средством усиления эксплуатации трудящихся масс.

В Бухаре открыли свои отделения московские и петербургские коммерческие банки. Отделения Московского учетного банка и Московского соединенного банка, представлявшие крупный торговый капитал, кредитовали

в основном торговлю. Петербургские банки помимо торговли кредитовали промышленность, внедрялись в нее, продвигались на окраины и быстро богатели. Русско-азиатский банк, Русский для внешней торговли, Азовско-Донской, Волжско-Камский и Сибирский торговый, открывшие свои отделения в Старой Бухаре, были типичными банками эпохи империализма. Волжско-Камский банк имел отделения в Керки и Чарджоу, открыл свои отделения в Керки и Русско-Китайский банк¹⁴¹.

Московский учетный и Волжско-Камский банки были организованы на базе русского капитала, в других же банках значительная часть капитала принадлежала иностранцам. Так, до 70% основного капитала Русско-Азиатского банка находилось в руках французов. Соединенный и Азовско-Донской банки находились также в зависимости от французского капитала. В Русском для внешней торговли и Сибирском торговом банках значительная часть акций принадлежала немецкому капиталу. Хотя царская Россия пыталась ограничить допуск иностранцев к эксплуатации природных богатств ханства, те всеми средствами помещали свои капиталы, получая колоссальные прибыли.

Перед первой мировой войной бухарские отделения банков выдавали различным фирмам на торгово-кредитные операции по скупке хлопка до 40 млн. руб. Субсидировал торговлю и эмир, отпуская на эти цели до 1 млн. руб. ежегодно¹⁴². О размахе деятельности бухарских отделений русских банков можно судить по их оборотам и выдаваемым ими ссудам. Так, Бухарским отделением Русского для внешней торговли банка были осуществлены банковские операции в следующих размерах, тыс. руб.¹⁴³:

	1911 г.	1912 г.
Учено векселей	2 668	3 800
Выдано подтоварных кредитов		
под хлопок	2 500	3 158
коконы	300	200
каракуль	—	700

¹³⁶ Гафуров Б. История таджикского народа. М., 1955, с. 412—413.

¹³⁷ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 1378, л. 2.

¹³⁸ Там же, л. 13.

¹³⁹ ЦГА УзССР, ф. И-295, оп. 1, д. 24, л. 1.

¹⁴⁰ Там же, д. 28, л. 1.

¹⁴¹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 2033, л. 2.

¹⁴² Рябинский А. Царская Россия и Бухара в эпоху империализма. — «Историк-марксист», 1941, № 4, с. 5.

¹⁴³ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 563, л. 42.

Обороты банка в 1912 г. достигли 8 млн. руб. Ссуды выдавались главным образом под хлопок, для скупки хлопка-сырца.

Весьма активно действовал и Соединенный банк, который с 1908 по 1912 г. выдал подтоварных ссуд на 4 343 244 руб., из них под следующие культуры, тыс. руб.¹⁴⁴: хлопок — 2 953 490, хлеб—345 833, чай—718 254, мануфактуру — 191 831, разные товары — 483 834.

Бухарское отделение Соединенного банка в раздаче ссуд под хлопок, а также в скупке шерсти и каракуля конкурировало с бухарским отделением Русско-Азиатского банка, который прочно обосновался в ханстве. В основном активе филиалов Соединенного банка подтоварные кредиты достигали 80%. Судя по тому, что Кокандское отделение Соединенного банка обслуживало фирму «Персидское товарищество», причем одни и те же лица возглавляли как отделение банка, так и само товарищество, можно полагать, что и Бухарское отделение поддерживало тесные связи с «Персидским товариществом», оперировавшим и на территории ханства.

Среднеазиатское отделение Сибирского торгового банка имело отделения в Коканде, Андижане, Самарканде и Бухаре. С 1 февраля 1912 г. по 1 сентября 1913 г. бухарское отделение этого банка учло векселей на 4 500 тыс. руб., выдало ссуд под хлопок на 1 220 тыс., под каракуль — на 1 800 тыс., получило в 1912 г. на комиссионную продажу хлопка ссуду на 1 800 тыс., каракуля — на 2 200 тыс. руб.¹⁴⁵

Особенно крупными были операции Русско-Азиатского банка, которые к 1912 г. достигли 20 млн. руб. в год¹⁴⁶. Этот банк сумел захватить в свои руки торговлю хлопком через посредство таких влиятельных фирм, как Андреевское Т-во, Бр. Вадьяевы и Потеляховское Т-во.

Из приведенных примеров видно, что торгово-кредитные операции бухарских отделений частных банков были весьма значительными. Ссуды выдавались главным образом под хлопок и каракуль. Помимо выдачи ссуд банки участвовали также в комиссионной продаже.

В Бухаре в начале XX в. функционировало множество отделений и агентств русских фирм, а также мест-

ные среднеазиатские фирмы. Из русских фирм наиболее значительными по размерам торговых оборотов были торгово-промышленное Т-во Большой Ярославской мануфактуры Бр. Корзинкиных, которое кредитовало хлопкоробов и скупало хлопок, владело хлопковыми плантациями и хлопкоочистительными заводами. Имели в ханстве свои агентства известные московские фабрики Гусева, Никольские мануфактуры С. Морозова, Ганшина и Ширевского, Лодзинские фабриканты Познанские, Бр. Равелион. Открыли в Бухаре свои отделения торговые дома Шлосберга, Бадиора, Бр. Крафт, Л. Рабенек, Бр. Оссер, Поляка, Мильбица, Гликина, Э. Цинделя, Стукен и К°, Л. Кнопа, акционерное общество «Хлопок», Т-ва Андреева. Так русская буржуазия спешила извлечь доходы из бухарского хлопководства. Стали появляться и местные фирмы — Р. Ш. Потеляхова, Я. Х. Вадьяева, торговый дом Мансурова и Мирсалихова.

Открывая кредиты этим фирмам, банки имели возможность по поступающим подтоварным ссудам контролировать весь процесс кредитования хлопкоробов, начиная с договоров и векселей производителей хлопка до покупки их фирмами и отгрузки в текстильные центры страны. Ежегодно банки выдавали до 40 млн. руб. фирмам и торговым домам¹⁴⁷. Получая векселя в банках на условия 5—6% фирмы раздавали их от себя из расчета 8—12%, а до хлопкоробов они доходили через различных посредников, обрастая огромными процентами, которые достигали порой 60% и более. Ссуды раздавались под залог земли или имущества, после соответствующего оформления у местного казая. Обычно бунак выдавался из расчета от 85 до 100 танга за батман гузы, тогда как на базаре он стоил 145 танга¹⁴⁸.

Получали в банках кредиты и хлопкозаводчики, которые, как и фирмы, раздавали кредиты под хлопок. Фирмы и хлопкозаводчики предоставляли ссуду различным комиссионерам-посредникам, обеспечивавшим их необходимым количеством товара. Такими посредниками, проявлявшими большую активность в скупке хлопка, были постоянные и временные комиссионеры из местного населения — пахтакеши, которые покупали гузу у

¹⁴⁴ Там же, л. 43.

¹⁴⁵ Там же, л. 8.

¹⁴⁶ ЦГА УзССР, ф. И-630, оп. 6, д. 382, л. 74.

¹⁴⁷ История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968, с. 381.

¹⁴⁸ Там же, с. 382.

крестьян, очищали и доставляли на базар для продажи. Будучи представителями местной сельской администрации или нарождавшейся буржуазии, они знали местные условия и каждого в отдельности хлопкороба, что обеспечивало им успех в работе. С помощью именно таких комиссионеров бухарским правительством была задержана крупная партия хлопка, купленная представителями фирмы Познанских в 1904 г.¹⁴⁹, которые, действуя в обход местных скупщиков, нарушали правила о запрещении кишлачной продажи хлопка. Наряду с упомянутыми выше посредниками в продаже хлопка являлись также амбардары (владельцы складов) и ижородары — арендаторы базаров. Амбардары, скупая у сельских жителей хлопок, выжидали повышения цен¹⁵⁰.

Фирмы выдавали комиссионерам значительные авансы для скупки хлопка, о размерах которых можно судить по докладной доверенного Т-ва Большой Ярославской мануфактуры по бухарской конторе П. Ф. Жирнова управляющему Т-вом по Средней Азии М. А. Курилову. В ней сообщалось о комиссионере Базарбае Разыкбаеве, проработавшем не без пользы для фирмы 18 лет. Когда же комиссионер состарился, предусмотрительный управляющий Бухарской конторой решил взыскивать с него долг, составляющий 2 957 руб.¹⁵¹

Ссуды выдавались комиссионерам под залог имущества. П. Ф. Жирнов сообщал, что он привел в порядок 20 закладных, по которым были выданы ссуды. «По ним все имущество стало принадлежать нам, и в случае взыскания долга, имущество можем оставить за собой»¹⁵². Таким образом, даже в случае взыскания долга товарищество считало возможным оставить имущество комиссионеров за фирмой. Так фирмы расправлялись со своими должниками.

Наряду с пахтакешами — торговыми посредниками — были таразудары — весовщики хлопка на базарах. Помимо взвешивания они занимались оценкой хлопка, а также сбором пошлины за проданный сырец. По поручению покупателей таразудары подыскивали пахтакешей, раздавали им задатки. Посредничая между поку-

¹⁴⁹ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 1333, л. 50.

¹⁵⁰ Там же, д. 1341, л. 72—72 об.

¹⁵¹ ЦГА УзССР, ф. И-99, оп. 1, д. 84, л. 90.

¹⁵² Там же, л. 12.

пателем и продавцом, таразудары получали за свои услуги вознаграждения. Они были полными хозяевами базаров, в зависимости от которых находились как продавец, так и покупатель. Фирмы и заводчики, желая застраховаться от случайности, заранее обеспечивали себе возможность приобрести известное количество хлопка выдачей таразударам аванса. Те в свою очередь раздавали часть этой суммы непосредственным производителям в виде задатка при условии сдачи хлопка именно им и по установленной ими цене.

Скупкой хлопка в кишлаках занимались так называемые партионщики, которые, получая аванс у фирмы и располагая своими средствами, покупали у земледельцев хлопок в кишлаках, при этом непременно обвешивая их. Обвес и составлял заработок партионщика. На батмане (8 пуд.) хлопка «хорошие» партионщики зарабатывали два или более пуда хлопка. А поскольку после каждого частичного взвешивания они сваливали хлопок в общую кучу с прежде принятым протестующий против обвеса крестьянин не мог доказать свою правоту.

В Бухаре большую активность развили такие партионщики, как Садрадзе, Исакович, Лурье, Ноткин, Шальман, Левин, Цалкин, Епифанов и другие, которые при неутомимой деятельности и знании дела увеличивали свой капитал на 200—300%¹⁵³. Годовой оборот каждого из них в среднем составлял 30 тыс. руб.¹⁵⁴ Помимо перечисленных выше были такие крупные партионщики, как братья Сквирские, Вишняк, Хейфец, Цигельбаум, Каьпов, Мельников¹⁵⁵, отгружавшие из Бухары хлопок в Москву вагонами. Из местных партионщиков известны Мирза Мухитдин Мансуров¹⁵⁶ и Мирсалихов¹⁵⁷. Первый из них проявлял особенную активность. Так, в ноябре 1911 г. он продал через Азовский банк в Москву 20 вагонов хлопка.

Фирмы охотно покупали партионный хлопок, поскольку он обходился дешевле, чем покупка гузы самими фирмами¹⁵⁸. Да и партионщики старались всегда быс-

¹⁵³ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 1333, л. 43.

¹⁵⁴ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 1915, л. 3.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ ЦГА УзССР, ф. И-99, оп. 1, д. 143, л. 100.

¹⁵⁷ Там же, д. 98, л. 48.

¹⁵⁸ Там же, д. 84, л. 60.

трее продать свой товар, чтобы снова ринуться за покупками. Крупные банкиры Мансуров, Мирхикмет Мирсалихов и другие занимались также кредитованием хлопкоробов под большие проценты. Бухарские крестьяне подвергались двойной эксплуатации — как со стороны русской, так и местной буржуазии. Мирсалихов и Мансуров состояли более трех лет компаньонами Т-ва для торговли и промышленности в Средней Азии и Персии. Так, местный торгово-ростовщический капитал срашивался с русским монополистическим капиталом.

Деятельность более маневренных партионщиков шла в разрез с интересами русских фирм. Последние добиваются в сентябре 1911 г. принятия нового положения о торговле хлопком, по которому была запрещена кишлячная продажа сырца, а в декабре 1913 г. организуется синдикат в целях монополизации скупки хлопка фирмами.

Как указывалось выше, в связи с упадком хлопководства в ханстве в 1910—1912 гг. владельцы фирм, хлопкопромышленники, банки в целях подъема хлопководства начинают настаивать на организации мелкого кредита населению с предоставлением этой операции Бухарскому отделению Государственного банка под 6—8 и даже 10%. На совещании, организованном 14 апреля 1912 г.¹⁵⁹ под председательством Российского политического агента Сомова, указывалось на обнищание земледельческого населения ханства, в результате чего огромное количество земель не было засеяно, хлопкоробы предпочитали лучше наниматься в батраки, чем выращивать хлопок. Совещание также указало Бухарскому правительству на необходимость организации мелкого кредита. В случае отказа Бухарского правительства предполагалось привлечь к этому делу частные банки, но с поручительством Бухарского правительства за тех, кто будет брать эти кредиты. Совещание подчеркивало необходимость направить кредиты непосредственно в руки нуждающихся крестьян, не допуская каких бы то ни было посредников ни в лице бухарских чиновников, ни в лице банков. Для начала предполагалось ассигновать на эти цели 1 млн. руб., однако мелкий кредит нуждающемуся населению так и не был орга-

¹⁵⁹ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 368, л. 28.

низован. Банки боялись выдачи ссуд, поскольку основное земледельческое население ханства не имело достаточного имущества, под залог которого выдавались бы ссуды. Таким образом, проблема обеспечения крестьянина дешевым кредитом так и не была решена.

В девятысотых годах из среды среднеазиатской буржуазии выдвигаются крупные фирмы — Бр. Вадьяевы, Р. Ш. Потеляхов и т. д. Бр. Вадьяевы, например, владели 11 собственными и 20 арендованными хлопкоочистительными и маслобойными заводами.

Особенно бурную деятельность по скупке хлопка в Бухаре развил Р. Ш. Потеляхов. В 1912 г. он начал совместные операции с торговым домом Л. Кнопа и кредитовавшим его Московским купеческим банком. По договору, заключенному между Кнопом и Потеляховым на заготовительные сезоны 1912—1915 гг., банк кредитовал все их заготовки и продажи под задаточные и другие финансовые векселя до 3 млн. руб., и под хлопок-сырец в Средней Азии — до 2 млн. руб. По договору банк участвовал в половинной доле в прибылях и убытках от операции. Кредиты по операциям Кнопа с Потеляховым были увеличены в 1913 г. до 7 млн., а затем до 8 млн. руб.¹⁶⁰ В 1914 году Потеляхов ликвидирует свою фирму, а банк предоставляет ему кредит до 1 млн. руб., из которых 780 тыс. он обеспечил своей недвижимостью, а на 220 тыс. руб. продал банку более 70% паев Т-ва Потеляхова, стоивших по номиналу 1 100 тыс. руб.¹⁶¹ Р. Ш. Потеляхов не смог в указанный банком срок выкупить свои паи, которые перешли в собственность банка. Так Московский купеческий банк поглотил Т-во Потеляхова.

В 1912 г. Андреевское и Вадьяевское Т-ва объединяются с целью добиться господства на хлопковом рынке. Русско-Азиатский банк, скупивший акции Андреевского Т-ва и участвовавший в его деятельности, мог теперь через посредство Андреевского Т-ва влиять на Вадьяевых.

В связи с усилением позиции Вадьяевского Т-ва Русско-Азиатский банк принимает меры для ослабления

¹⁶⁰ Гиндин И. Ф. Московские банки в период империализма.— Исторические записки, 1956, № 58, с. 49.

¹⁶¹ Там же, с. 50.

опасного конкурента. С этой целью банк организует Русско-Азиатское хлопковое Т-во на паях на базе капитала И. Стахеева и Торгового дома Фатерсона и приглашает для участия в нем Т-во Вадьяевых. В итоге Т-во Вадьяевых в 1917 г. вынуждено было подчиниться Русско-Азиатскому банку. Последний сумел завоевать в ханстве довольно прочное положение, глубоко пустив корни в экономику ханства, захватив торговлю основным богатством ханства — хлопком и его продуктами. Банк сумел подчинить своему контролю богатые и влиятельные Андреевское, Потеляховское, Вадьяевское Т-ва.

Конкурентная борьба в период империализма ведет к дальнейшему объединению различных фирм. Так, в 1913 г. несколько торгово-промышленных товариществ объединяются в хлопко-маслобойное товарищество Беш-Бош. Это монополистическое объединение распоряжалось 29 хлопкоочистительными и маслобойными заводами. В кредитовании «Беш-Бош» важную роль играл Московский купеческий банк.

В 1914 г. было заключено соглашение Московского купеческого банка с товариществом Большой Ярославской мануфактуры и торговым домом Швецова на производство совместных действий по покупке и продаже хлопка. Этот же банк финансировал общество «Хлопок», торговый дом Шлосберга и т. д.

Включаясь в операции с хлопком Российские банки привносили методы крупнокапиталистической организации, закрепляя колониальные методы эксплуатации. Московский купеческий банк организует собственную фирму — Московское купеческое Т-во, которому был открыт кредит в 2 млн. руб., впоследствии увеличенный до 6 млн. Некоторые банки не имели вообще филиалов, но активно участвовали в хлопковых операциях в Средней Азии с помощью организованных ими товариществ. Так, Московский торговый банк принимал участие в скупке и продаже хлопка через посредство созданного им Московского торгово-промышленного Т-ва, открыв ему кредит до 4—6 млн. руб.¹⁶²

В целях координации деятельности многочисленных отделений русских фирм, заводов и банков в 1915 г. происходит объединение их в Биржу, которая должна была

¹⁶² Там же, с. 52.

устранить стесняющие торговлю обстоятельства и разработать условия развития более успешной торговли как местными, так и русскими товарами¹⁶³.

Увеличение масштабов деятельности русских фирм и банков способствовало объединению местных фирм. Так, в Бухаре было открыто Общество мануфактурной торговли под названием «Магазин»¹⁶⁴. Это было объединение местной буржуазии, ставившее целью вытеснить с бухарского рынка русские фирмы, создав им конкуренцию, и захватить всю торговлю в свои руки. В правление «Магазина» входило восемь пайщиков. Объединение разработало обширную программу действий — избавить население ханства от разорения, централизовать местный капитал, обогащать казну ханства. Однако в условиях господства русского монополистического капитала решить эти задачи было, конечно, очень трудно.

В 1916 г. крупные партионщики-бухарцы во главе с Мансуровым объединяются для скупки и продажи хлопка¹⁶⁵. Бухарское правительство, поощряя действия национальной буржуазии, неограниченно субсидирует их, предоставляя им возможность очищать хлопок на заводах Бухарского правительства, обещая взимать плату за очистку по себестоимости.

Отдельные монополистические отделения (например, концерн И. Стахеев и К^о), не ограничиваясь участием в хлопковых операциях, а также в промышленности, начинают заниматься скупкой земель и их орошением для выращивания хлопчатника, строить новые заводы, приобретать в текстильных центрах страны уже действующие заводы и фабрики. Осенью 1916 г. И. Стахеев предлагает Бухарскому правительству предоставить ему право заниматься в ханстве развитием «полезных отраслей промышленности, торговли и благоустройством»¹⁶⁶. И. Стахеев, и эмир бухарский вложили в дело по 2,5 млн. руб. каждый. Приобретая контрольный пакет акции общества Бухарской железной дороги, И. Стахеев получает возможность активно вмешиваться в экономику ханства. С целью проведения хлопковых операций этот кон-

¹⁶³ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 2, д. 461, л. 135.

¹⁶⁴ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 252, л. 3—3 об.

¹⁶⁵ ЦГА УзССР, ф. И-99, оп. 1, д. 143, л. 100.

¹⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 14, д. 766, л. 6.

церн в 1917 г. организует в Бухаре Русско-Бухарское торгово-промышленное общество для финансирования бухарских предприятий концерна. Впоследствии это общество было преобразовано в банк, на ссудные операции которого было ассигновано 5 млн. руб.

Концерн был настолько могущественным, что смог в 1917 г. захватить в свои руки Соединенный банк. Свободная конкуренция с такими объединениями становилась практически невозможной.

Таким образом, в период империализма банки вырастают в монополистические объединения, которые посредством кредитов подчиняют своему контролю весь процесс производства хлопка. Банковские кредиты, являясь по существу ростовщическими, способствуют ухудшению положения бухарского народа. Подчинив своему влиянию торгующие фирмы и хлопкозаводчиков, банки через посредство различных своих организаций начинают непосредственно включаться в торговлю хлопком, получая колоссальные доходы, максимально эксплуатируя задавленное и без того налоговым бременем население Бухарского ханства.

Состояние торговли

Бухара была одним из крупнейших торговых центров Средней Азии. Она торговала с соседними ханствами, с Россией, а также с Афганистаном, Индией, Кашгаром и т. д.

Несмотря на огромные степные пространства, отделявшие Бухару от России, торговые обороты между ними росли, причем в основном за счет вывоза из Бухары. Торговлю как бухарскими, так и русскими товарами осуществляли преимущественно бухарские купцы.

В связи с развитием капиталистических отношений в России нарождающаяся русская буржуазия стала проявлять все больший интерес к Средней Азии как источнику сырья и рынку сбыта своей продукции. Товарооборот между Россией и ханством растет.

Политика покровительства торговли способствовала увеличению вывоза товаров, и в первую очередь хлопка-сырца, спрос на который в России значительно возрос в связи с войной, а также уменьшением вывоза из

США. В 1862—1864 гг. поставки американского хлопка в Европу сократились почти в десять раз¹⁶⁷.

Стремление русской буржуазии к монопольному владению среднеазиатским рынком приводит к окончательному вытеснению иностранных, и в частности, английских товаров.

В 1881 г. было запрещено ввозить в Туркестан иностранные товары, кроме индийского чая и краски индиго, которые Россия не производила, а также английской кисеи, используемой мусульманами на чалмы. Ввоз этих товаров допускался с обложением их высокими пошлинами. Русские фабриканты начинают осваивать выпуск кисеи, но на первых порах она была хуже по качеству и дороже английской, и только к 90 годам начинает успешно конкурировать с английской кисеей¹⁶⁸.

Сокращение иностранного ввоза в Бухару сопровождалось ростом ассортимента товаров из России. Уже в 1887 г. Российский политический агент Н. В. Чарыков писал, что «...Бухара может вполне считаться русским рынком, так как иноземные товары туда почти не проникают»¹⁶⁹.

Большую роль в усилении товарооборота России с ханством играли открывшиеся в Бухаре русские фирмы. Из них наиболее крупными были Т-ва Большой Ярославской мануфактуры Бр. Корзинкиных и Среднеазиатское т-во Н. Кудрин и К^о. Фирмы, занимавшиеся торговлей со Средней Азией, быстро богатели. Так, Т-во Большой Ярославской мануфактуры в первый период своей деятельности занималось лишь скупкой хлопка. В 1884 г. только в Бухаре было куплено до 100 тыс. пуд. местного хлопка, а в 1889 г. — 240 тыс. пуд.¹⁷⁰ В дальнейшем деятельность этой фирмы расширяется.

Значительно меньшим по масштабам деятельности было Среднеазиатское Т-во Н. Кудрин и К^о, организованное в г. Оренбурге в 1884 г. с основным капиталом в 400 тыс. руб. Пайщиками этого Т-ва были известные русские заводчики и фабриканты — Морозовы, Кузне-

¹⁶⁷ Ниалов А., Халфин Н. Туркестанский хлопок и американские миллионы. — «Звезда Востока», 1963, № 3, с. 104.

¹⁶⁸ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 580, л. 25.

¹⁶⁹ Там же, оп. 34, д. 675, л. 60.

¹⁷⁰ Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане. Ташкент, 1969, с. 107.

цов, Зимин, Мальцев, Н. Коншин и другие — всего 59 фирм и торговых домов¹⁷¹. Это товарищество открыло склады в Ташкенте, Коканде, Бухаре, Чарджоу, Мерве, Асхабаде, Кучане и Мешхеде. Капитал товарищества постепенно увеличился до 1 млн. руб., а по мере развития его деятельности — удвоился. В 1886 г. товарищество продало в Средней Азии русских товаров на 2 млн. руб. и приобрело там товаров на ту же сумму¹⁷². Необходимо подчеркнуть явно торговый характер этих фирм, так как основной капитал они пускали в торговый оборот по скупке сырья.

Наряду с русскими фирмами торговой деятельностью в Бухаре занимались также афганские, индийские и другие фирмы, а также бухарские купцы. Известных бухарских торговцев было до ста человек, из них человек десять имели капиталы до 100 тыс. руб. и выше. Это миллионеры Миркамал, Мирхикмет Мирсалихов, караванбаши Азизов, Лятифходжа, Касымходжаев, Джурабек Арабов, Мирмухитдин Мансуров, Назруллабай Якубаев и другие.

Местная буржуазия формировалась прежде всего из числа торговцев хлопком, разбогатевших таразударов, пахтакешей, партионщиков и т. д. Это была торгово-ростовщическая буржуазия. Русская буржуазия не могла обойтись без местной, которая хорошо знала местные условия и особенности бухарского рынка. Значение местных буржуа в этой связи начинает усиливаться. Так же, как русские фирмы, они раздавали ссуды хлопкоробам и подвергали их эксплуатации.

Большинство местных купцов, даже крупных, кредитовалось как в Бухаре, так и в России.

В Бухаре главным источником кредита являлись саррафы (менялы-ростовщики) из бухарцев и индусов, во главе которых стоял некто Мирзахурд, имеющий до 500 тыс. наличного капитала. Ссуды выдавались под залог недвижимости или под расписку на проценты, которые взимались ежемесячно в размере 7—15 тенег со 100 бухарских тилля (курс которой колебался от 20 до 28 бухарских танга)¹⁷³. Оптовые бухарские торговцы в

России забирали товар в кредит, тем более, что русские торговые фирмы открывали им кредит весьма охотно и широко. Срок кредита составлял от трех до восьми, а порой и 12 месяцев, причем погашение ссуды начиналось со второй половины срока. На наличные деньги приобретались только дефицитные товары. В этом проявляется одна из характерных для купеческого торгового капитала черт, когда торговля велась преимущественно на заемные оборотные средства.

К 1887 г. Бухарское ханство вывозило до 900 тыс. пуд. хлопка, 20 тыс. пуд. сухих фруктов, 750 тыс. штук каракуля, бараньи кишки до 800 тыс. шт., 6 тыс. пуд. шелка и шелковых изделий, до 20 тыс. пуд. пряжи, 100 тыс. кип набойки и маты, до 10 тыс. халатов из разных материй, ковры на сумму до 45 тыс. руб.¹⁷⁴

Из России ввозились в Бухару мануфактурные товары около 22 тыс. кип, железо и металлические изделия до 237 тыс. пуд., сахар, леденцы и конфеты 100 тыс. пуд., фарфоровая посуда 26 тыс. пуд., кожа черная до 7 тыс. пуд. и т. д.

В связи с ростом посевных площадей под хлопчатник и сокращением под зерновые Бухара стала нуждаться в привозном хлебе, рисе. В 1890 г. в ханство было ввезено 2 700 тыс. пуд. хлеба, 600 тыс. пуд. зерна. В 1891—1893 гг. Бухара вывозила в Российскую империю и другие страны товары на 14 млн. руб., а ввозила — на 15 млн.¹⁷⁵

Строительство Закаспийской железной дороги, как уже указывалось выше, сыграло огромную роль в усилении торговых взаимоотношений Бухары с Россией. Товарооборот между ними резко возрастает. Если ранее из Бухары отправлялись в Россию один или два каравана в год, а стоимость фрахта достигала 3 руб. за один пуд, то с проведением железной дороги товары из Бухары в Нижний Новгород или Москву стали прибывать за 20—40 дней, стоимость же провоза одного пуда груза со страховкой составляла 70 коп., т. е. грузы стали перевозиться во много раз быстрее и дешевле¹⁷⁶.

¹⁷⁴ Там же, л. 2 об.

¹⁷⁵ Тухтаметов Г. Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX — начале XX в. Ташкент, 1966, с. 87.

¹⁷⁶ Губаревич-Радобильский А. Бухара и Тунис. Спб., 1905, л. 91.

¹⁷¹ ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 263/916 а, д. 161, л. 2.

¹⁷² Там же, л. 7.

¹⁷³ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 504, л. 5 об.

О росте товарооборота между Россией и Бухарой свидетельствуют следующие данные, пуд.¹⁷⁷:

	1887 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.
Ввоз	754 600	1845 839	2119 862	2480 277
Вывоз	1214 400	805 676	1841 178	—

После проведения железной дороги ввоз в ханство к 1891 г. увеличивается в три и более раза. С развитием торговли и ростом товарно-денежного обращения в ханстве усиливается специализация отдельных городов на торговле определенными видами товаров. Так, Бухара становится монопольным пунктом по продаже каракуля, чая и российских товаров, Гузар — центром скототорговли, Карши, Ширабад и Гузар специализируются на продаже хлеба, торговля с Восточной Бухарой сосредотачивается в Карши.

Особенно быстро начинает возрастать товарооборот с Россией после включения Бухары в единую таможенную черту с империей в 1895 г., когда Бухара вслед за политической теряет и экономическую самостоятельность, став внутренним рынком России и превратившись в сырьевой придаток метрополии, выгодный рынок сбыта русских промышленных товаров.

Русские товары из Бухары распространялись по Восточным странам; и в первую очередь в Афганистан. Н. В. Чарыков в 80-е годы XIX в. писал: «...Из 4 000 верблюдов с товарами, которые ежегодно прибывают в Бухару из России, только $\frac{1}{3}$ остается в Бухаре, а $\frac{2}{3}$ по перепродаже отправляются дальше в разные страны»¹⁷⁸.

Особенно прочными были торговые связи Бухары с северными районами Афганистана — Чарвилайетом. Отсюда в Бухару вывозились каракуль, скот, шерсть, лисьи, бараньи, козьи шкуры, ковры, ляпис-лазурь, гуза, кишмиш, миндаль, фисташки, краски, опий и т. д. Через Афганистан ввозились в Бухару также англо-индийские товары: зеленый чай, индиго, кисея, лекарственные товары¹⁷⁹. Из Бухары в Афганистан, помимо бухарских, поступали также русские товары — фабричные ткани, сахар, чугунные котлы, медь, стальные изделия, сунду-

¹⁷⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 29, д. 27, л. 62; оп. 34, д. 525, л. 31; ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 263/916 а, д. 1485, л. 24 об.

¹⁷⁸ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 675, л. 114.

¹⁷⁹ Там же.

ки, фарфоровая посуда и т. д. Недаром, Н. В. Чарыков писал, что «русские товары распространяются из Бухары, как из центра вглубь Азии, в местности, куда русские торговцы сами еще не проникают, и в особенности, в Северный Афганистан и даже в Кабул...»¹⁸⁰. Товарообмен между Бухарой и Афганистаном был довольно оживленный, он занимал одно из главных мест в товарообороте Бухары. Бухарский кушбеги докладывал эмиру, что ежегодно из Афганистана прибывают товары на 6 тыс. верблюдах¹⁸¹. Однако по ряду причин, в частности в связи с внутривосточными осложнениями в самом Афганистане, протекционистской торговой политикой афганского эмира Абдурахман-хана, а также памирским разграничением, по времени совпавшим с организацией русских таможен на бухарско-афганской границе, товарооборот Бухары с Афганистаном начинает сокращаться.

Политический агент в Бухаре в 1912 г. писал бухарскому кушбеги Насрулла бию: «...Большие государства ведут войны, чтобы завоевать рынок для торговли, а у Бухары без войны начинает пропадать богатый афганский рынок...»¹⁸².

Другим торговым партнером Бухары в Восточных странах была Индия. Торговые отношения между ними существовали не одно столетие.

Главными предметами ввоза были: чай — не только индийский, но и китайский, индиго; английская мануфактура — кисея, миткаль, шали амбарсари и кашмирские, индийская парча, москательные товары. За три десятилетия XIX в. (60—80-е годы) Индия послала в Бухару: зеленого чая — до 112 тыс. пуд., индиго — до 23 тыс., кисеи — до 20 тыс. пуд.¹⁸³

В 1886 г. из Индии было привезено в Бухару 8 тыс. верблюдов с товарами. Бухара ввозила из Индии товаров на 5 475 тыс. руб.¹⁸⁴, а вывозила только на 427 тыс. руб.¹⁸⁵.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1029, л. 1.

¹⁸² ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 2, д. 569 а, л. 18.

¹⁸³ Ремез И. А. Внешняя торговля Бухары, с. 17.

¹⁸⁴ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 504, л. 2 об.

¹⁸⁵ Там же, л. 3 об.

Постоянно проживавших торговцев из Индии с капиталом от 10 до 500 тыс. руб. насчитывалось в Бухаре до 10 человек. Причем, некоторые из них, помимо собственных торговых операций, вели дела двух-трех крупных индийских фирм¹⁸⁶.

До 1895 г., когда Бухара была включена в единую с Россией таможенную черту, ежегодно из Индии в Бухару поступало товара на 4—5 млн. руб.¹⁸⁷

Потеряв вслед за политической самостоятельностью и экономическую, Бухара теряет такие богатейшие рынки, как Афганистан, Индия и другие. Попытки русской буржуазии сохранить афганский рынок прежде всего для России через посредство Бухары не имели успеха. Бухара превращается в рынок сбыта русских товаров.

В начале XX в. торговые взаимоотношения между Бухарой и Россией приобретают еще больший размах. Большое влияние на развитие торговли оказало проникновение в нее капиталов.

Одним из основных богатств Бухары являлся хлопок, производство которого возрастало, соответственно расширялась и торговля, о размерах которой свидетельствуют операции транспортных контор за 1912 г.¹⁸⁸:

	Ввезено		Вывезено,		
	пуд. хлопка	руб.	пуд. хлопка	руб.	
Восточным обществом	17 640 044	4 693 292	562	952	6 803 030
Российским обществом	161 969	4 498 608	101	365	6 803 030
„Кавказ и Меркурий“	212 008	4 893 508	441	503	11 406 885

После 1909 г. в бухарском хлопководстве наступает упадок, сбор хлопка уменьшается¹⁸⁹. В связи с этим некоторые хлопкоочистительные заводы оставались без сырья, работали в одну смену или совсем закрывались¹⁹⁰.

Сокращение производства хлопка не могло не затрагивать интересов хлопкоотрабатывающих фирм, заводчиков и банков, их кредитовавших. В сентябре 1911 г. на совещании под председательством политического агента

¹⁸⁶ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 1341, л. 11.

¹⁸⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 504, л. 3 об.

¹⁸⁸ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 12, д. 1915, л. 2—2 об.

¹⁸⁹ Там же, оп. 1, д. 563, л. 38.

¹⁹⁰ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 1372, л. 17—18.

представители заинтересованных фирм, заводов и банков с участием представителей местной буржуазии выработали новое положение о торговле хлопком, которое было затем согласовано с бухарским правительством. Для упорядочения торговли хлопком принимается решение запретить его продажу в кишлаках и разрешить реализацию только на базарах, а также запретить уже вторично раздачу аванса — бунака, закабаляющего хлопкороба. Вместо существующих 70 хлопковых базаров, собирающихся один-два раза в неделю, было решено продавать хлопок на 25 крупных базарах, которые должны были проводить торговые операции ежедневно¹⁹¹. В дальнейшем количество базаров было увеличено до 33¹⁹². Интересно, что для разрешения открытия нового базара или переноса его в другой пункт Бухарское правительство обращалось со специальным ходатайством в Российское политическое агентство. Так, 2 июля 1912 г. бухарский кушбеги просил политическое агентство разрешить по просьбе жителей перенести Шурчинский базар на Пешковский базар¹⁹³. Таким образом, бухарское правительство, окончательно потеряв свою самостоятельность, не могло решать даже такие мелкие вопросы.

Хлопкоробам разрешалось везти хлопок для продажи только на указанный им базар, относящийся к данному району. На больших базарах, куда привозилось много хлопка, цены были ниже, чем на маленьких. Бухарскому правительству было предложено выписать русские весы и гири. Было выписано вначале 125, затем в связи с потребностью еще 25 весов¹⁹⁴. Кроме того, фирмам разрешалось иметь на базарах для контроля свои весы. Взвешивать хлопок можно было только на казенных весах. Мера веса оставалась старая — дунимсирами (по 20 фунтов, или полпуда). Она устраивала покупателей, поскольку при взвешивании небольшого количества хлопка можно было определить его качество.

В октябре 1914 г. Российское политическое агентство обратилось к бухарскому правительству с предложением упорядочить даты определения размера налога на хлопок. При несвоевременной уборке урожая хлопок

¹⁹¹ ЦГА УзССР, ф. И-99, оп. 1, д. 84, л. 34.

¹⁹² ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 368, л. 28—29.

¹⁹³ Там же, л. 83.

¹⁹⁴ Там же, л. 163.

засорялся, портился от мороза и дождей. К кому же поздняя уборка производилась без всякой сортировки, и производители хлопка не могли продавать урожай по более дорогой цене. Сортность семян при поздней уборке также снижалась. В связи с этим было решено просить эмира оканчивать определение налога к 15 сентября, не допуская перезревания и порчи хлопчатника. Особенно острой эта проблема была в Зарафшанской долине, где высевались главным образом американские сорта хлопчатника, который надо было собирать по мере созревания¹⁹⁵.

Бухарскому правительству было предложено также упорядочить пути сообщения к базарам, исправить дороги, мосты и мостики, а также построить новые мосты через Зарафшан в Зирабулаке и Гиждуване.

В отношении таразударов было решено подчинить их непосредственно Бухарскому правительству, которое платило бы им определенное содержание, поскольку ранее практиковавшееся назначение таразударов арендаторами базаров ставило их в зависимость от последних.

В связи с запрещением раздачи аванса и продажи хлопка в кишлаках, а также организацией базарной торговли, П. Ф. Жирнов сообщал в Главную контору: «...у всех приказчиков теперь имеются таразудары и другие базарные люди, с которыми можно работать без особого страха конкуренции»¹⁹⁶. Следовательно, в данном случае фирма нашла пути к таразударам и всем тем, кто работал на ее пользу. Для покупки хлопка у Т-ва Большой Ярославской мануфактуры имелись приказчики и постоянные комиссионеры в кишлаках — партионщики.

Перечисленные меры упорядочили торговлю хлопком. В 1913 г. вывоз хлопка из ханства составил 1 233 тыс. пуд., а в 1915 г. он достиг уже 3 364 586 пуд.¹⁹⁷ Наряду с хлопком Бухара продавала и семена хлопчатника в количестве до 93 тыс. пуд. на сумму 159 тыс. руб.¹⁹⁸, а также жмых, импортируемый за границу.

При продаже хлопка наиболее сложными были вопросы его качества. В восьмидесятые и девяностые годы про-

¹⁹⁵ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 368, л. 109.

¹⁹⁶ ЦГА УзССР, ф. И-99, оп. 1, д. 84, л. 192.

¹⁹⁷ ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, 262/916 а, д. 161, л. 1.

¹⁹⁸ Ремец И. А. Указ. соч., с. 61.

шлого века порча хлопка приняла большие размеры. Сырец смешивали с отделенными от него семенами или еще хуже — солью, молоком, истолченным алебастром и т. д., вследствие чего товар был совершенно непригодным. Назначенный в 1892 г. хлопковый инспектор в сопровождении чиновника от Бухарского правительства посещал базары и следил за качеством продаваемого товара. В 1894 г. по ходатайству фирм и на их средства был назначен второй, а затем и третий хлопковые инспектора. В результате принятых мер процент порчи уменьшился, и в 1906 г. институт хлопковых инспекторов был отменен. Однако качество продаваемого сырца оставляло желать много лучшего. Еще в начале XX в. отмечались случаи, когда виновных в порче хлопка продавцов тут же на базаре по приговору местного казая наказывали плетью, но это не особенно помогало, поскольку и на плохой хлопок всегда находились покупатели. Это прежде всего перекупщики, которые старались как можно больше и подешевле купить хлопок, а продать можно было всегда, выждав удобный момент, да и с большой выгодой. Испорченный хлопок покупали также владельцы фабрик и местные жители.

Бухарский хлопковый рынок находился под неослабным контролем фирм. Управляющие бухарских контор постоянно докладывали своим главным конторам об изменении конъюнктуры рынка. По докладам управляющего бухарским отделением товарищества Большой Ярославской мануфактуры П. Ф. Жирнова в главную контору в Средней Азии мы можем составить подробную характеристику хлопкового рынка, который находился в руках крупных фирм. Так, в сезон 1908 г. особенно большие покупки производила фирма Познанских и Шлосберг. Кроме старых бухарских фирм стал покупать хлопок в Бухаре Р. Ш. Потеляхов¹⁹⁹. В июле 1910 г. Я. К. Вадьяев и Р. Ш. Потеляхов заторговали у крупных партионщиков Хейфеца, братьев Сквирских, Берлянта 130 вагонов местного хлопка со сдачей в течение пяти месяцев ежемесячно по пяти вагонов, по той цене, какая будет на день сдачи²⁰⁰. Задаток выдали по 2 500 руб. на каждый вагон. В августе того же 1910 г. П. Ф.

¹⁹⁹ ЦГА УзССР, ф. И-99, оп. 1, д. 52, л. 56 об.

²⁰⁰ Там же, д. 70, л. 27.

Жирнов жаловался на конкурентов Вадьяевых, Потеляховых и Крафта, которые своими сделками с партионщиками немало навредили товариществу в покупке партионного товара²⁰¹.

Любопытно указание П. Ф. Жирнова о партионщиках, которые продавали хлопок в обход банков. Так, Поляк и Хейфец продали хлопок в Москву С. Морозову, Л. Н. Левину, Н. Н. Коншину²⁰². В 1911 г. Мансуров усиленно покупал сырец для Азовско-Донского банка. Он же отправил через этот банк в Москву на фабрику Н. Н. Коншина 20 вагонов хлопка²⁰³. Я. Х. Вадьяев и Русско-Китайский банк продали в апреле и июле 100 вагонов хлопка²⁰⁴. В 1912 г. самую крупную покупку организывает Мансуров. «Как видно из громадного кредита, — пишет в своем докладе П. Ф. Жирнов, — он покупает для Русского для внешней торговли банка. Вторым за ним идет Мирсалихов, покупавший для Русско-Азиатского банка»²⁰⁵. Усиленно приобретали хлопок также партионщики Берлянт, Л. Н. Левин и Шлосберг.

Торговые сделки на базарах происходили через посредство маклеров, пользовавшихся на базарах большим авторитетом у продавцов и покупателей. Ни одна покупка на базарах не обходилась без их участия. С мнением маклеров считались и покупатели, и продавцы.

Многочисленные отделения русских хлопкоотрабатывающих фирм и заводы, открывавшиеся в ханстве, нуждались в сырье, спрос на который превышал привоз. Конкурентная борьба между ними за сырье приводит к их объединению. Владельцы хлопкоочистительных заводов Бухары делают попытку объединиться с целью монополизации всей скупки сырья. На заседании владельцев заводов 14 декабря 1913 г. они договариваются об организации синдиката. Участники синдиката решили скупать весь наличный урожай и делить его между заводами: Т-ву Большой Ярославской мануфактуры — 10%, Познанских — 10, Бухарского правительства — 12, Чуркина и Мухитдинова — 13, Л. Н. Левина — 9, Ш. Ш. Двоскина — 9, М. Г. Флаксмана — 10, В. И. Лев и П. И.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же, д. 84, л. 60—61.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ ЦГА УзССР, ф. И-99, оп. 1, д. 98, л. 59.

Поляка — 10, Зирабулакскому заводу Бухарского правительства — 8%²⁰⁶. К этому синдикату решено было привлечь и Чарджуйские заводы для монополизации всей скупки сырья по ханству. Таким образом, в хлопководстве появляются первые объединения монополистического характера.

В самом начале первой мировой войны в связи с закрытием европейской границы по случаю военных действий усиливается спрос на хлопок, что ведет к повышению цен на него. В 1915 г. учреждается «Комитет по обеспечению сырьем хлопчатобумажных фабрик» для снабжения сырьем промышленности метрополии. Царское правительство вводит норму цен на хлопковое волокно, что сильно ударило по интересам хлопкоробов, но отвечало интересам буржуазии. Нормирование цен принесло неслыханное обогащение хлопкоотрабатывающим и владельцам заводов. Прибыль фирм и банков от реализации на «свободном» рынке составила 700 тыс. пуд. хлопка (30—35 млн. руб.)²⁰⁷. В ходе войны спрос на хлопок уменьшается, что вызывает резкое падение хлопководства. Этому способствовал также наступивший голод, вынуждавший засеять хлопковые поля зерновыми. Наряду с хлопком-сырцом продавалось хлопковое семя как местному населению, так и большими партиями маслособойщикам. Семена продавались главным образом хлопкозаводчиками или фирмами, имевшими свои заводы. Фирмы и заводы, спекулируя семенами, выжидали удобное время, чтобы распродать их по более высоким ценам.

Бухарские хлопкоробы, не имевшие свободных оборотных средств для ведения хлопководства, могли купить семена для посева только после получения ссуд или «вывернувшись» каким-либо путем, обычно в самый последний момент и, следовательно, по более высокой цене²⁰⁸.

Большим спросом пользовался бухарский каракуль, являющийся после хлопка важнейшим предметом торговли. В начале XX в. из Бухары вывозилось до 1 500 тыс. шт. шкур, или 30 тыс. пудов. В 1909 г. экспорт

²⁰⁶ Там же, д. 113, л. 84.

²⁰⁷ Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане, с. 243.

²⁰⁸ ЦГА УзССР, ф. И-99, оп. 1, д. 45, л. 198.

составил 1 800 тыс.²⁰⁹, а в 1912 г. — 2 млн. шт.²¹⁰ Торговые обороты каракулем были довольно значительные. Так, если считать в среднем шкурку по 9,5 руб.²¹¹, доходы от торговли каракулем составляли 19 млн. руб.

Центром торговли каракулем была Бухара, куда съезжались как бухарские купцы, продававшие каракуль на Нижегородской ярмарке, в Москве, так и московские торговцы-красильщики, кутаисские торговцы мехами, представители фирм, как, например, «Акционерное общество Каракуль» и т. д. Были в Бухаре и представители иностранных, главным образом немецких, фирм, вывозивших каракуль в Лейпциг.

Торговала Бухара и шерстью, главным образом овечьей и верблюжьей. Несмотря на то, что бухарская шерсть была грубой, она имела спрос, хотя ценилась невысоко. Спрос на бухарскую шерсть увеличивается в период первой империалистической войны. Так, если в 1898 г. было вывезено 158 тыс. пуд., то в 1915 г. 271 300 пуд. шерсти²¹².

Экспортировало ханство овчину для выделки тулупов, пользовавшуюся большим спросом в России. Вывозилось до 24 тыс. пуд. овчины на 203 тыс. руб.²¹³

Был налажен также экспорт различных кож, в том числе и «меша» — козлиных полувыведанных шкур, вывозившихся почти всей массой в Москву.

Экспорт изделий из бухарской шерсти, в частности ковров, продолжал возрастать. Бухарские ковры, особенно вытканые руками туркменских женщин, пользовались большим спросом как в России, куда вывозилось до 2,5 тыс. пуд. на 250 тыс. руб.²¹⁴, так и в Европе.

Богатый бухарский рынок не раз привлекал иностранцев. В начале XX в. несколько немецких фирм приобрели в ханстве около 100 тыс. шт.²¹⁵ каракулевых шкурок и вывезли непосредственно за границу. Парижский торговый дом Revillon Freres через своих приказчиков Бюдро, Бло, Забея приобрел такое же количество шку-

²⁰⁹ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 251, л. 112.

²¹⁰ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 1915, л. 3.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же, л. 2.

²¹³ Ремез И. А. Указ. соч., с. 65.

²¹⁴ Ремез И. А. Указ. соч., с. 65.

²¹⁵ Там же.

рок, преимущественно в районах Карши, непосредственно скупая из первых рук. Заключив торговые связи с бухарскими овцеводами, они сообщали за границу, что отныне будут продавать каракуль на 3% дешевле прежнего. Узнав об этом, иностранные предприниматели воздержались от покупки каракуля в Москве и Нижнем Новгороде. В результате огромная партия каракуля, около 5 200 кип стоимостью более 7 млн. руб., осталась непроданной, так как иностранцы ожидали падения цен. По их расчетам, покупая каракуль в Бухаре, они выгадывали 10%, т. е. 5 руб. на 10 штук²¹⁶.

Появление на рынке каракуля нового убоя должно было обесценить оставшийся непроданный каракуль. В связи с созданным положением русские фирмы и банки, связанные с Бухарой торговлей каракулем, а также крупные бухарские торговцы обращаются в Российское Министерство торговли с просьбой поддержать их ходатайство перед эмиром Бухары об отсрочке до августа следующего года времени убоя каракульских барашков, которые должны были родиться в феврале-марте. Занявшись о своих выгодах и интересах, торговцы каракулем совершенно не задумывались о судьбах рядовых скотоводов, которые жили на доходы от продажи новых шкурок. Отказ от весеннего убоя двухнедельного ягненка означал отказ от каракулевой шкурки.

В связи с изменениями в торговле каракулем в сентябре 1905 г. было собрано специальное совещание в Москве при участии Российского политического агента и представителей заинтересованных в торговле каракулем русских фирм. Совещание констатировало, что иностранные коммерсанты могут привлечь на свою сторону поставщиков каракуля путем раздачи бунака и обеспечить за собой на несколько лет вперед бухарский рынок, что повлечет прекращение посреднической миссии России в продаже этого товара и тех доходов, которые получала Россия от сортировки и окраски каракуля. Совещание предложило для борьбы с непосредственным вывозом каракуля из Бухары ввести казенных маклеров, сосредоточив всю торговлю каракулем в г. Бухаре²¹⁷.

²¹⁶ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 1365, л. 91, 47, 153.

²¹⁷ Там же, л. 84.

Бухарские купцы, торговавшие каракулем, обращаются к Бухарскому правительству с просьбой оградить их интересы от иностранных фирм Торер, Килин, Рейхенштейн, направивших своих представителей для скупки каракуля, и ввести для иностранцев дополнительный налог. В связи с созданным положением Министерство финансов по согласованию с Бухарским правительством решило обложить дополнительной пошлиной каракулевый товар, следующий из Бухары непосредственно за рубежи России, минуя Москву и Нижний Новгород, в размере 5 руб. за каждые 10 шт.

Обеспокоенное возможностью захвата бухарского рынка иностранцами, Бухарское правительство утверждает на каракулевом рынке двадцать казенных маклеров, без посредничества которых покупки каракуля не совершались. Наблюдение за маклерами было поручено особому лицу — аксакалу, находившемуся постоянно на базаре. Бухарские торговцы по соглашению с русскими промышленниками скупали каракуль по мере поступления его на рынок. Таким образом, бухарские купцы предотвращали случайную продажу каракуля иностранцам. Кроме того, взыскивать налог должны были бухарские закятчи в Бухаре²¹⁸.

Бухарское правительство надеялось путем введения дополнительного налога на каракуль если не приостановить, то хотя бы значительно сократить вывоз каракуля непосредственно за границу, но иностранцы стали искать обходные пути. Так, скупкой каракуля для немецкого торгового дома «Торер» стал заниматься доверенный бухарского отделения фирмы Дюршмидта Воронов²¹⁹. Действиями иностранцев объясняется также инцидент, который произошел 12 мая 1914 г.²²⁰ в большом сарае в Бухаре, где производилась продажа каракуля. Маклеры, поддерживаемые продавцами шкурок, не давали бухарским купцам хороший товар, а продавали его европейцам или русским. В результате завязалась драка между бухарскими купцами и маклерами, во время которой один из маклеров был ранен. После этого маклеры устроили забастовку и заперли свои лавки. Кушбеги, напуганный происшедшим, не смог разобраться и

²¹⁸ Там же, л. 104.

²¹⁹ Там же, л. 53.

²²⁰ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 2, д. 101, л. 144.

передал дело казы каляну. Маклерам было выгоднее продавать иностранцам, которые платили, видимо, больше. Так, несмотря на противодействия как русского, так и Бухарского правительства, продолжалась продажа каракуля иностранцам, хотя и в ограниченных количествах.

Наряду с каракулем иностранцы скупали и бухарскую шерсть. Представитель английской фирмы «Reichardt Wgo». Рейхардт занимался в Бухаре скупкой шерсти в течение 12 лет имел в ханстве 12 агентов для закупки, и один из них, русскоподданный, занимался скупкой шерсти в Керки. Эта фирма вывозила из Бухары 80—90 тыс. пуд. шерсти в год, предварительно очистив ее в Чарджоу и в Бухаре. Скупал шерсть в Чарджоу также английский подданный Эрнест Паркинсон²²¹.

Помимо английской фирмы скупкой шерсти в ханстве занималась русская фирма — торговый дом Стуken и К⁰, которая всю купленную в Бухаре шерсть отправляла за границу. Главное правление этого торгового дома находилось в Москве, среди пайщиков были немецкоподданные. Представители торгового дома действовали весьма энергично и, видимо, подкупали местных чиновников. В 1915 г. афганские купцы, продавцы шерсти обратились к Российскому политическому агенту с жалобой на сборщика пошлины аминана на базаре Керки Нуритдина Караулбека, без их согласия продавшего торговому дому Стуken и К⁰ привезенную ими шерсть и уже проданную через маклера симбирскому фабриканту Кузнецову Афганские купцы Сейид Абдушукур, Мухаммад Хусеин, Мухаммад Шариф и другие писали, что «аминаначи, как всегда, нас обижает, оскорбляет и даже в этот раз нас побил...»²²² и требовали разобрать их спор.

Бухарские купцы жаловались на фирмы Стуken, Рейхард и Балашов, которые ранее покупали у них шерсть в Москве и Нижнем Новгороде, а затем стали скупать ее непосредственно у скотоводов. В Москве эти скупщики сбили цены на шерсть, часть коей продали в России, а часть вывезли за границу. «Если мы будем давать за шерсть одинаковую цену с ними, то мы окончательно разоримся», — писали купцы. Кроме того, скупщики шерсти Зальман, Леви, Герман, Дюршмидт и другие

²²¹ Там же, д. 214, л. 4.

²²² ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 2, д. 1408, л. 15.

раздавали скотоводам бунак и так закабалили их, что те не смели продавать товар другим купцам²²³.

Вопрос о скупке шерсти иностранными фирмами рассматривался на специальном совещании 9 сентября 1905 г. в Москве. Совещание пришло к выводу, что иностранцы в экспорте шерсти за границу не составляют конкуренцию русским и бухарским промышленникам, а потому какие-либо меры в этом направлении были признаны преждевременными²²⁴.

Наряду с расширением вывоза хлопка, каракуля и шерсти возрастает также экспорт шелка и изделий из него. В 1911 г. из Бухары вывозилось до 200 тыс. пуд. изделий из шелка на 1,5 млн. руб., коконов — до 25 тыс. пуд.²²⁵

В начале XX в. в Бухаре действовало до 50 русских фирм по скупке хлопка, каракуля, шерсти и т. д. и 10 отделений страховых и транспортных контор, занимавшихся транспортировкой этих грузов. Помимо Государственного банка в Бухаре были открыты отделения семи частных коммерческих банков, восьмой банк (Русско-китайский) открыл свое отделение в Керки. Эти банки финансировали скупку сырья, главным образом хлопка и каракуля, ежегодно выдавая фирмам до 40 млн. руб.²²⁶ Из местных фирм, занимавшихся скупкой хлопка, необходимо отметить «Торговый дом Мирхикмат Мирсалихова и Мирза Мухитдин Мансурова», состоявший компаньоном «Московского товарищества для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии».

Важную роль в экономике Бухары играл экспорт сухофруктов, фисташек, орехов²²⁷. 93% вывоза в ханстве составляли сырье и полуфабрикаты, что ярко характеризует экономику Бухары как сырьевой базы.

Из России Бухара ввозила главным образом хлопчатобумажные ткани. Ввоз их, постоянно увеличиваясь, составлял перед первой мировой войной 15 974 тыс. руб. ежегодно, т. е. 44% всего ввоза из России²²⁸. Экспорт

²²³ АВПР, ф. Среднеазиатский стол, д. 1365, л. 47.

²²⁴ Там же, л. 84.

²²⁵ История Узбекской ССР. Т. II, с. 378.

²²⁶ Ишанов А. И. Бухара в период первой русской революции. — «Известия АН УзССР», 1955, № 12, с. 78.

²²⁷ Ремез И. А. Указ. соч., с. 65.

²²⁸ История Узбекской ССР. Т. II, с. 378.

хлеба к 1913 г. увеличился более чем в четыре раза по сравнению с 1900 г. и составил 3 300 тыс. пуд.²²⁹. С ростом хлопкоочистительной промышленности Бухара стала нуждаться в металле и в изделиях из него, в нефти, керосине и т. д., ввоз которых также возрастает. Торговые обороты Бухары достигли колоссальной цифры — 91 млн. руб. в год²³⁰.

Интересы местной буржуазии начинают тесно переплетаться с интересами русской буржуазии, в процессе торговли укрепляются их взаимоотношения. Увеличивается экономическая мощь местных буржуа, среди них появляются миллионеры — Джурабек Арабов, Латифходжа Касымходжаев, Убайдуллаходжа Касымходжаев, Мирхикмет Мирсалихов, Акиббаев. Однако, хотя местная буржуазия и пыталась оттеснить русскую буржуазию с бухарского рынка, обойтись без нее не могла.

Рост торговли Бухары после присоединения ханства к России приводит к весьма существенным изменениям в его экономике. Для скупки и транспортировки бухарского сырья открываются русские фирмы: транспортные и страховые конторы, количество которых все более возрастает. Открывшиеся в Бухаре русские банки начинают усиленный вывоз капитала в ханство. В. И. Ленин отмечал: «Английские капиталисты всячески стараются развить производство хлопка в *своей* колонии, Египет... — русские в *своей* колонии, Туркестане, потому что таким путем они легче могут побить своих иностранных конкурентов, легче могут прийти к монополизации источников сырья...»²³¹. Это высказывание В. И. Ленина полностью относится и к Бухарскому эмирату.

Бухара превращается в источник сырья для развивающейся текстильной промышленности монополии и в рынок сбыта промышленных изделий. До 23% экспорта ханства составляли сырье и полуфабрикаты, до 40% ввоза в Бухару приходилось на долю изделий Русской мануфактуры. Формируется местная, бухарская буржуазия, интересы которой тесно переплетаются с интересами русской буржуазии, и которая также обогащается за счет эксплуатации бухарского народа.

²²⁹ Ремез И. А. Указ. соч., с. 67.

²³⁰ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 12, д. 1915, л. 3.

²³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 382.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

§ 1. Углубление дифференциации крестьянского хозяйства

Хлопководство, становясь ведущей отраслью сельского хозяйства, способствует росту товарно-денежных отношений, ведет к дальнейшей дифференциации бухарского крестьянства. Интенсивнее протекает процесс концентрации земель в руках отдельных феодалов, торговцев, ростовщиков и т. д. При помощи различных долговых и залоговых сделок местные ростовщики и баи сосредоточивают значительные земельные площади, получая их за бесценок при содействии казиев.

Наряду с концентрацией земель в руках байско-кулацких элементов возникает безземельный и малоземельный полупролетариат. Большинство трудового крестьянства, запутавшись в долгах, продает земли, теряя свою самостоятельность.

Нами собрано большое количество документов о продаже земель, среди которых есть купчие и документы о продаже обеленных имений. Так, в местности Тахмарджи в окрестностях г. Бухары обеленные от налогов земли мильк-и хур скупал Садык бай, сын уста Баба Шарифа, который с 80-х г. XIX в. до 1917 г. скупил парцеллярными участками около 50 танапов земли¹. В местности Зиярат Варудун скупкой мильк-и хараджи на протяжении 17 лет занимался Гадай-бай, сын Рахматуллы, округлявший свои владения выдачей ссуд под залог земель под большие проценты². В окрестностях г. Бухары собирал земли и дома мулла Изаматдин садр раис³.

¹ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 2005, л. 10, 14, 16, 18, 20, 27, 31.

² Чехович О. Д. Изучение среднеазиатских актов в Академии наук УзССР.— «Известия АН УзССР», 1950, № 3, с. 87—88.

³ Там же.

В течение 30 лет скупили чуть ли не половину земель тумана Кам-и Абу-Муским (современное Ваганзи, в 35 км. к северо-востоку от г. Бухары) мулла Абдафаттах и его сын Абдакаххар⁴.

В Шахрисабзе в 1904—1905 гг. усиленно скупал земли Мавлянберды бай, сын Абдуллы. Сохранились документы его ростовщических сделок, в результате которых он собрал по клочкам солидное земельное владение⁵.

Факт продажи частновладельческих обеленных от налогов земель сам по себе свидетельствует о глубокой дифференциации бухарского крестьянства.

Продав свои земли, крестьяне нанимались на обработку земель в качестве издольщиков, превращаясь в сельских пролетариев, к которым В. И. Ленин относил не только совершенно безземельное, неимущее, но и малоземельное крестьянство⁶. Крупные землевладельцы — феодалы, крупные чиновники, а также торговцы сами не вели хозяйство, а сдавали землю в издольную аренду. Но бывали случаи, когда землю сдавали в аренду бедняки, не имеющие семян и скота, а арендатором был более состоятельный крестьянин.

В селах Узбекистана испокон веков существовали три формы имущественных отношений: чайрикерство, аренда и шерикство, или товарищество⁷. Самой же распространенной формой стала издольщина.

В середине XIX в. в Бухарском ханстве наиболее часто встречается издольщина за половину урожая. Так, в одном из актов исполной аренды на обработку 14 танапов земли мильк-и хараджи указано, что урожай должен быть поделен пополам⁸. Наряду с половинной долей имели место издольные аренды и за меньшие доли. Например, в васика Арбаба Иди, сына Кабул бая, муллы Джума, сына Юлдаш бая, Сафар бая, сына Азим бая и других, составленной в 1913/14 г., указано, что издольщики обязуются выплачивать с вакуфной земли

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: Ленин В. И. Холн. собр. соч., т. 3, с. 170.

⁷ Вахабов М. Г. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1963. с. 212.

⁸ Чехович О. Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв. Ташкент, 1954, № 2, с. 191.

в м. Фаркат $\frac{1}{4}$ часть урожая⁹. В другом документе, составленном в 1913/14 г., говорится, что арендаторы вакуфной земли в тумане Самиджан также выплачивают $\frac{1}{4}$ часть урожая мутаваллию¹⁰. Арбаб Пулат, Аман Килбай и другие, явившись в казихона тумана Самиджан, подтвердили, что они засевают вакуфную землю, которая долгое время лежала под песком, и выплачивают $\frac{1}{3}$ часть урожая пшеницы, гузы, кукурузы, ячменя, кунджута, проса, кенафа, пшена¹¹.

Несмотря на относительно небольшую долю после уплаты налогов оставалось очень мало. Так, Икрам Амадов из кишлака Найман в Гиждуване был издольщиком на пять танапах земли. Свою половину он получал после выдела налога, составлявшего лишь $\frac{2}{5}$ урожая¹². Имеются данные по Восточной Бухаре, когда арендатор получал за свой труд всего шестую или даже восьмую часть урожая¹³. Так, экономическое неравноправие ставило крестьян в зависимость от воли землевладельца, который фактически диктовал свои условия.

В Чарджуйском и Керкинском бекствах, а также в других районах, позднее отошедших к Туркмении, существовала единая система издольщины в $\frac{1}{3}$ часть урожая, когда владельцам земли арендатор должен был отдавать $\frac{2}{3}$ урожая¹⁴. Интересны данные по Ферганской области. Из всех хозяйств области 14,1% сдавали свои земли в аренду, из них 39,1% сдавали из расчета половины урожая, 14% — $\frac{2}{3}$ урожая, 39,6% — $\frac{3}{5}$ и 7,3% хозяйств из еще большей доли урожая¹⁵.

⁹ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1541, л. 8; Чехович О. Д. Крестьянские обязательства 1914 г. на основании мнимой грамоты Исмаила Самани. — «Исторические записки АН СССР», 1950, № 33, с. 270.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1541, л. 4.

¹¹ Там же.

¹² Ташбаева Т. Об основных формах феодальной эксплуатации в сельском хозяйстве Узбекистана в конце XIX — начале XX в. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1968, с. 14.

¹³ Стеценко И. А. Из истории народного движения в Таджикистане во второй половине XIX — начале XX в. (1870—1917 гг.). Душанбе, 1963, с. 90.

¹⁴ Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркестане. Ашхабад, 1971, с. 303.

¹⁵ Турсунов Х. Т. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962, с. 99.

Применение труда чайрикеров было гораздо дешевле и удобнее, нежели рабочих-мардикеров. Натуральная аренда была наиболее кабальной, а потому и выгоднее.

Издольщина способствовала выкачиванию у крестьян — непосредственных производителей помимо прибавочного также и значительной части необходимого труда, поэтому было выгоднее эксплуатировать мелкие хозяйства, нежели труд наемных рабочих в крупных хозяйствах, в которых требовались значительные затраты. И денежная, и натуральная аренда были свойственны докапиталистической, феодальной формации. Развитие товарно-денежных отношений придает издольщине новые черты, пусть даже только зарождающиеся. Издольщиком становится помимо крестьян — собственников parcelлярных участков также безземельный крестьянин, потерявший свой клочок земли и превратившийся по существу в наемного рабочего. Наряду с этой арендой был и другой тип аренды, когда богатые землевладельцы, не желая вести свое хозяйство, отдавали земли небольшими участками бедным и беднейшим крестьянам. В. И. Ленин указывал: «...мы видим здесь аренду совсем особого рода, выражающую не отказ владельца от собственного хозяйства, а развитие частновладельческих запасек..., превращение крестьянина в сельского рабочего»¹⁶.

Таким образом, издольщина являлась одной из худших и грубых форм феодальной эксплуатации: чем беднее был издольщик, тем тяжелее были условия издольной аренды.

Тяжелое положение бухарских крестьян усугублялось так называемыми отработками. В документах фонда Кушбеги эмира бухарского упоминаются факты крестьянских отработок в пользу отдельных крупных землевладельцев-чиновников. Некоторые беки и амлякдары заставляли крестьян работать на своих землях¹⁷.

О фактах применения отработок на полях богатей и крупных должностных лиц сообщали и русские чиновники. Так, начальник пограничного поста в Сарайе писал: «Полевые работы богатых и начальствующих лиц производятся народом бесплатно, нежелающие рабо-

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 194.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1267, л. 55, 76, 80.

тать подвергаются денежному штрафу, а за неимением денег отбирается последняя корова или лошадь»¹⁸.

Обобранные податными сборщиками, бухарские крестьяне вынуждены были обращаться к баям, торговцам или ростовщикам за получением ссуд под залог единственного их имущества — земли. Крестьянин, раз взявший деньги у ростовщика, становился вечным его должником, попадал в кабалу. Об этом убедительно свидетельствует сообщение хорошо знавшего Бухару Д. А. Жоравко-Покорского. Он писал: «Есть целые селения, которые все то, что им остается от уплаты податей и повинностей, целиком уплачивают своим кредиторам без всякой надежды когда-нибудь освободиться от них»¹⁹.

Отдаленность Бухарского ханства, отсталость экономического его развития приводили к особенно тяжелым формам закабаления.

«Чем захолустнее деревня, чем дальше она стоит от влияния новых капиталистических порядков, железных дорог, крупных фабрик, крупного капиталистического земледелия, — тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение... Зависимость крестьян от владельцев денег приобретает неизбежно форму кабалы»²⁰, — указывал В. И. Ленин.

Конкретные формы закабаления беднейшего крестьянства Бухары можно проследить по документам.

Поскольку шариат запрещал взимание ростовщических процентов, заклад земли в Бухаре оформлялся особым рода купчими (байи джаиз)²¹, где сама ссуда скрывалась под стоимостью земли, а проценты по ссуде — под арендной платой.

Так, в 1902 г. Хасан бай, сын Латиф бая заложил индусу Бахре, сыну Люлю, около одного танапа вакуфной земли в местности Нумурджан тумана Пирмаст за 100 танга и якобы взял в аренду эту же землю на усло-

¹⁸ Там же, ф. И-3, оп. 2, д. 171, л. 33.

¹⁹ Там же, оп. 1, д. 140, л. 240.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 383.

²¹ Чехович О. Д. Об актовом материале по истории Бухары. — «Исторические записки АН СССР». Т. XVI. М., 1945, с. 232—238; Она же. Терминологические заметки. — «Народы Азии и Африки», М., 1964, № 6.

виях ежемесячной уплаты по 4 танга²². Курбан-ой, дочь Гуля бая, явившись в 1908 г. в казихона Нимхазара Пирмаста заявила, что «продала» Малля баю, сыну Хасылмурада около полтанапа вакуфной земли в местности Андакиян Дехча-и бала-и Султанабата за 450 танга бухарской чеканки. Проданная земля была взята ею же в «аренду» из расчета ежемесячной уплаты по 20 танга в месяц, т. е. 120 танга годовых²³. Ходжа Кулбай, сын Умур бая, в 1905 г. «продал 10 танапов земли дехяк в Катартепа Каракуля Зияатдину ходже, сыну Турсуна ходжи, за 6 тыс. танга с условием, что будет «арендовать» эту землю с ежемесячной уплатой 120 танга²⁴. В некоторых запродажных, видимо по настоянию должника, вынужденного продать землю заимодавцу, оговариваются условия возврата этой земли в течение определенного времени, обычно трех-четырех месяцев. Если же в указанный срок долг не был возвращен, земля переходила в собственность заимодавца.

В роли заимодавцев и скупщиков земель выступали и лавочники.

О разорении крестьян ростовщиками сообщалось и в донесениях должностных лиц с мест эмиру. Так, Абдулхалим раис кара ирсари в 1885 г. писал, что несколько человек взяли у ростовщика деньги и, уплатив большие проценты, потеряли свои земли и стали скитаться, не имея постоянного местожительства. 10—15 семей из них перекочевали в вилайет Акча Шибирган²⁵. Крестьяне, явившись к Абдалхалим раису, настойчиво просили доложить об этом эмиру. Автор просит направить на имя Астанкула бия дадха (бека вилайета Чарджуя. — К. Х.) грамоту — мубаракнаме с требованием облегчить положение этих людей. Видимо, речь идет о признании долга крестьянами и возвращении ростовщиками земель, ибо в фискальном отношении бухарскому правительству не было выгодно разорение и бегство крестьян с насиженных мест, поскольку оно теряло в лице разоренных крестьян источник своего обогащения.

Освещение вопроса о ростовщичестве было бы не полным, если не остановиться на деятельности ростов-

²² ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 2055, л. 17.

²³ Там же, л. 15.

²⁴ Там же, л. 19.

²⁵ Там же, д. 1267, л. 47.

щиков-индусов, занимавшихся отдачей в рост денег под проценты.

Нами собраны залоговые васика, свидетельствующие о деятельности индусов в тумане Карабаг. Приведем в качестве примера лишь некоторые из них.

В 1879 г. Кабил бай, сын Мумина Суфи²⁶ подтверждал у казиза Карабага, что заложил у индуса Суфи, сына Джати около четырех танапов земли в местности Ниязи Карабага за 250 танга с условием выплаты ежемесячно по 20 танга и 32 фулуса²⁷. В 1881 г. Хакназар бай сын Абдурахмана заявил казию Карабага мулле Мухаммад Насир раису, что взял под залог четырех танапов земли в местности Кок-тепа 90 танга у индуса Нукри, сына Хабая с обязательством вернуть через месяц 95,5 танга. При этом только за один месяц проценты составили 4¹/₂ танга²⁸.

Интересна закладная Абдал Мукум бая, сына Шакира, составленная в 1898 г. В ней указано, что если Абдал Мукум бай через три месяца не выплатит индусам Нукре и Джатаю 160 танга, взятых под залог 1,5 танапов земли, то земля перейдет в собственность индусов²⁹. Из документов видно, что независимо от стоимости данной земли в случае неуплаты она будет отобрана за 160 танга.

Ростовщические ссуды делились на кратковременные и долговременные. Крайний срок уплаты — шесть месяцев при 40% годовых с ежемесячными взносами в размере ¹/₆ части капитала и процентов. Взносы обозначались индусами особыми зарубками на палочке, в соответствии с данной распиской. При таком способе обозначения взносов заимодавцы нередко мошенничали, что приводило к конфликтам между ними и кредиторами. При разрешении этих споров большей частью казии предлагали должнику принять присягу и тем самым решали дело в пользу индусов, ибо принять присягу считалось позорным и хороший мусульманин всеми сред-

²⁶ Там же, д. 2001, л. 3.

²⁷ 20 фулусов составляют одну кокандскую тангу (ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 288, л. 10). Кокандская танга (серебряная монета) равна 13 коп. (ЦГА УзССР, ф. И-17, д. 12740, л. 5). Бухарская танга приравнивалась к 15 коп.

²⁸ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 2001, л. 4.

²⁹ Там же, оп. 2, д. 2001, л. 7.

ствами стремился уплатить большую сумму денег, не жели присягнуть. Долгосрочная ссуда выдавалась на неопределенное время при 60% годовых, сроки и способ уплаты устанавливались по взаимному соглашению. Должник, занявший деньги на шесть месяцев и не погасивший долга в срок, становился долгосрочным должником и уплачивал по 5% в месяц впредь до полного погашения долга.

Российский политический агент в 1912 г. писал, что проценты по ссудам индусов-ростовщиков достигают 100³⁰. В другом документе сообщается, что земледельцы занимают у индусов деньги обыкновенно на 5% недельных, что составляет 260% годовых³¹. Таким образом, задолжавший индусу более или менее значительную сумму, становится неоплатным должником его.

В Туркестане, например, в эти же годы, судя по архивным данным, ростовщический процент достигал 350, а иногда даже до 1000 в год. Так ростовщики, присылаваясь к крестьянскому хозяйству, приводили его в упадочное состояние и заставляли «воспроизводство совершаться при все более жалких условиях»³².

Ростовщическую деятельность развивали и отдельные русские фирмы. Так, контора фирмы Бр. Шлосберг 6 февраля 1905 г. выдала Сахреддин баю Бадретдинову 5 тыс. танга под залог 12 танапов земли в местности Каршиян в Шафриканском тумане сроком на один год. На долговом документе указывалось, что должник обязуется по истечении года полностью уплатить полученную сумму и получить обратно документ, в случае же неисправной уплаты участок должен перейти в полную собственность названной конторы³³. И поскольку рассматриваемый документ оказался в фонде Кушбеги эмира бухарского, следовательно, должник не смог возвратить деньги и анулировать документ. В фонде кушбеги эмира бухарского имеется множество таких документов, свидетельствующих о разорении крестьян. Необходимо отметить, что если у ростовщиков закладывались сравнительно небольшие, то в конторах фирм — крупные участ-

³⁰ Там же, ф. И-3, оп. 1, д. 446, л. 36.

³¹ Там же, д. 247, л. 2.

³² Там же, ф. И-1, оп. 12, д. 1759, л. 226; ф. 1, оп. 11, д. 696, л. 72; ф. И-19, оп. 1, д. 24492, л. 28.

³³ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 2005, л. 2.

ки, принадлежащие более зажиточным слоям среднего крестьянства.

Получение ростовщических ссуд под заклад земли или под большие проценты вело к разорению и обезземеливанию крестьян. В 90-х годах вопросом ростовщических ссуд начали заниматься не только бухарское, но и русское правительство. Проверки и обследования этого вопроса заканчиваются в 1892 г. решением об ограничении злоупотреблений ростовщиков-индусов и установлением контроля за их сделками. Однако по сути дела это решение ничего не изменило.

К. Маркс подчеркивал, что «при азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»³⁴.

Одной из форм ростовщической эксплуатации является бунак. Кабальные беспроцентные ссуды или задатки, выдававшиеся крестьянам и ремесленникам с целью обязать их сдавать продукцию своего труда только тому, от кого они получили ссуду, в Бухаре называли «бунак»³⁵. Особенно широко практиковалась выдача бунака под урожай хлопка различными посредниками — спекулянтами, ростовщиками, фирмами и т. д., которые получали кредиты на 10—12% годовых, передавали их дехканам на условиях выплаты 40—60%, а во многих случаях по 90—130% и более за 8 месяцев³⁶.

Задаткодатели покупали хлопок по ценам угодным и выгодным им. Русский капитал, проникая в ханство, шел главным образом на кредитование хлопководства. Русские фирмы по скупке и вывозу хлопка, хлопкозаводчики, торговцы выдавали ссуды хлопкоробам через посредство различных пахтакешей, арабкешей, амбардаров, таразударов, оформляя эти ссуды через казиев под залог земли.

Наряду с русской буржуазией кредитованием хлопкоробов занималась и нарождающаяся местная буржуазия. Появились различные комиссионеры, которые

³⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 146.

³⁵ См.: Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара, с. 168.

³⁶ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 838, л. 36. См. также: Юлдашев А. М. Русские коммерческие банки в колониальном Туркестане. — «Научные записки Ташкентского финансово-экономического института». Вып. 13, 1961, с. 61.

занимались выдачей ссуд, скупкой хлопка на базарах и перепродажей его местным фирмам, а порой они даже отправляли хлопок в Москву. Эти скупщики-партионщики быстро богатели, увеличивая в течение нескольких лет свои капиталы на 200—300% и более.

Несмотря на то, что бунак был беспроцентной ссудой, в руках различных посредников он также обрастал процентами, и маломощные крестьянские хозяйства не могли практически рассчитаться за бунак, да и фирмы были заинтересованы в постоянных неоплатных должниках. Если хлопкороб окончательно разорился, то фирма получала взамен ссуды его землю. В фонде Кушбеги эмира бухарского сохранилась жалоба нескольких жителей Янги-Арыка вилайета Байсун на имя кушбеги, в которой они писали, что взяли в долг за счет гузы чай и ткань у богачей вилайета, а те хотят рассчитываться по 18 руб., несмотря на то, что базарная цена гузы 33 руб.³⁷ Так, крайне нуждаясь в оборотных средствах, крестьяне вынуждены были брать в счет будущего урожая хлопка кредит у богачей, которые рассчитывались за хлопок по цене вдвое меньшей базарной, да к тому же продавали им промышленные товары по спекулятивным ценам.

Восточно-Бухарское товарищество рассчитывалось с крестьянами Курган-тюбе, получившими ссуды бунак по 150 тенег за шестнадцатипудовый батман, тогда как рыночная цена его составляла 425 танга. В Гиссаре за двенадцатипудовый батман товарищество платило по 80 танга вместо рыночной цены 275 танга и т. д. В Байсунском и Ширабадском бекствах за батман в 9 пуд. 24 фунта буначная цена была 150—180 танга, а на рынке—290 танга³⁸. Таким образом, в Кургантепинском бекстве батман буначного хлопка стоил на 65% дешевле базарного, в Гиссарском — на 71% и в Байсунском и Ширабадском — на 49%. Разница в стоимости гузы шла в карман задаткодателей. Только крайняя нужда в кредите заставляла крестьян получать такие задатки.

Из рапорта инспектора хлопковых базаров второго района Газиева Российскому политическому агенту от 24 февраля 1904 г. известно, что хлопковые фирмы раз-

³⁷ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 2001, л. 10.

³⁸ Там же, ф. И-3, оп. 1, д. 918, л. 17.

давали под бунак значительные суммы. Так, для покупки хлопка и гузы в Пирмастском районе было роздано 970 тыс. танга, в Каракульском 250 тыс.³⁹ Выдача бунака крестьянам оформлялась у местного казия. Наряду с бунаком под хлопок раздавался и бунак под зерно, каракуль, шерсть.

Бунак выдавался не только баями и капиталистическими фирмами, но и бухарским правительством.

На съезде хлопководов в Ташкенте в 1914 г. указывалось: «Обычные условия выдачи задатков таковы, что наши хлопководы, за некоторым исключением, либо сводят концы с концами, либо, в большинстве случаев, с каждым годом все больше обезземеливаются, беднеют и обращаются в неоплатных должников фирм или посредников»⁴⁰.

Российское политическое агентство после ряда обследований официально запретило раздачу бунака. В 1904 г. были выработаны специальные правила продажи хлопка⁴¹. Однако, несмотря на запрет, местные ростовщики и русские фирмы по-прежнему раздавали бунак земледельцам при помощи маклеров⁴².

Положение крестьян ухудшалось и тем, что ростовщики-баи и фирмы стали выдавать кредит не только деньгами, но и товарами, часто совсем не нужными хлопкоробам⁴³. Крестьяне вынуждены были продавать эти товары за полцены и на вырученные деньги приобретать вещи и продукты питания. Раздавались также хлопковые семена очень низкого качества по произвольным, невероятно высоким ценам⁴⁴. Все это приводило к разорению мелких производителей, переходу земель в руки ростовщиков-баев.

В январе 1913 г. представители различных фирм, акционерных обществ и банков, испуганные резким сокращением посевов хлопчатника, подали Российскому политическому агенту петицию: «...Многие хлопкоочистительные заводы вынуждены прекратить производство. Зем-

³⁹ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 247, л. 54—55.

⁴⁰ Труды съездов деятелей сельского хозяйства Туркестанского края. Ташкент, 1914, с. 141.

⁴¹ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 247, л. 3.

⁴² Там же, ф. И-3, оп. 1, д. 194, л. 50.

⁴³ Там же, ф. И-90, оп. 1, д. 137, л. 140.

⁴⁴ Там же, ф. И-9, оп. 1, д. 1385, л. 16.

ледельцы, называемые здесь «дыханами», оставили огромные пространства земли без посевов, предпочитая заниматься в качестве батраков в Бухарском ханстве и других областях Средней Азии. Никогда до сего времени не было столько свободных от посевов площадей земли, как это замечалось в нынешнем году...»⁴⁵.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что бунак быстрее разорял население, чем даже ссуды под большие проценты, так как был наиболее жестокой формой ростовщического кредита. Цена на хлопок, устанавливаемая задаткодателями, была ниже базарной не на 25%, как отмечено в Истории Узбекской ССР⁴⁶, и не на 30—40%, как указывал А. И. Шахназаров, а на 55—70%. С помощью бунака задаткодатели присваивали не только прибавочный продукт, но и необходимые продукты, ставя под угрозу само физическое существование крестьян. Раздача бунака под урожай является примером приспособления фирм и банков к особенностям Бухарского ханства с безраздельным господством феодальных отношений, когда они были вынуждены применять докапиталистические методы эксплуатации, т. е. ростовщичество, обогащавшее и банки, и посредников.

Кабала, ростовщичество, отработки и другие факторы, задерживающие расслоение крестьянства, приводили к тому, что господами деревни являлись зачастую не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы.

Особенно тормозящую роль играли эти факторы в Бухарском ханстве, где все еще господствовали феодальные и полуфеодальные формы эксплуатации. Ростовщический капитал, связанный своими корнями с торговым капиталом, все более подчиняясь интересам российской буржуазии, консервировал докапиталистические отношения, тем самым тормозя развитие новых общественных отношений. Однако несмотря на тормозящие факторы, хотя и медленно, но шел процесс дифференциации крестьянства. В деревне, наряду с феодально-байско-кулацкими элементами начинает складываться, безземельный и малоземельный полупролетариат. «Этот процесс означает коренное разрушение старого патриар-

⁴⁵ Там же, ф. И-3, оп. 1, д. 363, л. 125.

⁴⁶ История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1968, с. 382.

хального крестьянства и создание новых типов сельского населения»⁴⁷.

После присоединения к России под воздействием проникновения в эмират российского капитала и развития товарного земледелия усиливается разложение феодально-патриархальных отношений. В результате расчленения крестьянства создаются два новых типа сельского населения: феодально-байско-кулацкие элементы в лице сельской буржуазии и безземельные крестьяне «сельский пролетариат, класс наемных рабочих с наделом»⁴⁸.

Кулацко-байские хозяйства росли и укреплялись, но дело они вели по-старинке, большей частью сдавая земли в аренду чайрикерам небольшими участками, в лучшем случае частично привлекая наемный труд. Концентрация земли, а также денежных средств не привела к развитию крупного плантационного сельского хозяйства, напротив, участки дробились и раздавались для обработки чайрикерам, что соответственно тормозило применение техники, дальнейший подъем сельского хозяйства. Поэтому, несмотря на развитие товарно-денежного обращения и рост товарного земледелия, сельское хозяйство оставалось в своей основе феодальным.

К сельскому пролетариату, или к классу наемных рабочих с наделом В. И. Ленин относил «неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, черноработчий, строительный или иной рабочий с наделом»⁴⁹.

Между этими двумя типами населения находится полупролетариат, к нему относятся крестьяне, которые добывали средства к жизни частично наемной работой в сельскохозяйственных и промышленных капиталистических предприятиях, частично трудясь на собственном или арендуемом клочке земли, дающем лишь некоторую долю продуктов питания для его семьи. До 20 тыс. таких крестьян ежегодно уходило в города Туркестанского края в поисках заработка⁵⁰, поскольку на доли пар-

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 179.

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 170.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ История Узбекской ССР. Т. II, с. 382.

целярных участков они не могли прокормить себя и семью.

К мелким крестьянам относятся владельцы или арендаторы небольших участков земель, доходы с которых покрывали потребности семьи и хозяйства. Мелкие крестьяне не прибегали к найму рабочей силы. При поливном земледелии в распоряжении мелких крестьян находилось до двух десятин земли.

Большинство сельского населения ханства относилось, по ленинскому определению, к полупролетариату и мелкому крестьянству, владевшим незначительным наделом. Составляя 90% населения ханства, они владели только 15,2% земель⁵¹. Размеры этих земель составляли 0,5—2,5 танапа⁵².

Под средним крестьянством В. И. Ленин понимал мелких землевладельцев, которые, владея незначительными, но большими, чем мелкое крестьянство участками земель, могли помимо обеспечения семьи и содержания хозяйства получить определенный излишек, который в лучшие, урожайные годы мог превратиться в капитал. Средние крестьяне обычно прибегали к найму рабочей силы. Среднее землевладение колебалось в эмирате в пределах от 1,5 до 3 дес.

Для производства такой товарной культуры, как хлопок, нужны были свободные оборотные средства. Крестьяне, нуждаясь в деньгах, вынуждены были обращаться за ссудами к ростовщикам под залог единственного своего имущества — земли. Ростовщические ссуды достигали 100—350% и выше. Поэтому крестьянин, раз взяв ссуду, практически расплатиться уже не мог и терял землю, пополняя ряды сельского пролетариата.

Потеряв свои земли, крестьяне вынуждены были арендовать ее на условиях уплаты разной доли урожая. Наиболее распространенной была аренда земли за половину урожая. Положение крестьян усугублялось так называемыми отработками, когда амлякдары и беки заставляли работать крестьян на своих полях.

Все это приводило к усилению разложения феодально-патриархальных отношений. В деревне складывались

⁵¹ Ишанов А. И. Указ. соч., с. 30.

⁵² ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 943, л. 4; д. 957, л. 1.

новые типы сельского населения — феодально-байско-кулацкие элементы из сельской буржуазии и сельский пролетариат в лице безземельного крестьянства.

Подати и повинности

Крестьяне Бухарского ханства составляли основную массу эксплуатируемого народа. Они обязаны были выплачивать собственнику земли — различным феодалам или государству в лице эмира феодальную ренту. На государственных землях, где земельным собственником выступал эмир, рента совпадала с налогом.

Ко второй половине XIX в., после присоединения Бухары к России, относится переход от полунатуральной формы налога к денежной. С ростом товарно-денежных отношений этот объективно прогрессивный процесс происходил зачастую в формах, выгодных феодалам и разорительных для крестьян.

Основным поземельным налогом был харадж. В 70-х годах XIX в. харадж взимался частично натурой, частично — деньгами⁵³. Переход к денежному обложению осуществлялся в разных районах ханства в разное время. Так, в отдаленном Кулябском бекстве, где развитие товарно-денежных отношений происходило медленнее, чем в западной части ханства, еще в начале XX в. часть налога взималась натурой⁵⁴.

Недовольство крестьян денежным взиманием налогов объяснялось не только трудностями подвоза зерна на рынки или их отдаленностью, но также и тем, что справочные цены, по которым собирали налог, были выше действительных рыночных цен⁵⁵.

Налоги взимались, исходя из количества собранного урожая и средних рыночных цен, устанавливаемых на местах после получения разрешения эмира. Казий и райсы на основании цен трех последних базаров выводили средние цены и сообщали их эмиру в своих донесениях. Эмир, утверждая эти цены, отсылал на места специальные грамоты — мубарак-наме с ценами, которые теперь уже назывались «эмирскими». После получения эмир-

⁵³ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1271, л. 39; д. 2001, л. 31.

⁵⁴ Варыгин М. А. Опыт описаний Кулябского бекства. — «Известия РГО. Вып. 10. Т. II, с. 916, 799.

⁵⁵ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1267, л. 75.

ской грамоты население оповещалось о начале сбора налогов.

Обычно казий и райсы сообщали эмиру не действительно рыночные цены, а более высокие. Разница между этими ценами составляла личный доход податных сборщиков. Из документов архива Кушбеги эмира бухарского видно, что справочные цены иногда завышались на 9—15%⁵⁶. Не желая мириться с произволом, крестьяне Бухарского ханства неоднократно выступали против завышения справочных цен⁵⁷. Несмотря на то, что налоги собирались деньгами, должностные лица, отчитываясь перед эмиром, сообщали, какая часть налога собрана пшеницей, какая ячменем и джугарой и сколько всего собрано зерна, переводили количество собранного зерна на деньги, исходя из утвержденных эмиром цен, а также указывали собранную сумму налогов.

Исследователи истории Бухары, изучавшие размеры налогов в ханстве, называли различные цифры сбора основного поземельного налога — хараджа, примерно от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{10}$ урожая⁵⁸.

Изучая документы фонда Кушбеги эмира бухарского, мы пришли к выводу, что налоги в ханстве взимались на основании сложившегося в каждой местности старинного обычая — таамул-и кадим. Этот обычай складывался, видимо, постепенно, в зависимости от культивируемых в данной местности растений, урожайности и т. д. Именно поэтому размеры налогов в разных областях

⁵⁶ Там же, д. 1080, л. 25; Гаевский П. Курган-Тюбинское бекство. — «Известия РГО». Вып. 2. Т. V, 1919—1923, с. 64—65.

⁵⁷ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1267, л. 75, 79; д. 1271, л. 39; д. 1080, л. 25.

⁵⁸ Соболев Л. Н. Географические и статистические сведения о Зарафшанском округе. — ЗРГО по отд. статистики. Т. IV. Спб., 1874, с. 374; Хорошхин А. И. Сборник статей, касающихся до-туркестанского края. Спб., 1876, с. 125; Кун А. Л. Очерки Шагри-себского бекства. — ЗРГО по отд. этнографии. Т. IV, 1880, с. 230; Граевский П. Курган-Тюбинское бекство. — ИРГО. Вып. 2. Т. V, 1919—1923, с. 65; Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929, с. 22; Гафуров Б. Г. История таджикского народа. М., 1955, с. 423; Чехович О. Д. О размере хараджа в Бухаре в XIX в. — ОНУ, 1961, № 3, с. 38; Кисляков Н. А. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в. М.—Л., 1962, с. 103; Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во II пол. XIX в. Ч. II. Душанбе, 1963, с. 58.

ханства были различные. Так, крестьяне Ахча-буга Китаба должны были платить с богарных земель $\frac{1}{8}$ часть урожая, а в соседнем Чиракчи с таких же земель — $\frac{1}{5}$ ⁵⁹. В Ширабадском вилайете с посевов сафид-бари по старинному обычаю взималась $\frac{1}{5}$, с кабуд-бари — $\frac{1}{4}$ ⁶⁰, в Денауском вилайете — 1,6 часть урожая. Однако не довольствуясь такими нормами налогов, податные сборщики взимали больше, что, естественно, вызывало неоднократные крестьянские выступления.

В восьмидесятые годы XIX в. в Бухарском ханстве в связи с усилением роста товарно-денежных отношений произвол податных сборщиков становится особенно нетерпимым. Именно в эти годы происходят «фиксации» старинных норм сбора налогов, когда выступившее против налогового произвола крестьянство в Денауском и Ширабадском вилайетах⁶¹ добилось письменной фиксации норм взимания налогов, что, естественно, ограничило на время налоговый произвол податных сборщиков.

В Ширабадском вилайете амлякдары, злоупотребляя, взыскивали налог вместо 4 или 5 ман — 8 ман. Если из посевов сафид-бари вместо $\frac{1}{5}$ части, составлявшей 4 мана, взыскивали 8 манов, то налог, следовательно, составлял 40% урожая⁶². Такой же размер налога указан в заголовках пайгиров — своеобразных исполнительных листах, выданных для взыскания основного поземельного налога — хараджа с пшеницы, ячменя, гузы, а также с бахчевых, огородов, садов и даже люцерны в местности Кипчак, где обозначен размер налога $\frac{4}{10}$ ⁶³, т. е. 40% урожая. В окрестностях Старой Бухары в качестве основного поземельного налога харадж с десяти собранных батманов 4 брали в пользу эмира⁶⁴. О. Д. Че-

⁵⁹ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1270, л. 65.

⁶⁰ Мухсинова К. З. Документы о крестьянских движениях в Бухарском ханстве в 80-е гг. XIX в. — «Из истории Средней Азии». Ташкент, 1965, с. 18.

⁶¹ Мухсинова К. З. К истории выступления бухарских крестьян против налогового гнета в конце XIX в. — «Проблемы востоковедения», № 1, с. 99.

⁶² Мухсинова К. З. Документы о крестьянских движениях..., с. 16—17.

⁶³ Мухсинова К. З. Новые данные о харадже. — ОНУ, 1969, № 11, с. 70.

⁶⁴ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 112, с. 70.

хович, проанализировав данные ряда источников, также пришла к выводу, что харадж собирался в размере 40% урожая⁶⁵. Таким образом, в конце XIX — начале XX в. размер основного поземельного налога хараджа в Бухаре достиг 40%.

В 1911 г. новый эмир Алимхан (1910—1920 гг.) под давлением России вынужден был провести некоторые реформы. В частности, официально было объявлено об установлении размера основного поземельного налога в $\frac{1}{10}$ часть урожая. Однако эта реформа не была претворена в жизнь.

Делая миллионные пожертвования царской России в период первой мировой войны, эмир перекладывал все эти расходы на плечи трудового народа. При Алимхане — последнем эмире Бухары — поборы и грабеж, эксплуатация народа достигли совершенно неслыханных даже для Бухары размеров. Харадж в 40% собирали не только с урожая зерновых, но также гузы, бахчей, огородов, садов и люцерны⁶⁶. Наряду с термином «харадж» в Бухарских туманах для обозначения основного поземельного налога употреблялся термин «муштбар»⁶⁷. Встречаются также термины «мал», «малиат», «мулькана».

Одновременно с хараджем собирали и некоторые другие налоги, например, кафсан, даругаги, мушрифана, сагубардари, сагударга, катибана, мухрана, саман-пули и другие, которые были вознаграждением сборщикам податей и их помощникам.

Кафсан взимался натурой для податного сборщика, размеры его не были точно определены. В Ширабадском вилайете в 80-е годы XIX в. податные сборщики по старинному обычаю должны были взимать полмана, т. е. по ширабадскому ману — 4 пуд. 32 фунта⁶⁸. Однако, не довольствуясь этим, сборщики требовали уплаты еще

⁶⁵ Чехович О. Д. О размере хараджа в Бухаре. — ОНУ, 1966, № 3, с. 39.

⁶⁶ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 112, л. 70; ф. И-126, оп. 1, д. 74, л. 29.

⁶⁷ Мухсинова К. З. О поземельном налоге муштбар. — Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 34—42.

⁶⁸ Мухсинова К. З. Документы о крестьянских движениях..., с. 12.

5 гарбилей⁶⁹ зерна (почти 10 пуд.), т. е. вдвое больше⁷⁰. Однако кафсан не всегда шел на содержание амлякдаров, а иногда сдавался в казну как дополнение к хараджу⁷¹. Сбор кафсана составлял от 16,5 до 57% налога хараджа⁷². Из отчетов амлякдаров Яртепа, Файзибада, Кармана и других известно, что кафсан собирали деньгами и отсылали правительству⁷³. В этом документе указано, сколько кафсана собиралось как дополнение к хараджу и предназначалось на пополнение казны и сколько для вознаграждения даруга.

Даругаги или кафсан-и даруга — сбор в пользу даруги. Последний упоминается не только в качестве сборщика налога, но и правителя небольшого сельского района в Бухаре в XIX и XX в.⁷⁴ Определенной нормы взимания налога в пользу даруги не существовало, она назначалась по обоюдному соглашению земледельца и даруги⁷⁵.

В вилайете Денау⁷⁶ по старинному обычаю в пользу даруги должны были взимать с каждого коша земли по одному ману зерна. Но при расследовании жалобы крестьян во время очной ставки податные сборщики вынуждены были признать, что взыскивали выше установленных норм. Амлякдары, нарушая традицию, брали с каждого мана по 20 фунтов, или в 15 раз больше. Кафсан-и даруга не всегда шел в доход даруге, иногда отправлялся в казну⁷⁷.

Мушрифана. Некоторые исследователи считают, что сбор, известный в Дарвазе под названием «мушрифана», в западных областях ханства назывался кафсан

⁶⁹ Гарбиль — решето, вмещавшее около 1 пуда зерна, иногда и более.

⁷⁰ Мухсинова К. З. К истории выступления бухарских крестьян, с. 99.

⁷¹ Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства... с. 35.

⁷² ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1262, л. 9, 60.

⁷³ Там же, д. 1080, л. 60.

⁷⁴ Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов... — «К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв.». М.—Л., 1954, с. 38.

⁷⁵ Хорошхин А. П. Заметки о поземельных сборах в Зарафшанском округе. — «Туркестанские ведомости», 1874, № 1.

⁷⁶ Мухсинова К. З. К истории выступления бухарских крестьян..., с. 98.

⁷⁷ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1080, л. 27.

и размерами был больше⁷⁸. Сбор в пользу мушрифана практиковался в Хиве. Я. Г. Гулямов утверждает, что это сбор в пользу чиновника, проверяющего урожай и устанавливающего его размеры⁷⁹. По мнению А. А. Семенова, мушрифана — это сбор в пользу мушрифана — счетовода амлякдара. В литературе нет сведений о размерах этого налога. Судя по указанию эмира Абдулахада правителю Знатдина о том, что правитель должен уплатить мушрифана по 1 танга с 10 ман зерна⁸⁰ можно полагать, что с населения этот сбор взимался в указанном выше размере.

Сагубардари в переводе означает сбор в пользу несущего сагу (особый сосуд, вмещающий до 10—15 ворохов зерна)⁸¹. А. П. Хорошхин считает, что этот сбор, как и кафсан, шел в пользу амлякдара⁸².

Сагударга. В литературе нет сведений об этом налоге. Судя по смыслу термина, сбор взимался в пользу дарги или даруги. В донесении, датированном 1882—1883 гг., сообщалось об отмене сагударга⁸³.

Катибана — сбор в пользу секретаря, сопровождавшего амлякдара и записывавшего размеры налога по его указанию. Что касается размера этого сбора, то в Денау, например, амлякдары, нарушая традицию, собирали с каждого мана одну тангу в пользу катиба.

Мухрана взимался даругой за опечатывание хирмана. Зерно после обмолота сыпалось на току, затем опечатывали специальными глиняными или деревянными печатями, чтобы крестьяне не смогли унести часть зерна до уплаты налогов. В вилайете Денау амлякдары взимали помимо сборов, установленных старинным обычаем мухрана с каждого мана зерна дунимсир, т. е. 20 фунтов⁸⁴. Мухрана также взималась за приложение пе-

⁷⁸ Латыпов Н. Л. К вопросу о социальных отношениях в Дарвозском бекстве накануне установления Советской власти. — «Ученые записки Кулябского госпединститута». Вып. 3, 1957, с. 116.

⁷⁹ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, с. 235.

⁸⁰ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1241, л. 1.

⁸¹ Кун А. Л. Бухарские порядки. — «Туркестанские ведомости», 1873, № 32.

⁸² Хорошхин А. П. Заметки о Зарафшанской долине. — «Туркестанские ведомости», 1873, № 12.

⁸³ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1267, л. 44.

⁸⁴ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 105, л. 2.

чати казиями и другими лицами духовного звания при составлении различных юридических документов.

Саман-пули — сбор с соломы. Саман-пули в Ширабадском вилайете взимали в размерах, превышающих норму, но в каких именно не указано. В анонимной рукописи ИВ АН УзССР, изученной О. Д. Чехович⁸⁵, имеется указание о сборе по бухарскому обычаю $\frac{1}{5}$ части соломы «в знак доброжелательности». Из отчета по туманам Камот, Шафрикам и Шахриислам видно, что сбор с соломы по этим туманам составлял довольно значительную сумму⁸⁶.

Помимо рассмотренных выше налогов и сборов существовали и такие, как, например, *разиона*, которые рассматривались как преподношение младшего должностного лица старшему по положению. На самом деле этот дар перекладывался на плечи народа.

Возможно, что *разиона*, судя по смыслу слова — согласие, ранее преподносилась по усмотрению и согласию должностных лиц. Однако в рассматриваемый нами период он превращается в принудительный сбор с населения⁸⁷. Должностное лицо докладывало эмиру, что Ашур Мухаммед эшикакбаши, человек, близкий к Алмасбеку потребовал по повелению эмира от амлякдара Мухаммад Юсуфа мирахура *разиона* в сумме 200 тыс. танга. Должник выехал в кишлак на 20 дней для сбора хараджа, кафсана, мирабона и т. п.⁸⁸ и намерен одновременно собрать требуемую сумму *разиона*. Так, *разиона* взималась с населения, превращаясь в дополнительный налог. Брали *разиона* и местные правители.

Залят взимался в размере $\frac{1}{40}$ части стоимости облагаемого предмета. Этот налог собирали со скотовладельцев, с настрига шерсти, а также с торговли.

Сборщики *залята* часто увеличивали этот налог. Пересчет скота производился через каждые 3—5 лет по особому распоряжению эмира, поэтому по сравнению с прошлыми годами брали за приплод, не учитывая падежа скота, в связи с чем фактически размер *залята* часто во много раз превышал норму. *Залят* собирался

⁸⁵ Чехович О. Д. О размере хараджа в Бухаре. — ОНУ, 1961, № 3, с. 39.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1271, л. 5, 6, 14.

⁸⁸ Там же, д. 1267, л. 58.

деньгами и собранные суммы отправлялись в казну. Сборщики *залята* одновременно с деньгами посылали эмиру подарки, называемые *сарупо*. Стоимость их также входила в общую сумму *залята*.

В донесениях правителя Бальджуана Рахманкула-бека диванбеги сообщалось эмиру о том, что после расследования жалобы эльбеги, старейшин и богачей на то, что после падежа скота в холодную зиму пересчет скота не производился, установлено, что количество *залятов* было завышено на 114⁸⁹, т. е. на 4 560 голов. Необходимо указать, что при подсчете поголовья скота взимали один *залят* с каждых 40 голов. Таким образом, сборщики *залята*, специально назначаемые эмиром, часто произвольно завышали количество голов скота. Так, жители Кунграта вилайета Гузар жаловались на сборщиков налога с мелкого рогатого скота, которые собирали по 10 *залятов*, хотя было только 8. В Куш-кумаре с 3 человек было взято 16 *залятов*, хотя в предыдущем году они платили по 11 *залятов*. Рахманкул бий парвоначи писал эмиру, что Худай Назар аталык собирал *залят* путем назначения цифры сбора для каждой местности⁹⁰.

Из донесения должностного лица Чарджойского вилайета мы узнаем, что правитель Чарджоу и Бурдалыка Низамитдин ходжа дадхо с каждого *залята* раньше собирал по 20 танга, в этом же году, сообщает автор, он собрал по 40 танга. Один из чиновников Чарджоуского вилайета писал эмиру, что правитель Чарджоу сказал: «обычно с баранов платили по 20 танга, в текущем году в связи с высокими ценами на базаре должны платить за каждый *залят* по 40 танга». И далее, автор сообщал эмиру, что сборщик *залята* Насрулла ходжа мирахур, явившись в Бурдалык, начал собирать *залят* с баранов по 40 танга, со шкурок — 12 танга, с шерсти — 10 танга — всего с каждого *залята* по 62 танга⁹¹. В общине Кара-Янтаг сборщики, присланные хакимом Нураты, предложили выплатить населению по 20 танга с каждого *залята*, говоря, что если будете платить сборщику *залята*, то последний собирает по 41 танга⁹². В Кулябе 1 *залят* с баранов составлял 48 танга, с коз — 24

⁸⁹ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1159, л. 93.

⁹⁰ Там же, д. 1155, л. 3; д. 2267, л. 33; д. 1159, л. 99.

⁹¹ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1154, л. 28.

⁹² Там же, д. 1159, л. 33.

танга⁹³. В местности Карнаб закят с овцы составил 40 танга, с «казахской» овцы — 30 танга, с козы — 16 танга⁹⁴. Закят с шерсти взимали по-разному. Мы уже указывали, что в Бурдалыке собирали за настриг шерсти по 10 танга⁹⁵ с каждого закята, с эрсарийцев — по 6 танга⁹⁶.

Помимо закята по старинному обычаю в Бальджуане с каждых 10 закятов брали 3 танга и с 15 закятов — по 4 танга за приплод. С каждого закята по налоговым книгам прошлых лет взимали 2 танга каламана⁹⁷, сбор, видимо, в пользу секретаря.

Таким образом, размер закята увеличился более чем вдвое, вместо 20 танга за каждый закят начинают взимать по 40—48 танга, а если считать закят за настриг шерсти, за приплод и сбор в пользу секретаря каламана — то до 62 танга. Точно определенный шариатом налог в 1/40 стоимости облагаемого имущества возрастает с 20 танга за один закят до 40—48 и даже 62 танга, т. е. более чем в три раза.

По отчетам сборщиков закята — savoим и информации местных должностных лиц эмиру о собранной сборщиками сумме, видно, что в Бальджуане собирали закят в размере 225 тыс. танга, по данным сборщика закята, и 265 тыс. танга по данным местных должностных лиц. Эти разноречивые данные получались, вероятно, потому, что сборщики закята часть собранного налога пытались утаить, но местные должностные лица сообщали эмиру свои подсчеты, которые, видимо, были более точными, чем у сборщиков закята. В Кулябском бекстве закят составлял 70 тыс. танга, Гузарском вилайете — 140 тыс., Ширабаде — 100 тыс., Денау — 75 тыс., Керки — 38 тыс., Шахрисабзском вилайете — 135 тыс., Бурдалыке, Шурчи, Кухнашре, Нарзыме — 50 тыс., Мианкале и Харканруде — 60 тыс. танга⁹⁸ и т. д.

Закят-чекана. По шариату лица, имеющие меньше 40 голов скота, освобождались от закята, но фактиче-

⁹³ Там же, д. 1183, л. 3.

⁹⁴ Там же, д. 1159, л. 1.

⁹⁵ Там же, л. 28.

⁹⁶ Там же, д. 1186, л. 3.

⁹⁷ Там же, д. 1271, л. 11; 17, 19; д. 1159, л. 3, 71; д. 1154, л. 6, 46, 56.

⁹⁸ Там же, д. 1271, л. 11.

ски в Бухаре с таких лиц взимался закят-чекана, что означает мелкий закят. Из мубарак-нама эмира⁹⁹ от 1302 г. х. (1484/85 г.) мы узнаем о жалобе жителя местности Чингиз вилайета Хатырча Абдушукура на сборщика налога, требующего закят с 12 овец. Эмир в своем мубарак-нама повелевал должностным лицам проверить жалобу и если у него не более 12 овец, налог не взимать. Таким образом, грубо нарушались сложившиеся издавна нормы взимания налога.

Из донесения Рахманкула бия парваночи эмиру мы узнаем, что Худай-Назар аталык взимал закят-чекана путем назначения определенных сумм для каждой местности. Население Муминабада должно было сдать 2 тыс. танга закят-чекана, Доуба — 3 тыс. танга, хотя при подсчете баранов оказалось, что сумма сбора закята должна быть меньше назначенной¹⁰⁰. Вместе с закятом взимался сбор *сурукана* или *хасуна-пули*, а также *чуп-пули* за пользование пастбищами. Обычно этот сбор взимался баджгиром, а иногда амлякдаром.

Аминана — налог, взимаемый при продаже товаров и скота, был введен эмиром Музаффаром на военные нужды в размере 1,5% стоимости товара и существовал вплоть до революции¹⁰¹. Из периодического он превратился в постоянный налог, вызывавший массу нареканий на бухарское правительство со стороны русских фирм. Только с 1 октября 1915 г. удалось добиться взимания вместо аминаны с хлопка, покупаемого русско-подданными, закята¹⁰². Сбор аминана с базаров вилайета Керки составлял 92 тыс. танга. Налогом облагались торгующие на базарах, а недостающая часть денег складывалась на население¹⁰³. Аминана сдавалась на откуп, собранные суммы отсылались в казну. Арендаторы старались собрать значительно больше обусловленной суммы. Базары отдавались с торгов тому, кто был более платежеспособен¹⁰⁴.

Джизия — поголовная подать, уплачиваемая совер-

⁹⁹ Там же, д. 1270, л. 45.

¹⁰⁰ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1159, л. 99.

¹⁰¹ Семенов А. А. Очерки поземельно-податного устройства, с. 53.

¹⁰² Там же, с. 48.

¹⁰³ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1247, л. 36.

¹⁰⁴ Там же, д. 1242, л. 3.

шеннолетними бухарскими подданными немусульманами — евреями и индусами. В ханстве проживало около пяти тысяч индусов, которые делились на три разряда: высшие, средние и низшие. Высшие платили в год 48 танга, средние — 24, низшие — 12. Общая сумма джизии, поступавшая в казну ханства только от индусов, определяется в 15 тыс. танга¹⁰⁵.

Помимо налогов с населения ханства взимались всевозможные сборы. Так, при оформлении брачного договора брачующиеся выплачивали казиям *никахона*. По указу эмира с девушек взыскивалось десять танга, с вдов — пять. За раздел наследства казии взимали *тари-кана*. Определенного размера платы не существовало, обычно со 100 танга платили 10 танга, с 1000 — 50 танга¹⁰⁶. За оформление юридических документов купли-продажи, заклада или аренды казиям выплачивались *мухрана* — сбор за приложение печати. За обучение детей раисам выплачивали *мактаб пули*, размер этого сбора составлял обычно 15—20 танга¹⁰⁷. В Ширабадском вилайете раис сверх обычного взимал еще по 20 танга ежемесячно¹⁰⁸.

В бухарских туманах в пользу казиев собирались сборы *ускуна-пули* со строений и насаждений, *чигри-пули* — за орошение водой из чигирей, *лябаки-пули* за использование воды каналов, отведенных от магистральных, *джуйча-пули* — за орошение из арыков.

В пользу мирабов, ведавших местной ирригацией, выплачивали сбор *мирабана*. В Денауском вилайете, например, взимали мирабана в размере 1 мана зерна с каждого коша земли¹⁰⁹.

Население ханства, продавая на базарах продукты своего труда, должно было платить *таразу-пули* за взвешивание. С хлопка, например, при взвешивании платили по 1—1,5 чорака¹¹⁰ с каждого батмана¹¹¹. *Тагиджай*

¹⁰⁵ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 74, л. 401—403.

¹⁰⁶ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 1271, л. 44.

¹⁰⁷ Там же, д. 1001, л. 18.

¹⁰⁸ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 1267, л. 80.

¹⁰⁹ Мухсинова К. З. К истории выступления бухарских крестьян..., с. 98.

¹¹⁰ Чорак — 5 фунтов. Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970, с. 87.

¹¹¹ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1270, л. 30.

— плата за место на базарах. С ослиного вьюка бердана взимали четыре монеты, за вьюк камыша — две монеты. В Карши встречается *тахти-джай* — сбор, взимаемый за место, предоставляемое скоту на базарах. Кроме того, с каждого вьюка товара, привозимого на базар, взыскивались по три танга *той-пули*¹¹².

В Туркестанском генерал-губернаторстве за пользование местом на базаре платили тагджай. В 1874 г. этот сбор взимался по 15 коп. в месяц с каждого торговца, получившего на базаре место для товара. В 1879 г. этот сбор на территории Туркестанского генерал-губернаторства был отменен.

Кроме перечисленных, на базарах существовал маклерский сбор — *даллали*. Такие товары, как хлопок, каракуль вообще без маклеров не продавались. Этот сбор обычно взимался вместе с аминана.

При заготовке топлива платили сбор *утин-пули*. Он взимался по два танга в год с хозяйства для обеспечения дровами чиновников и нукеров во время пребывания их у бека¹¹³. С резки и продажи камыша амлякдары взыскивали с каждой вязанки восемь пулей, с лошадиного вьюка — 0,5 танга и с воза — 2 танга¹¹⁴. Помимо перечисленных существовало еще множество сборов: *отчапар-пули* — за оповещение о начале сбора налогов, *джуя-мали* — с незрелого урожая, оставшегося на корню, *суши-пули* — за убой скота, *кудук-пули* — за пользование водой из колодцев в степи, *су-пули* и *кима-пули* — за переправу грузов через реку, *барг-мали* — за сбор листьев шелковицы и т. д.

Наряду с перечисленными сборами население платило эмирским чиновникам, направляемым для разбора жалоб *хизматана* за службу, услуги или *фарсах-пули* — путевые деньги. Размеры хизматана колебались от нескольких десятков до нескольких сотен танга. Так, крестьяне Муминабада Кулябского вилайета преподнесли прибывшему для расследования их жалобы Хазраткулу

¹¹² Там же, д. 1073, л. 1; Мукминова Р. Г. К изучению среднеазиатских терминов тагджа, сукнийат, ички. — В сб.: Письменные памятники Востока. Ежегодник. М., 1968 г., 1970, с. 128.

¹¹³ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана..., с. 123.

¹¹⁴ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1267, л. 27.

мирахуру махраму 600 танга хизматана¹¹⁵. В одном из ариза содержится жалоба на чиновника, прибывшего для разбора иска на сумму 1500 танга и взявшего 230 танга хизматана¹¹⁶.

Эмиром Алим ханом были установлены хизматана амальдарам 10 танга, махрамам и есаулам — 5, шагирд-пишегонам с чинном — 7 танга, без чина — 4 танга¹¹⁷. В основном расходы приезжавших для разбора жалоб чиновников оплачивало население.

Перечисленные налоги и сборы являлись только одной из форм феодальной ренты. Существовала в Бухаре и другая ее форма — барщина в виде хашаров, когда крестьян приглашали под видом помощи поработать на землях феодалов. Крестьяне выполняли также различные повинности, например, конарга по постою проходящих должностных лиц, джаморга — по перевозке, приему и содержанию приезжих чиновников, улак — подводная повинность и т. д. Все эти виды барщины тяжелым бременем ложились на плечи населения.

Хашар издавна был распространен на территории Средней Азии как форма взаимопомощи¹¹⁸. Крупные феодалы, духовенство и чиновники под видом хашара эксплуатировали беднейших крестьян. Вопреки обычно организаторы хашаров — баи и чиновники стали отказываться даже от традиционных угощений участников. Необходимо указать, что хашары устраивались обычно в наиболее «горячую» для крестьян пору, когда необходима была срочная вспашка или уборка урожая. Отказаться от участия в подобных хашарах беднейшие крестьяне не могли, боясь преследований со стороны феодалов и баев.

Казий Ширабадского вилайета мулла Исаматдин доносил эмиру, что крестьяне жалуются на бека и амлякдара, заставлявших их работать на своих землях¹¹⁹.

¹¹⁵ Там же, д. 1271, л. 6.

¹¹⁶ Там же, л. 25.

¹¹⁷ Там же, д. 1001, л. 27.

¹¹⁸ Гафуров Б. Г. История таджикского народа. Т. 1, с. 339, 406; Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Воло. — «Труды Института антропологии, этнографии и археологии». Т. X. М.—Л., 1936, с. 29—30; Рахимов М. Р. Земледелие..., с. 121—123.

¹¹⁹ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1268, л. 76.

Интересно, что в данном документе слово «хашар» даже не упоминается, ибо добровольный хашар уже превратился в принудительные отработки. В другом документе — ариза мулла мир Нигмат раиса муфтия сообщалось о трех танапах земли мамляка-и султани в Яркобаге, для обработки которой хакимы брали по паре быков с каждого амляка¹²⁰. По подсчетам Н. А. Кислякова, только сельскохозяйственные хашары в Каратегине отнимали у населения ближайших к центру бекства кишлаков до 15 дней в году¹²¹.

Общественные работы по очистке оросительной сети, устройству запруд, постройке и починке дорог и мостов, проводимые с привлечением бесплатной рабочей силы, также назывались *хашаром*. Для его организации чиновники сообщали эмиру о необходимости его проведения и получали соответствующее разрешение. Затем население оповещалось о первом дне хашара и о нормах поставки рабочих. Так, в Нахрпае с каждого коша брали по два человека для ремонта смытого селем арыка¹²².

Хашар длился обычно один-два дня, причем в течение года такие мероприятия проводились несколько раз. Но были и более продолжительные хашары. Например, хашар в тумане Хутфар проводился в течение девяти дней¹²³. Велся ежедневный строгий учет лиц, пришедших на хашар с занесением их имен в список¹²⁴. С невышедших на хашар взимали штраф — баки-пули. Не участвовали в хашарах и не платили штрафа владельцы танхо¹²⁵.

Для строительных, слесарных и плотницких работ, называемых *бегори*, привлекались работники на более продолжительный срок.

Многочисленные налоги и повинности как основная форма феодальной эксплуатации тяжелым бременем ложились на плечи трудящихся масс ханства. В каждой отдельной местности взимались определенные виды

¹²⁰ Там же, л. 56.

¹²¹ Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина. Душанбе, 1954, с. 144, 145.

¹²² ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1270, л. 16.

¹²³ Там же, д. 1072, л. 4.

¹²⁴ Там же, д. 1272, л. 4; д. 1072, л. 3.

¹²⁵ Там же, д. 1268, л. 88.

налогов и сборов, входивших в та'амулли-кадим. Точных, твердо установленных норм сбора не было, и это открывало широкое поле для злоупотреблений податных сборщиков. После присоединения к России, когда ханство стало втягиваться в мировое товарное обращение, наблюдается тенденция роста налоговых ставок. В целях ограничения произвола податных сборщиков, под давлением выступивших против произвола крестьян производится фиксация старинных форм сбора сверху. Но и это не помогает. В конце XIX—начале XX в. размер одного только основного поземельного налога-хараджа достигал 40% урожая, а в общем с крестьян взимали со всеми дополнительными налогами более 50% урожая.

Демократическое и революционное движение

В результате присоединения Средней Азии к России и установления системы колониальной эксплуатации усиливается разорение, обезземеливание и обнищание мелкого крестьянства, резко ухудшается его положение. Жестокий социальный и национально-колониальный гнет вызывает рост недовольства дехкан, активизацию крестьянского движения.

Мы собрали материалы о фактах народного недовольства, в частности о крестьянских жалобах, отправке ходяков с жалобами на злоупотребления местной администрации, об отказе платить налоги, о бегстве крестьян в другие области, в Афганистан и т. д. Эти данные до настоящего времени не привлекали внимание исследователей, несмотря на то, что представляют значительный интерес, поскольку отражают причины недовольства крестьян чрезмерно усиливающимся феодальным гнетом.

Несмотря на преследования за жалобы крестьяне бухарского ханства постоянно протестовали против чрезмерной эксплуатации и тех действий администрации, которые они считали незаконными. В тех случаях, когда жалобы оставались безответными, крестьяне жаловались вторично, и в конце концов переходили к более решительным действиям — отправке ходяков, отказу от уплаты налогов, бегству в другие области, избие-

нию должностных лиц, и, наконец, к массовым вооруженным восстаниям.

Восстание в Бальджуане в 1870 г. После присоединения Восточной Бухары к ханству, в отдаленные восточные области были направлены наиболее надежные и преданные эмиру чиновники. Так, в Бальджуанское бекство был назначен Абдалкарим — сын бывшего самаркандского бека Ширали инака. Став беком, Абдалкарим произвольно увеличил размер податей, собираемых с жителей. Бальджуанцам налог этот показался обременительным, и они просили правителя об уменьшении налога, однако их просьба не была удовлетворена, что послужило поводом к восстанию. Около 2 тыс. крестьян окружили бальджуанскую крепость. Абдалкарим успел бежать в Гиссар, восставшие заняли крепость и разграбили имущество бека¹²⁶. Отказавшись от преследования врага и уничтожения бекского отряда, повстанцы занялись дележом добычи. Многие, получив свою долю, вернулись в родные кишлаки, что ослабило силы повстанцев.

Заметив еще до осады крепости волнение крестьян, Абдалкарим просил у соседних беков военной помощи. Правитель Гиссара Якуб кушбеги направил вооруженный отряд, узнав о приближении которого, безоружные повстанцы отступили в Дарбан — самостоятельное владение, лежащее к юго-западу от Каратегина.

Восстание 1870 г. явилось первым после присоединения к России выступлением против произвола бухарской администрации. Однако оно было стихийным и неорганизованным, а потому обреченным на провал.

Волнения в Гузаре и Карши в 1871 г. В марте 1871 г. голод в Гузаре вызвал народное волнение. В нем принимали участие крестьяне окрестностей Гузара. Количество участников волнения для тех времен было огромное — более 10 тыс. человек. Однако достаточно было несколько выстрелов, чтобы разогнать собравшихся.

Начальник Зарафшанского округа письмом от 9 марта 1871 г. сообщал Туркестанскому генерал-губернато-

¹²⁶ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 67, л. 35—35 об.; См.: Хамраев М. Очерки истории Гиссарского бекства конца XIX — начала XX в. — «Труды АН ТаджССР». Т. CXIV. Душанбе, 1959, с. 80—81; Стеценко М. А. Указ. соч., с. 103—104.

ру, что «окрестные Гузару жители, вынужденные голодом, собрались в числе от 10 до 20 000 человек, направились в Гузар и разграбили его базары и все, что попадалось под руки. В общей свалке, по рассказам, несколько человек убито. Говорят, что толпа пробиравалась в урду, где находятся помещения бека; но крепкое помещение урды, а главное, несколько выстрелов, сделанных со стен, заставили толпу разбежаться»¹²⁷.

Таким образом, стихийные крестьянские волнения без определенного руководства и ясно намеченных задач, немедленно подавлялись.

Вслед за Гузаром началось волнение в Карши. Причина волнения была та же — голод. 11 марта 1871 г. начальник Зарафшанского округа писал: «Жители Карши, воспользовавшись обстоятельством смерти сына эмира бухарского, бывшего беком в Карши, вынужденные голодом, разграбили урду и произвели беспорядки»¹²⁸.

И в Гузаре, и в Карши население, доведенное до отчаяния, вынуждено было грабить базары. Жители Гузара только сделали попытку пробраться в урду, население Карши даже захватило крепость.

Волнения в Бальджуане в 1874 г.¹²⁹. Налоговый произвол Абдурахман хаджи судура — правителя Бальджуана явился поводом к волнению локайцев, кочевавших в горах вблизи Бальджуана. Узнав об этом, начальник бухарских войск, размещенных в Бальджуане, уговорил локайцев написать жалобу эмиру, сам же предательски захватил семерых зачинщиков и отослал их в Бухару, после чего волнение стихло само собой. Судя по рапорту Н. Маева от 1 июля 1875 г. Туркестанскому генерал-губернатору, эти семеро арестованных были казнены¹³⁰.

Восстание в Муминабаде Кулябского вилайета. В конце 1885 г. произошло восстание в Муминабаде¹³¹,

¹²⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 109, л. 17.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Н. Маев в своем рапорте от 1 июля 1875 г. писал, что волнение началось семь месяцев тому назад, т. е. в начале декабря 1874 г. (ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 236, л. 22—22, об.).

¹³⁰ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 236, л. 22—22, об.

¹³¹ Мухсинова К. З. Документы о крестьянских движениях в Бухарском ханстве в 80-е гг. XIX в. — В сб.: Из истории Средней Азии. Ташкент, 1965, с. 5—23.

вызванное налоговым произволом кулябского бека и сборщиков налогов.

После получения «эмирской грамоты» со справочными ценами и начала сбора хараджа в ряде местностей Кулябского вилайета, например в Куль-тибли, крестьяне, возмущенные действиями амлякдара, который взыскал с них налог сверх положенного, послали ходоков к эмиру, а сами прекратили уплату налогов, выжидая, пока вернутся их посланцы¹³². Узнав, что их ходоки арестованы хакимом Куляба, крестьяне направились в сторону Куляба, видимо, в резиденцию правителя, чтобы объяснить причину отправки ходоков и добиться их освобождения. Мухаммад Назир бек бий направил к прибывшим крестьянам своих чиновников, чтобы те уговорили их, но никакие уговоры не помогли. Крестьяне окружили чиновников, избили их, и, выместив на них свои обиды, силой повели за собой в Бальджуан¹³³. Узнав о прибытии муминабадских крестьян с их пленниками, хаким Бальджуана послал к ним человека. Крестьяне сообщили ему причину своего прихода¹³⁴.

Бальджуанский правитель Рахманкул бий парваначи сумел уговорить пришедших крестьян вернуться назад. Однако восстание не прекратилось. В самом Муминабаде события развернулись следующим образом. Во главе восставших стояли мулла Мирза, Барат, Саид, мулла Давлат и др. Крестьяне отказались платить налог, некоторые даже самовольно унесли с гумна зерно нового урожая¹³⁵. С каждым днем движение все ширилось, принимало более ясный классовый характер, и в походе на Муминабад в начале декабря 1885 г. достигло своей кульминации. Бедняки окрестностей Муминабада, вооружившись ножами и палками, вошли в Муминабад, избили всех родовитых сановников, вторглись в их жилища. Правитель Куляба Мухаммад Назир бек бий, получив известие о дальнейшем развитии восстания, послал в Муминабад своего представителя. Из Бухары для расследования положения дел прибыл второй чиновник — Аллаяр мирахур, к которому привели некото-

¹³² ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1266, л. 14.

¹³³ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1266, л. 14.

¹³⁴ Там же, л. 13.

¹³⁵ Там же, л. 12.

рых из восставших. Однако Аллаяр мирахур, ввиду напряженной внешней обстановки¹³⁶, ограничился уговорами раскаяться и отпустил крестьян. Необходимо отметить, что руководители восстания умело использовали момент, поднимая народ тогда, когда все военные силы кулябского бека были брошены на odpor внешнему врагу. В документе подчеркивается: «Во время появления афганцев на берегу реки, когда все войска и нукеры находились на берегу Дарьи, те же люди вновь толкнули крестьян к мятежу»¹³⁷. Здесь имеется в виду переход афганцами реки Пянджа и занятие бухарской крепости Саяд¹³⁸. В момент вооруженного восстания крестьян окрестностей Муминабада местная администрация оказалась не в силах что-либо предпринять, ограничиваясь уговорами. Правитель Куляба Мухаммад Назир бек бий не выполнил приказа эмира «о наказании 2-3 крестьян в назидание другим» и вынужден был прислать эмира прислать войска¹³⁹.

Поскольку описанные выше действия крестьян Муминабада не принесли ожидаемых результатов, часть руководителей восстания — Рахман, мулла Саид, мулла Назри и Одина Мухаммад направились к эмиру с жалобой на произвол чиновников, а оставшиеся Мухаммад Саид, мулла Мирза, мулла Барот и Мухаммад Алим продолжали агитировать крестьян не платить налог до возвращения ходоков. Мухаммад Назир бек бий писал эмиру: «Замыслив беспорядок, эти люди более не успокоились и постоянно прилагают старания к мятежу и бунтарству, не соглашаясь отдать харадж»¹⁴⁰.

Конечным результатом восстания было смещение ненавистного правителя Куляба Мухаммад Назир бия. Однако народу такой исход ничего не дал. Ставленники бухарского эмира — местные чиновники, против которых в основном и был направлен гнев восставших, остались на своих местах и продолжали нещадно эксплуатировать крестьян. Восстание в Муминабаде, как и все подобные выступления, носило стихийный и разрозненный характер, а потому было обречено на поражение.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же, ф. И-3, оп. 1, д. 3, л. 56.

¹³⁹ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 1266, л. 3.

¹⁴⁰ Там же.

Восстание в Муминабаде датировано нами на основании изучения содержания документов. Основными данными для датировки явились даты на оттисках именной печати правителя Куляба Мухаммад Назир бия «1302» и «1303 г. х.», т. е. 1884—1886 гг. По архивным данным, в 1884 г. беком Куляба действительно был Мухаммад Назир бий¹⁴¹. В восьмом из изучавшихся нами муминабадских документов сообщается о прибытии в Куляб Мирзы Нурутдина Караулбеги из Бухары для проверки и приема финансовой отчетности бека Куляба Мухаммад Назир бия. В этом донесении точно сообщается дата прибытия мирзы Нурутдина Караулбеги — «20 джумади-ас-сани», четверг»¹⁴².

Из документа архива Российского политического агентства, датированного 12 марта 1886 г., мы узнаем, что ожидалось смещение кулябского бека Мухаммад Назир бия¹⁴³. 20 джумади-ас-сани в 1886 г. приходится на 16 марта 1886 г.¹⁴⁴. Следовательно, Мухаммад Назир бий правил Кулябом в 1884 г. и до 16 марта 1886 г. Упоминание в донесениях о покойном эмире поэтому может относиться только к эмиру Музаффару (1855—1885 гг.), умершему в ночь с 30 на 31 октября 1885 г.¹⁴⁵. Таким образом, рамки датировки восстания уже сужаются — после 31 октября 1885 г., но до 16 марта 1886 г.

В четвертом¹⁴⁶ из анализируемых нами документов упоминается о переходе афганскими войсками Дарьи и военных действиях на бухарской территории. Из материалов Российского политического агентства мы узнаем о переходе афганскими войсками реки Пяндж и занятии бухарской крепости Саяд¹⁴⁷. Донесение об этом событии датировано 9 декабря 1885 г. В докладной записке генерального штаба капитана Покотило Туркестанскому генерал-губернатору также сообщалось о переходе в начале декабря 1885 г. афганскими войсками Дарьи в направлении к Кулябу. Таким образом, поход

¹⁴¹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 609, л. 97.

¹⁴² Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 1561, л. 12.

¹⁴³ Там же, ф. И-304, оп. 1, д. 3, л. 177.

¹⁴⁴ Синхронистические таблицы для перевода дат по хиджре на европейское летоисчисление. М.—Л., 1961, с. 267.

¹⁴⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 639, л. 1.

¹⁴⁶ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 1261, л. 12.

¹⁴⁷ Там же, ф. И-3, оп. 1, д. 3, л. 56.

повстанцев на Муминабад, когда движение достигло своей кульминации, можно датировать началом декабря 1885 г. Наша датировка подтверждается также рапортом управляющего нагорными тюменями от 14 декабря 1885 г. начальнику Зарафшанского округа, в котором сообщалось, «что по причине возбуждения кулябских жителей на усмирение их двинуты войска из Кара-тегина»¹⁴⁸.

Таким образом, восстание в Муминабаде мы датирuem после 31 октября, но до 14 декабря 1885 г. Помимо приведенных выше основных данных для датировки документов и установления имен авторов донесения мы привлекали множество других архивных данных. Поскольку ранее считалось, что в 1885 г. произошло восстание Восе в Бальджуане, мы решили в общих чертах дать обоснование нашей датировки восстания в Муминабаде.

Выступления крестьян Ширабадского вилайета в 1885—1886 гг. Поводом к выступлению крестьян Ширабада послужило завышение податными сборщиками нормы сбора налогов. Горцы местности Дахпаракента Ширабадского вилайета отказались от уплаты налогов и отправили к эмиру ходоков с жалобой. Крестьяне получили поддержку у местной низовой администрации, и местные податные сборщики были вынуждены в присутствии аминов пересчитать всю сумму налога и вновь потребовать его уплаты¹⁴⁹. Но новый подсчет также не удовлетворил крестьян, и они в течение еще 30—40 дней отказывались платить налоги. Для разбора жалобы из Бухары прибыл специальный чиновник — Бабаджан Дживачи ясаул.

Безрезультатность первых двух жалоб вынудила ширабадских крестьян жаловаться в третий раз. От имени народа выступили представители низовой сельской администрации, а также наиболее зажиточной части населения, на которое также распространился произвол податных сборщиков. Для разбора жалобы ходоков прибыл из Бухары мулла Шараф мирахур амальдар махрам. В результате расследования был установлен факт злоупотребления амлякдаров. Так, амлякдары вместо

¹⁴⁸ Там же, ф. И-5, оп. 1, д. 1616, л. 276.

¹⁴⁹ Там же, ф. И-5, оп. 1, д. 1616, л. 276.

четырёх ман зерна брали восемь ман¹⁵⁰. С крестьян Ширабада взималось в качестве хараджа от 40 до 50% урожая, различных дополнительных сборов — до 10%, т. е. всего от 50 до 60% урожая¹⁵¹. Тяжелый налоговый гнет заставил крестьян обратиться с жалобой к властям.

Мулла Шараф мирахур амальдар махрам предложил в целях успокоения населения выдать на руки крестьянам специальную, заверенную местными должностными лицами грамоту, дабы впредь налоги взыскивались в соответствии с нормами, указанными в этой грамоте¹⁵². Перед нами — яркий пример фиксации традиции. Фиксация старинных норм сбора налогов происходит не только из-за боязни восстания крестьянства, но и потому, что эмир не был заинтересован в грабительских действиях со стороны местной администрации, ибо разоренные амлякдарами крестьяне не могли быть аккуратными налогоплательщиками, пополняющими его казну. Местные же администраторы, которые часто перемещались по службе, старались как можно больше выжать из народа с целью собственного обогащения.

Ни жалобы, ни ограничения налогового произвола администрации фиксацией налоговой традиции не меняли угнетенного положения крестьян. Не выдержав усиливающегося налогового гнета, крестьяне бросали свои дома и земли, бежали в другие местности, а некоторые даже — в Афганистан¹⁵³. Так, жители местности Янгирька Кикиту, не поладив со своими амлякдарами при уплате налога, переехали в местность Салихабад Ширабада¹⁵⁴.

Ухудшение положения населения Ширабадского бекства отмечается и в докладах Российского политического агента: «Общее положение дел в Ширабадском бекстве нельзя назвать удовлетворительным. К старым несчастьям бекства — маловодью, малоземелью, общей бедности, задолженности, произволу и алчности администрации, вызвавшем в прошлом году отлив населения

¹⁵⁰ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 1267, л. 17.

¹⁵¹ Мухсинова К. З. Документы о крестьянских движениях в Бухарском ханстве в 80-е гг. XIX в., с. 16—17.

¹⁵² ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1267, л. 80.

¹⁵³ Там же, ф. И-3, оп. 2, д. 449, л. 44.

¹⁵⁴ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 1201, л. 17.

в Афганистан, присоединились еще новые факторы: растущая дороговизна на предметы продовольствия, отсутствие правильного подвоза их из соседних бекств и Афганистана, падеж скота и обеднение хозяйства»¹⁵⁵.

Волнение крестьян в Гиссаре и в Бальджуане в 1886 г. В июле 1886 г. произошло столкновение между крестьянами Гиссара и сборщиками налогов. Об этом упоминается в письме Российского императорского политического агента Н. Чарыкова от 9 августа 1886 г.¹⁵⁶.

В фонде Кушбеги эмира бухарского сохранилось донесение муллы мир Ахмад раиса¹⁵⁷ эмиру о правителе Гиссара, направившем на сбор хараджа вместе с амлякдарами своих людей. Однако население категорически отказалось платить налог, обосновав свой отказ тем, что хаким самовольно приказал начать сбор налога, не дожидаясь указания правительства. В местности Ханоко крестьяне избili явившегося для сбора хараджа Абдурахмана мирахура амлякдара. Автор донесения сообщает эмиру, что хакимом недовольны не только жители, но даже его приближенные. Правитель Гиссара Абдулмумин хан, чувствуя, что дни его правления в Гиссаре сочтены, старался выкачать с населения как можно большую сумму. Однако крестьяне Гиссара не только категорически отказались платить налоги, но и дали должный отпор явившемуся для сбора налогов амлякдару.

Восстание на Яхсу в 1886 г. О восстании на Яхсу мы узнаем из донесения чиновника из Дарваза, побывавшего на Яхсу. Он писал: «Некоторое время тому назад в местности Яхсу среди жителей появились люди, ведущие агитацию о том, чтобы не платить налога. Каждый из ведущих агитацию стал хозяйничать в своей общине и собирать никах, тарика и другие сборы, не допуская, чтобы их посещали казии. Обо всем этом писались жалобы покойному эмиру, но ходоков, поехавших с жалобой к эмиру, арестовали. Эмир прислал грамоту об аресте агитаторов. После получения эмировского повеления Мир бий парваначи направил людей для ареста «агитаторов». Но вскоре вступил на престол новый эмир и

¹⁵⁵ Там же, ф. И-3, оп. 2, д. 449, л. 44.

¹⁵⁶ Там же, ф. И-1, оп. 34, д. 668, л. 11.

¹⁵⁷ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 1201, л. 7.

приказ об аресте был позабыт. Местный правитель, временно приостановив преследование, оставил в Яхсу «авторитетного» человека для наблюдения за этими людьми. Упомянутые выше люди, ведущие «агитацию» против власти, снова «подняли голову» и заявили, что власть принадлежит им, а мангытов они к себе не пустят, управление родиной возьмут в свои руки. Здесь восстание приобретает национально-освободительный характер. «Эти люди выгнали представителя местного правителя, заявив, что в их дела не должен вмешиваться кто-то чужой»¹⁵⁸.

Документ не датирован. Он написан на белой, русской бумаге, которая стала широко применяться только во второй половине XIX в. Упоминание в тексте донесения Мир бия парваначи (без имени), как человека всем известного, встречающегося также в донесениях о муминабадском восстании, свидетельствует, что анализируемый документ относится к тому же времени, что и муминабадские документы, т. е. к восьмидесятым годам. Поэтому сообщение о вступлении на престол нового эмира может относиться только к эмиру Абдалахад хану, начавшему свое правление после смерти отца 31 октября 1885 г.¹⁵⁹.

В рассматриваемом ариза махрама Дарваза рассказывается о восстании населения местности Яхсу, начавшемся до вступления на престол нового эмира, т. е. до 31 октября 1885 г. Из текста донесения видно, что восстание на Яхсу при новом эмире началось через значительный промежуток времени после первого выступления, о котором, как сказано в донесении, уже позабыли. Поэтому можно предположить, что между этими выступлениями прошло значительное время, возможно, год или два, когда восставшие жители Яхсу выгнали посланца хакима, направленного для сбора податей, заявив, что управление возьмут в свои руки, а мангытов к себе не пустят.

На наш взгляд, в рассматриваемом донесении излагаются события, предшествовавшие восстанию в октябре-ноябре 1886 г. и отраженные в рапортах начальника Самаркандского отдела Г. А. Арендаренко от 4 декабря

¹⁵⁸ Там же, ф. И-126, оп. 1, д. 1267, л. 18. См. также: Раджабов З. Ш. Указ. соч., с. 97; Стеценко И. А. Указ. соч., с. 103—104.

¹⁵⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 639, л. 1.

1886 г.¹⁶⁰ и 9 января 1887 г., который писал: «Бывшее в ноябре месяце сопротивление населения местности Яхсу вызвано сбором закятных податей. Был вызван эмировский махрам для расследования жалобы горцев на убийство у них трех человек при усмирении беспорядков»¹⁶¹. Но, сообщает Г. А. Арндаренко, беспорядки эти были вскоре подавлены беками, сожжено несколько селений и главные коноводы отправлены в Бухару к эмиру.

Далее Г. А. Арндаренко пишет, что вообще же беки и амлякдары Кулябского и Бальджуанского бекств нещадно притесняют население, разоряя его постоянными сборами податей, в особенности закята со скота. Поэтому не случайно в обстановке, изложенной в донесении махрама Дарваза, сборщику, приехавшему на Яхсу для сбора закята, было оказано сопротивление. Видимо, тогда же было убито три человека, и население потребовало махрама для расследования причин убийства. Бухарское правительство, очевидно, воспользовалось этим обстоятельством, чтобы расправиться с непокорным населением. Расправа была жестокой — сожжено несколько селений, руководители восстания отправлены для показательной казни к эмиру. Так подавляло бухарское правительство выступления населения, осмелившегося пойти наперекор воле ставленников эмира¹⁶².

Восстание в Бальджуане в 1886 г. Из донесения должностного лица, направленного, видимо, для разбора жалобы на действия раиса по отношению к локайцам, мы узнаем об этих событиях. Эмировский чиновник вынужден писать эмиру: «Осведомленные люди сообщили, что все произошло из-за чрезмерной несправедливости и насилия, которые творил над крестьянами сборщик податей Одина эшикакабаши»¹⁶³. Прибывший из Дарваза для сбора закята-чакона мирза Закир оценивал каждого барана и козу в две танга. Крестьяне, посоветовавшись, отправились с жалобой в пра-

¹⁶⁰ Там же, д. 667, л. 199.

¹⁶¹ Там же, ф. И-3, оп. 2, д. 8, л. 26.

¹⁶² Раджабов З. Ш. Из истории общественно-политической мысли... с. 134; Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата... с. 72; Стеценко И. А. Из истории народных движений... с. 103. Первые два автора ошибочно датируют восстание 1887 г.

¹⁶³ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1201, л. 49.

вительственную канцелярию. Сразу 500—600 крестьян, требуя правосудия, перешли через реку и направились в Бальджуан. Мирза Шариф мирахур, человек упомянутого эшикакабаши, был в крепости, а сам эшикакабаши — в Ховалинге. Упомянутый мирахур считал все это беспорядками и сам с сарбазами и находившимися при нем личными людьми избил крестьян, связал их и заковал, несмотря на то, что в это время никакой вины со стороны крестьян не было. Они ничего не хотели, кроме как пойти пожаловаться.

Из этого документа явствует, что эмировский чиновник вынужден писать на защиту народа, он как бы оправдывает крестьян, докладывая, что «в это время никакой провинности со стороны крестьян не было». В документе обращает внимание также то, что описание событий напоминает описание начала восстания Восе по устным сведениям, собранным историко-этнографическими экспедициями. Как и там, в восстании Восе повстанцы, перейдя через реку, направились в Бальджуан. Крестьян избili и, связав, заковали их.

Поскольку в изучаемом документе упоминаются имена сборщиков податей, мы решили сравнить их с именами, приведенными А. Шаоншаевым¹⁶⁴ в описании восстания Восе на основании этнографических данных. А. Шаоншаев называет амлякдара Мирзакори, налоговый произвол которого послужил поводом к восстанию Восе. В анализируемом же нами донесении названы другие имена — Одина эшикакабаши, Мирза Закира и Шараф Мирахура. Следовательно, имена руководителей восстания не совпадают.

Рассматриваемый документ мы датировем по имени Тюри — принца, упоминаемого в связи с нукерами Гиссара и Дарваза, которые девять месяцев не получали жалованья. В данном случае под этим именем может упоминаться только принц Абдал Мумин хан, правитель Гиссара. Из сведений из Бухары от 11 августа 1886 г.¹⁶⁵ мы узнаем о перемещении правителя Гиссара Абдалмумин хана в Байсун, следовательно, изучаемое донесение могло быть написано до 11 августа 1886 г.

¹⁶⁴ Шаоншаев А. Материалхо оид ба шуриши Восе.— «Барои адабиети социалисти», 1936, № 1, с. 15.

¹⁶⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 666, л. 82.

Но Гиссарский тюря занимал подчиненное положение в отношении к наместнику Восточной Бухары, всесильному Худай-Назар аталыку, а потому все расчеты с нукерами не могли, видимо, обойтись без его участия. Поскольку в донесении ответственным за выплату жалованья нукерам назван тюря, можно полагать, что этот документ составлен после смерти Худай-Назар аталыка, последовавшей 23 декабря 1885 г.¹⁶⁶ Поэтому описанные события можно было бы датировать после 23 декабря 1885 г., но до 11 августа 1886 г. Но налоги собирали весной, поэтому эти события могли иметь место только весной или ранним летом в 1886 г.

Выступления крестьян Денау в 80-х годах XIX в. Крестьяне Денау, не выдержав налогового произвола податных сборщиков, подали эмиру коллективную жалобу на действия амлякдаров. По жалобе крестьян эмир направил сейид Назарбека караулбеги, который вместе с казиме расследовал жалобу крестьян. Характерно, что вместе с массой крестьян выступали арбабы и аксакалы. Это свидетельствует о том, что притеснения налоговых сборщиков перешли всякие границы и даже задели интересы представителей низовой администрации. Под давлением выступивших крестьян амлякдары были вынуждены признаться, что действительно завышали нормы налогов.

Незаконные и случайные налоги в два раза превышали основной. Только непосильными налогами можно объяснить то обстоятельство, что при острой нехватке земли в Бухарском ханстве крестьяне все же бросали свои земли¹⁶⁷.

Под давлением выступивших крестьян бухарские чиновники были вынуждены зафиксировать нормы сбора по старинному обычаю. Составленный при этом акт был скреплен печатями с тем, чтобы ограничить произвол амлякдара и успокоить крестьян.

Следует отметить, что фиксация старинных норм не отвечала интересам налоговой администрации. Здесь под давлением выступивших крестьян происходит фиксация традиций снизу, в интересах крестьянства. Кроме того, правителю Денау Алмас Бию было предложено

¹⁶⁶ Там же, д. 670, л. 6.

¹⁶⁷ Там же, д. 670, л. 74.

сменить амлякдаров. Это, несомненно, была значительная победа крестьян.

Однако несмотря на фиксацию налоговых норм и значение новых амлякдаров, положение крестьянства существенно не изменилось. Податные сборщики все так же ухищрялись в выколачивании с крестьян различных налогов, что послужило причиной новых крестьянских выступлений. К. Шаниязов описывает одно из таких крестьянских восстаний в Денауском бекстве в 80-х годах XIX в., которое возглавлял дехканин Эрназар-палван¹⁶⁸. По его призыву жители нескольких кишлаков в знак протеста против чрезмерных налогов отказались их платить. Денауский бек Абдарахман направил против восставших вооруженный отряд. Между крестьянами и солдатами произошло вооруженное столкновение, отряд был разбит, бек спасся бегством. Восставшие во главе с Эрназар-палваном заняли крепость Денау и удерживали ее в своих руках около полутора месяцев. Бухарский эмир вынужден был послать в Денау крупные военные силы, окружившие город. Несколько дней осажденные успешно отражали атаки эмирских наемников, но в результате предательства войскам эмира удалось проникнуть в крепость. 48 участников восстания были повешены в Дербентском ущелье.

О крестьянском выступлении в Денау в 1902 г. упоминает и Д. И. Логофет¹⁶⁹. Слухи о восстании в Денау дошли до Ташкента и Петербурга. Российский политический агент в Бухаре во время пребывания у кушбеги просил его подробно описать события, происшедшие в Денау, ибо Ташкент и Петербург требовали сведений¹⁷⁰.

Таким образом, мы видим, что крестьяне Денау на протяжении небольшого отрезка времени несколько раз выступали против налогового произвола податных сборщиков. Первое из описанных нами крестьянских выступлений закончилось незначительной победой крестьян, второе же восстание — полным поражением, казнью участников. Однако репрессии не могли запугать народ.

¹⁶⁸ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964, с. 136.

¹⁶⁹ Логофет Д. И. Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911, с. 164.

¹⁷⁰ ЦГА УзССР, ф. И-126, оп. 1, д. 1201, л. 8.

Крестьянские волнения вспыхивали повсеместно в ханстве.

Волнения ремесленников в Каратаге в 1886 г. Все более тяжелым становилось и положение ремесленников. В 1886 г. в Каратаге произошло волнение ремесленников-ткачей. Причиной его послужили тяжелые условия труда, продолжительный рабочий день и мизерная оплата. Первыми выступили ткачи мастерской Салих-Алимбая, к ним примкнули другие ремесленники — всего до 1 тыс. человек. Владельцы мастерских под давлением выступивших вынуждены были увеличить плату ремесленникам от 2 до 6 тенег¹⁷¹.

Восстание Восе. А. Шаоншаев¹⁷² считает, что восстание Восе, начавшись в 1885 г., продолжалось и в 1886 г. По мнению Б. Г. Гафурова¹⁷³, З. Ш. Раджабова¹⁷⁴ и Б. И. Искандарова¹⁷⁵, восстание Восе произошло в 1885 г. Однако следует отметить, что Б. И. Искандаров ставил вопрос о пересмотре этой датировки. И. А. Стеценко, сопоставив этнографический материал с некоторыми архивными данными, пришел к правильному выводу о том, что восстание это произошло в 1888 г.¹⁷⁶ На наш взгляд, эта датировка соответствует действительности, поскольку она подтверждается архивными данными.

Изучение архивных документов позволяет внести коррективы в описание хода восстания Восе, данное упомянутыми исследователями¹⁷⁷.

Первым по времени документом, извещавшим о восстании, является телеграмма Российского императорского политического агента в Бухаре Н. Чарыкова Туркестанскому генерал-губернатору Н. О. Розенбаху от

¹⁷¹ Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства конца XIX — начала XX в. Т. СХIV. Душанбе, 1959, с. 80—81.

¹⁷² Гафуров Б. Г. История таджикского народа..., с. 446.

¹⁷³ Раджабов З. Ш. Из истории общественно-политической мысли..., с. 96.

¹⁷⁴ Искандаров Б. И. Восстание крестьянских масс Таджикистана под руководством Восе. Известия АН Таджикистана, 1953, № 4, с. 72; Из истории Бухарского эмирата. М., 1958, с. 72—85.

¹⁷⁵ Шаоншаев А. Материалхо оид ба шуриши Восе. — «Барои адабиети социалисти», 1936, № 1, с. 15—17.

¹⁷⁶ Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане..., с. 107.

¹⁷⁷ Мухсинова К. З. Новое о восстании Восе. — ОНУ, 1963, № 10, с. 52—55.

5 июля 1888 г.: «...в Бальджуане горцы племени локай убили туксабу, коего эмир бухарский послал собирать закят, и трех или четырех солдат и ушли в горы...»¹⁷⁸.

Информация из Бухары Туркестанскому генерал-губернатору о ходе восстания поступала довольно аккуратно. Так, в сведениях из Бухары от 9 июля 1888 г. сообщалось об Акрамбеке саркарда, отправленном с тысячью сарбазов и двенадцатью амальдарами в Бальджуан, где «отложилось» племя локай. Там же указывалось, что начальник Бальджуана застрелен локайцами¹⁷⁹. В сведениях от 21 июля 1888 г. сообщалось о выступлении Акрамбека из Шахрисабза против «отложившихся» локайцев¹⁸⁰.

В донесениях от 17 июля 1888 г. говорилось о посылке Астанкулом кушбеги эмиру из Бальджуана в Шахрисабз 130 арестованных¹⁸¹, захваченных из «отложившихся» бальджуанцев.

18 июля 1888 г. Акрамбек, отправленный в Бальджуан, находился у байсунского «тюряджана», и в Бальджуан не мог выехать, так как там население «отложилось»¹⁸².

В сведениях от 21 июля 1888 г. сообщалось, что «восставшее племя локай остается все еще в одном и том же положении. Тысяча человек сарбазов из Шахрисабза выступили в Бальджуан»¹⁸³. Но уже в сведениях от 28 июля 1888 г. указывалось, что в Бальджуане и Гиссаре воцарилось полное спокойствие. Руководители восстания бежали в Бадахшан, Акрамбек в Бальджуане занял место убитого Садык бека¹⁸⁴.

В донесении от 3 августа 1888 г. сообщалось, что Астанкул бек кушбеги гиссарский выступил с войсками в Дарваз и Бальджуан. Из тысячи человек сарбазов, отправленных из Карши в Гиссар, восемьдесят человек, не выдержав жары, в пути умерли¹⁸⁵. 6 августа поступило известие, что Астанкул бек кушбеги покорил все насе-

¹⁷⁸ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 693, л. 10.

¹⁷⁹ Там же, д. 685, л. 102.

¹⁸⁰ ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 132, л. 30.

¹⁸¹ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 2, д. 10, л. 146.

¹⁸² Там же, л. 91.

¹⁸³ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 685, л. 112; ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 132, л. 30.

¹⁸⁴ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 2, д. 10, л. 130.

¹⁸⁵ Там же, л. 127.

ление, которое «отложилось»¹⁸⁶. В сообщении от 17 августа говорилось о посылке Астанкулом беком кушбеги из Бальджуана в Шахрисабз 130 человек арестованных¹⁸⁷.

В сведениях из Бухары от 27 августа сообщалось, что 40 человек из числа повстанцев преданы смертной казни в Бальджуане, а два руководителя были привезены и преданы смертной казни в Китабе¹⁸⁸.

Описанное восстание, судя по приведенным данным, продолжалось с начала июля по 28 июля 1888 г. и было подавлено гиссарским беком Астанкулом кушбеги, в распоряжении которого, помимо гиссарских войск, находились тысяча сарбазов, присланных эмиром для подавления восстания.

На наш взгляд, об этом же восстании писал Самаркандский уездный начальник Г. А. Арендаренко в рапорте от 16 августа 1888 г. и. о. военного губернатора Самаркандской области полковнику М. Пукалову. Он сообщал о «возмущении» кулябцев, живущих в местности Шуробдора, действиями бека, сборщика подати. Шуробдоринцы, высказав прежнему сборщику полное неповиновение, вместо него назначили муллу Васича. Астанкулу-диванбеги, явившемуся с отрядом для подавления волнения, жители Бальджуана сначала даже отважились оказать сопротивление. В этом столкновении, по слухам, с обеих сторон было убито по несколько человек, но это сопротивление продолжалось всего часа два. Затем, докладывает Г. А. Арендаренко, восставшие, не выдержав натиска отряда диванбеги, обратились в бегство. Глава повстанцев бежал, но многие участники восстания были пойманы¹⁸⁹. Данных о других восстаниях, кроме того, что произошло в начале июля и продолжалось до конца июля 1888 г., не имеется.

Описания хода восстания, приведенные в этих двух источниках, в основном сходятся, разница только в том, что один называет восставших «бальджуанскими локайцами», другой — «кулябцами». Локайские племена рас-

¹⁸⁶ Там же, л. 139.

¹⁸⁷ Там же, ф. И-1, оп. 34, д. 685, л. 138.

¹⁸⁸ Там же, л. 154.

¹⁸⁹ Там же, ф. И-1, оп. 334, д. 685, л. 135; ф. И-3, оп. 2, д. 10, л. 148; ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 132, л. 30.

селялись и в Бальджуанском, и в Кулябском бекствах¹⁹⁰.

Вероятно, восстание, начавшееся среди кулябских локайцев, быстро распространилось и среди бальджуанских локайцев. Военные действия в дальнейшем развернулись на территории Бальджуана и поэтому Г. А. Арендаренко сообщал о восстании «бальджуанских локайцев». Муллу Васича можно отождествить с известным предводителем народного восстания — Восе. Об этом писал и Б. И. Искандаров¹⁹¹. Имя «Васич» является, видимо, искаженной формой от Восе. Оно переводилось переводчиками-татарами как Васиг, но «г» похоже на «ч», поэтому легко могла произойти ошибка и вместо «Васиг» получалось «Васич».

В момент написания рапорта Г. А. Арендаренко, т. е. 16 августа 1888 г., судя по содержанию, Восе еще не был схвачен. О казни двух предводителей восстания сообщалось только 27 августа 1888 г.

Более подробное описание этих событий дано в письме военного губернатора Ферганской области Н. И. Королькова правителю канцелярии Туркестанского генерал-губернатора К. А. Нестеровскому от 4 декабря 1888 г. Исходя из рассказов прибывших каратегинских торговцев, он писал: «Каратегинский бек послал одного из почетных лиц для сбора закята с горных кочевников в местности, подведомственные кулябскому беку. Закятчи, приехав в кишлак Ховалинг, потребовал взноса закята. Старшины отметили, что народ не имеет денег, а потому просили принять закят скотом. Но сборщик закята в виду полученного им приказа не согласился на это предложение и настаивал на взносе закята деньгами. Собравшиеся жители начали угрожать ему. Видя, что волнение населения принимает опасный характер, сборщик закята дал знать об этом в Бальджуан, тамошнему военачальнику, прося помощи, куда, не дожидаясь помощи, затем бежал и сам. Бальджуанский военачальник, получив это известие, немедленно двинулся с имеющимися при нем сарбазами в Ховалинг, где и имел горячую схватку с вооруженными

¹⁹⁰ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана. Труды АН ТаджССР. Т. XXVIII, 1954, с. 7.

¹⁹¹ Искандаров Б. И. Из истории бухарского эмирата. М., 1958, с. 77.

жителями всего Кулябского района, причем с обеих сторон были раненные и убитые, а в числе последних и закятчи»¹⁹².

Существуют и другие версии относительно убийства закятчи. В письме Н. И. Королькова восставшие называются «горными кочевниками», «подведомственными кулябскому беку», также, как и в рапорте Г. А. Арендаренко. Таким образом, здесь речь, видимо, идет о том же восстании Восе. Во всех приведенных документах описания повода восстания сходятся. Расхождение в деталях объясняется тем, что были различные информаторы. Так, Н. И. Королькова информировали каратегинские купцы, Г. А. Арендаренко — пенджикентский участковый пристав, а политического агента — бухарцы. Однако все приведенные документы повествуют о восстании среди горных племен локайцев, продолжавшемся с начала июля до 28 июля 1888 г.

Следует отметить, что И. А. Стеценко¹⁹³, на наш взгляд, совершенно неверно считает восстание Восе и восстание, о котором рассказывали каратегинские купцы, двумя самостоятельными выступлениями.

На основании изученных нами документов можно утверждать, что поводом к восстанию Восе послужил налоговый произвол сборщика закята. Восстание началось среди горцев, живших в Шуробдоре и быстро распространилось не только среди кулябских, но и бальджуанских локайцев, вплоть до Гиссара и Дарваза¹⁹⁴. Это подтверждается и воспоминаниями, собранными Л. Бузург-зода и Р. Джалиловым¹⁹⁵.

Руководителем восстания был мулла Васич, или Восе, из шуробдоринцев. В первых числах июля 1888 г. кочевники-узбеки рода локай, жившие в местности Шуробдоре, попросили разрешения платить закят скотом, а не деньгами. Отвергнув требование сборщика закята уплатить налог обязательно деньгами, локайцы убили его и ушли в горы. Бальджуанский военачальник Са-

¹⁹² ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 693, л. 139.

¹⁹³ Стеценко И. А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX в. (1870—1917 гг.). Душанбе, 1963, с. 109.

¹⁹⁴ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 685, л. 112.

¹⁹⁵ Бузург-зода Л. ва Джалилов Р. Инъикоси шуриши Восе дар фольклор. Душанбе, 1941, с. 125.

дык бек, получив известие о событиях в Шуробдоре, немедленно двинулся с войсками против восставших. В Ховалинге произошло сражение войск Садык бека с вооружившимися жителями. Восставшие разгромили бухарское войско, военачальник был убит. Одержав победу, крестьяне овладели всем Ховалингом. Дома богатей и чиновников были разграблены. Восе разослал во все кишлаки Кулябской и Бальджуанской областей своих людей с призывом присоединиться к восстанию.

По приказу эмира для подавления восстания из Бухары были отправлены дополнительные войска — тысяча сарбазов и двенадцать амальдаров во главе с военачальником Акрамбеком.

В конце июля 1888 г. в Бальджуане произошло второе сражение крестьян с войсками Астанкула кушбеги. Многочисленные и хорошо вооруженные войска Астанкула кушбеги одержали победу над восставшими. Судя по донесению самаркандского уездного начальника Г. А. Арендаренко, сопротивление повстанцев продолжалось всего часа два¹⁹⁶.

Расправа с повстанцами была жестокой. Сорок человек были казнены в Бальджуане, двое руководителей (одним из которых был, видимо, Восе) — в Китабе в конце августа 1888 г.

Народное восстание, возглавленное крестьянином Восе, было одним из самых крупных выступлений народных масс в Средней Азии. Среди повстанцев были представители узбекского, таджикского и других народов, населявших Восточную Бухару.

Волнение в Келифском бекстве в 1889 г. О тревожном настроении жителей кишлаков, расположенных вокруг Келифа, были сообщения еще в 1888 г.¹⁹⁷ Эта накаленная атмосфера вскоре вылилась в волнение. В 1889 г. в Келифском бекстве вспыхнуло волнение крестьян. Доведенные до отчаяния поборами бека, крестьяне, собравшись в группу из 500 человек, избили его. Выступление келифских крестьян было подавлено с помощью русских войск¹⁹⁸.

Волнение в Денауском бекстве в 1898 г. Туркестанский военный округ при содействии Бухарской админи-

¹⁹⁶ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 685, л. 135.

¹⁹⁷ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 26, л. 23.

¹⁹⁸ Там же, ф. И-3, оп. 1, д. 228, л. 30.

страции в 90-х годах проводил топографические работы, имевшие как военно-стратегическое, так и колониционное значение. В Денауском бекстве топографические работы осуществлялись под руководством Кирхгогра, имевшего в своем распоряжении несколько десятков вооруженных казаков и представителей бухарской администрации. Крестьяне Денау разгадали истинный смысл этого предприятия, организованного царским правительством. Они поняли, что деятельность партии топографов может в итоге привести к отторжению их земель и разорению хозяйств. Волнение началось 18 мая 1898 г. в селении Чут-Чаглык. Толпа женщин и подростков, вооруженных палками и камнями, набросилась на топографов и двух сопровождавших их казаков и изгнала их из местности. Слух об этом событии молниеносно распространился среди населения других кишлаков Денауского вилайета. 20 мая крестьяне кишлака Шайтан избили казаков, а 21 мая жители местности Таллы, вооруженные палками, нагайками и батиками, толпой в 30 человек напали на топографов и казаков и вынудили их покинуть местность. Из Паттагиссара (Термеза) были вызваны вооруженные отряды для «успокоения возбужденной толпы». После жестоких истязаний участники выступлений были казнены, в Денауском бекстве долгое время свирепствовал кровавый террор¹⁹⁹.

Волнения в Нурата в 1888 г. В августе 1898 г. в Нурата произошло столкновение между казахами, пригнавшими на нуратинский базар баранов, и местным амином по поводу арендной платы. В столкновении участвовало с обеих сторон до 250 человек. Можно полностью согласиться с З. Ш. Раджабовым, который считает, что это волнение вызвано не только возмущением высокой арендной платой, но оно было также одним из проявлений вражды кишлачных масс с представителями бекской администрации²⁰⁰.

Волнения в Келифе в 1899 г. 10 мая 1899 г. бек Келифа избил одного из поселян, не имевшего возможность уплатить налог. Возмущенные жители поселка на-

¹⁹⁹ Раджабов З. Ш. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX в. и в начале XX в. Душанбе, с. 98.

²⁰⁰ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 34, д. 847, л. 40.

пали на бека, но его спасли работники русской таможни. Тогда народ начал собираться, но русские воинские части разогнали собравшихся, многих арестовали, 65 человек заточили в колодцы. День и ночь раздавались крики истязаемых жертв²⁰¹. Так жестоко расправлялись власти с участниками восстания.

На основании всего изложенного можно сделать следующие выводы. Крестьянское движение в Бухарском ханстве в последней трети XIX в. охватило широкие народные массы и достигло в отдельных случаях степени крупных вооруженных восстаний. Оно было вызвано чрезвычайно тяжелым социально-экономическим положением, непосильным гнетом, ростовщической кабалой, различными факторами внеэкономического принуждения. Поводом к крестьянским выступлениям чаще всего являлось введение новых налогов, произвольное увеличение налоговых ставок, требование уплаты налога деньгами и т. д.

Основной движущей силой рассматриваемых нами движений были трудящиеся массы земледельцев и скотоводов. Трудовое население не только поддерживало, но и принимало самое активное участие в движении. Так, восстание Восе охватило все население Кулябской, Бальджуанской и Гиссарской областей. Тысячи крестьян участвовали в восстании в Муминабаде. В ряде случаев среди повстанцев были женщины, как, например, в Денау в 1889 г.

Классовая борьба приобретала интернациональный характер. Трудящиеся узбеки и таджики выступали совместно против своих классовых врагов — феодалов. Так, восстание Восе, начавшееся среди узбекских локайских родов, быстро распространилось по Кулябской и Бальджуанской областям, основное население которых составляли таджики. В восстании в Муминабаде также принимали участие узбеки и таджики.

В ходе крестьянских движений из народной среды выдвигались отдельные герои — руководители восстаний. Восстанием в Муминабаде руководили Рахман, Мухаммад Алим, Одина Мухаммад и т. д. Широко известно имя народного героя Восе, возглавившего восстание

²⁰¹ Раджабов З. Ш. Из истории общественно-политической мысли, с. 98.

1888 г. в Бальджуане. Верхушка локайских родов, примкнувшая к восстанию, сыграла предательскую роль. Подкупленные Астанкулом Кушбеги богатые главари племени изменили народу и перешли на сторону феодалов.

В рассматриваемый период не проходило года, чтобы где-либо не вспыхнуло восстание или волнение крестьян. В эти же годы отмечается огромное количество крестьянских жалоб, посылка ходоков, отказы от уплаты налогов, бегство в другие области и в Афганистан. Особенно активизировалось крестьянское движение в 80-х годах XIX в., что объясняется усилением эксплуатации и ухудшением положения крестьянства. Именно в эти годы в связи с развитием товарно-денежных отношений отмечается переход от частично натурального к полному денежному обложению налогами. Внедрение хлопчатника, требующего свободных оборотных средств, способствует еще большему закабалению беднейших слоев крестьянства феодалами и ростовщиками. Усиливается расслоение крестьянства. Все это обостряет классовые противоречия.

Крестьянские выступления в Ширабаде и в Денау в 1885—1896 гг. закончились частичной победой крестьян — фиксацией налоговой традиции с целью ограничения дальнейших злоупотреблений амлякдаров. Положительным итогом восстания крестьян в Муминабаде явилось смещение ненавистного народу правителя Куляба. Однако, несмотря на отдельные успехи, крестьянские восстания чаще заканчивались полным поражением повстанцев. Эти восстания не имели четкой политической программы, ясно осознанной конечной цели, организации и руководства, а потому были обречены на поражение. Начинаясь обычно с посылки жалоб и отправки ходоков, крестьянское движение развивалось стихийно, оно имело локальный, разобщенный характер и не распространялось за пределы отдельных местностей. Крестьяне боролись только за свои местные интересы, как, например, это было в Муминабаде, на Яхсу, в Бальджуане. «Их разобщенность чрезвычайно затрудняла достижение какого-либо общего соглашения»²⁰², что являлось одной из причин слабости крестьянских движений и способствовало их поражению.

²⁰² Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии, См. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 7, с. 357.

В. И. Ленин писал о причинах поражения восстаний крестьян России: «Крестьянское восстание было подавлено, потому что это было восстание темной, несознательной массы, восстание без определенных, ясных политических требований, т. е. без требования изменить государственные порядки. Крестьянское восстание было подавлено, потому что оно было *не подготовлено*. Крестьянское восстание было подавлено, потому что у деревенских пролетариев не было еще союза с городскими пролетариями»²⁰³.

Эти высказывания В. И. Ленина о причинах поражения крестьянских восстаний полностью отражают и характер крестьянских движений в Бухарском ханстве.

***

В конце XIX и особенно в начале XX в. в Бухару начинают проникать передовые революционные идеи. Важная роль в их распространении принадлежит прежде всего отдельным представителям социал-демократических организаций, военнослужащим, сосланным за участие в революционном движении в части, расположенные в Бухаре, а также бухарским отходникам — свидетелям революционных событий в Туркестане.

Наряду с крестьянским движением начинаются выступления рабочих железнодорожных мастерских, хлопкоочистительных, маслобойных и кирпичных заводов, а также солдат. Эти выступления особенно активизировались в период первой русской революции 1905—1907 гг. В октябре 1905 г. рабочие всех железнодорожных станций Бухарского ханства присоединились к Всероссийской забастовке. В ноябре 1905 г. после подавления восстания в Ташкентской крепости железнодорожники всего Туркестана прекращают работу в знак протеста против расстрела солдат в Ташкенте. Начинаются массовые митинги протеста, организуются панихиды с пением революционных песен в память расстрелянных солдат.

На митинге 18 ноября 1905 г. в Новой Бухаре под руководством социал-демократов было принято решение превратить забастовку железнодорожников во всеобщую, распространив ее на рабочих железнодорожных мастерских и заводов. В этом митинге участвовали и

²⁰³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 196.

солдаты железнодорожных рот, расквартированные в Новой Бухаре. Они отказывались нести службу впредь до удовлетворения выдвинутых ими требований.

К забастовке присоединились рабочие всех девяти хлопкоочистительных заводов, в том числе и завода, принадлежавшего эмиру Бухары²⁰⁴. Забастовка распространилась и на заводы, расположенные в Кызылтепе и Кармана. Восстали работники двух почтово-телеграфных отделений Бухары. Одновременно они присоединились и к Всероссийской почтово-телеграфной стачке. В выступлениях приняли участие также работники Новобухарской таможни и банковские служащие. Забастовка в Новой Бухаре стала всеобщей.

В этих забастовках, наряду с русскими рабочими и служащими, принимали участие также рабочие узбеки, таджики, туркмены и представители других народов.

Революционное движение протекало преимущественно под влиянием и руководством социал-демократических групп.

Забастовка, охватившая широкие массы трудящихся, напугала и русское, и бухарское правительство, равно как и заводовладельцев. Хозяева заводов предложили бастующим приступить к работе, в противном случае они грозили закрыть заводы и уволить рабочих. Однако те держались стойко и заводовладельцы вынуждены были частично удовлетворить их требования. Одновременно были приняты меры для окончательного подавления революционного движения.

Одним из центров революционного движения был Чарджоу, где имелась значительная армия пролетариата. Социал-демократические организации Чарджоу входили в состав Туркестанской организации социал-демократов. Под их руководством 22 апреля 1905 г. была организована двухнедельная забастовка железнодорожников депо. 17 октября 1905 г. началась новая забастовка, которая продолжалась десять дней. К рабочим депо присоединились железнодорожники, матросы, рабочие типографии и т. д. В Новую Бухару и Чарджоу были введены войска.

С конца 1905 г. начинается спад революционной волны, хотя отдельные революционные выступления все еще

²⁰⁴ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 3, д. 109, л. 3.

продолжались. Так, по призыву местных социал-демократов годовщину кровавого воскресенья — 9 января 1906 г. рабочие Новой Бухары, как и многих других городов Туркестана, отметили однодневной забастовкой, отслужили панихиды по жертвам расстрела.

В феврале 1906 г. усилились волнения на хлопкоочистительных заводах Новой Бухары.

В июле 1906 г. в знак протеста против суда и приговора над ташкентскими саперами, участниками выступлений 3 июля 1906 г., выступили рабочие и солдаты, расквартированные в Новой Бухаре.

В период революции 1905—1907 гг. народы Туркестана, в том числе Бухарского эмирата, наглядно убедились, что при совместных действиях под руководством русских рабочих во главе с большевистской партией можно добиться успеха в борьбе. Именно в этот период трудящиеся массы эмирата действительно пробудились к политической жизни²⁰⁵. Они приобрели также опыт борьбы, который понадобился им впоследствии.

Новый революционный подъем в России способствовал активизации революционных выступлений в Бухарском ханстве. В апреле 1914 г. вспыхнуло волнение среди местных рабочих, занимавшихся земляными работами на трассе строящейся железной дороги. Бухарские рабочие были поставлены в невероятно тяжелые условия: отсутствовала питьевая вода, врачебная помощь, вместо установленного по контракту дневного заработка 1 р. 20 коп. они получали только по 45 коп. После расследования положения рабочих, когда администрации было предложено выплатить им обещанную сумму, она отказалась от услуг бухарцев и набрала русских рабочих, пообещав им по 1 руб. 40 коп. в день²⁰⁶, однако тяжелые условия труда вызвали и в 1914, и в 1915 гг. волнения и среди русских рабочих.

Февральская буржуазно-демократическая революция в России нашла горячий отклик среди населения Бухарского ханства, прежде всего рабочих Новой Бухары. Повсеместно проводились митинги с требованием демократических преобразований. Волнения с каждым днем разрастались. 7 марта 1917 г. после получения

²⁰⁵ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 221.

²⁰⁶ ЦГА УзССР, ф. И-99, оп. 1, д. 29, л. 35—36.

известий о свержении царизма, в Новой Бухаре было созвано многолюдное собрание. 8 марта по инициативе железнодорожников был организован митинг, в котором участвовало около 6 тыс. человек. Ораторы требовали принять меры против голода и разрухи. На этом митинге выступил видный деятель большевистской партии, один из организаторов Советской власти в Новой Бухаре Павел Герасимович Полторацкий.

Желая привлечь к революционной борьбе рабочих главных железнодорожных мастерских, находившихся на ст. Эмирабад (в трех километрах от Новой Бухары), П. Г. Полторацкий организовал летом 1917 г. группу большевиков из рабочих хлопкоочистительных заводов и железнодорожников. В ее состав, кроме П. Г. Полторацкого, входили Д. С. Золотаревич — рабочий-модельщик из Баку, Еремеев — бывший саперный солдат, участник восстания саперов в 1912 г. в Ташкенте, отец и сын Серовы — слесари хлопкового завода Персидского Т-ва, Алшевский — слесарь того же завода и т. д.²⁰⁷

По данным К. А. Богомоловой, еще до Великой Октябрьской социалистической революции в Старой Бухаре, Кагане, Чарджуу и Эмирабаде имелись местные большевики Абдулла Ходжа Тураев, Али Усманов и другие²⁰⁸.

После Февральской революции стали возникать новые органы управления. Наряду с Новобухарским исполнительным комитетом временного правительства в русских поселениях ханства были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов. В Новобухарском Совете было сильное влияние большевиков. Работая в этом Совете, П. Г. Полторацкий призывал не подчиняться органам Временного правительства и разоблачал предательскую политику меньшевиков и эсеров. Благодаря деятельности П. Г. Полторацкого Новобухарский Совет имел среди населения огромное влияние.

***

В период первой русской революции 1905—1907 гг. в Туркестане зарождается движение среди националь-

²⁰⁷ По сведениям, записанным О. Д. Чехович со слов Д. С. Золотаревича, бывшего директора Книжной палаты Узбекистана.

²⁰⁸ Материалы по истории таджикского народа в Советский период. Душанбе, 1954, с. 40.

ной буржуазии, известное под названием джадидизм. Первоначально это было движение за реформу старой школы. Джадиды, неудовлетворенные старыми методами обучения, когда ученики в течение нескольких лет зазубривали на память отдельные отрывки из корана и порой практически оставались неграмотными, стали создавать новые школы, основанные на звуковом методе обучения. Развивающаяся буржуазия нуждалась в грамотных и подготовленных кадрах, поэтому, наряду с изучением основ мусульманской религии, в новометодных школах было введено также преподавание начал арифметики, географии, истории и естествознания, что в условиях феодальной Бухары, где господствовало фанатичное и реакционное духовенство, было прогрессивным явлением.

Джадидизм в феодальной Бухаре развивался как движение прогрессивной части национальной буржуазии. Первоначально возникший как культурно-просветительное течение, он впоследствии приобретает политическую окраску, выступая за демократические реформы. Но джадиды выступали лишь за незначительные реформы, не затрагивающие основ ислама и шариата, господствовавших в Бухарском ханстве. Они не ставили также вопроса о низвержении эмира. Как представители либеральной буржуазии, джадиды хотели внести изменения в государственный строй Бухары, «по-буржуазному, реформистски, а не революционно»²⁰⁹.

Это движение охватило буржуазию, частично демократическую интеллигенцию и отдельных прогрессивно настроенных представителей духовенства. Широкие массы остались в стороне от джадидов, так как их требования не затрагивали интересов народа.

Наиболее реакционные из джадидов были яркими националистами и выступали за отделение Туркестана от России и создание мусульманского государства под главенством Турции.

Наряду с буржуазной идеологией в Бухаре возникла также прогрессивная идеология, отражающая мысли и чаяния трудящихся масс ханства. Она формировалась в условиях возникновения ростков новых, капиталистических отношений и усиления классовой борьбы.

²⁰⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 306.

Родоначальником этой новой идеологии во второй половине XIX — начале XX в. был Ахмад Дониш (1827—1897), проповедовавший идеи просветительства, сторонник светской науки и образования, высмеивавший в своих произведениях пороки эмиров мангытской династии, сочувствующий простому народу. Побывав трижды в России, он стал призывать учиться у русских, усваивать русскую культуру. Вслед за А. Донишем идеи просветительства развивали его ученики и последователи, поэты Шахини (1859—1894), Савдо (1823—1873), Хайрат (1878—1902), пропагандировавшие передовую русскую культуру и идеи сближения Бухары с Россией.

Одним из последователей А. Дониша был и Садриддин Айни (1878—1954), виднейший представитель советской литературы, начавший свой творческий путь в эмирской Бухаре. Как просветитель-демократ С. Айни подвергался репрессиям со стороны эмирского правительства, активно участвовал в проведении народной революции в Бухаре.

Деятельность просветителей имела большое прогрессивное значение для отсталого феодального Бухарского эмирата.

После Февральской революции усиливается оппозиционное движение среди буржуазии. Эмиру пришлось пообещать проведение реформ. 17 марта был оглашен манифест, обещавший частичные реформы, не затрагивающие основ феодального строя и не улучшавшие положение народа. Представители национальной буржуазии, в частности некоторые из бухарских джадидов, восприняли манифест с восторгом и решили отметить его демонстрацией с целью возблагодарить эмира за эту милость, но против демонстрантов были направлены 200 пеших и 300 конных сарбазов. Муллами была организована контрдемонстрация из 5—7 тыс. человек. Узнав об этом, джадиды решили разойтись, но мирные намерения им не помогли. За ними охотились, их ловили и бросали в зиндан. В Бухаре восторжествовала реакция.

Через несколько дней в Новобухарской гостинице «Москва» состоялось собрание левых джадидов-беженцев из г. Бухары. Их было 20—25 человек. Возможно, это и было первое собрание младобухарцев. Организа-

ционно партия младобухарцев оформилась в конце 1917 г.

Первая русская революция привела в движение все классы общества. Могучий натиск революционных идей вызвал подъем крестьянского движения. Д. Н. Логофет, живший в этот период в Восточной Бухаре, писал: «...приходилось неоднократно слышать различные свежие новости от многих лиц, то сообщения, что были беспорядки в Гиссарском бекстве, то откуда-то появился слух, что народ расправился в Денау с закятчи...»²¹⁰.

В 1905—1907 гг. произошли волнения в Гиссарском, Кулябском, Каратегинском и других бекствах²¹¹.

Следует согласиться с мнением В. В. Ершова, что крестьянское движение в период революции 1905—1907 гг. в Бухарском эмирате развернулось значительно шире, чем в Туркестанском крае²¹².

После 1905 г. антифеодальное движение крестьянства принимает еще больший размах²¹³. В январе 1909 г. произошло волнение крестьян Гиссарского бекства, выступивших против насилия своего правителя, который, боясь гнева народного, заперся в крепости. Предполагалось даже перебросить войска из Термеза²¹⁴.

В начале 1910 г. восстали кулябские крестьяне. Поводом к выступлению послужил и на этот раз налоговый произвол местного правителя, который перенес сбор налогов с осени на январь следующего, 1910 г., когда базарные цены на зерно, естественно, были выше. В феврале 1910 г. около 300 кулябских повстанцев совместно с муллами, желая расправиться с ненавистным беком направились в его резиденцию. Но муллы, получив взятку в 2 тыс. тенег и 28 халатов, пытались уговорить повстанцев отказаться от своих намерений. Из Бухары в Куляб был командирован диванбеги, который, арестовав бека, занял его место.

²¹⁰ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. II. Спб., 1911, с. 266.

²¹¹ Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. II. Душанбе, 1963, с. 346—347; Логофет Д. Н. Указ. соч., с. 264.

²¹² Ершов В. В. Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. — В сб.: «Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане». Ташкент, 1955, с. 55.

²¹³ ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 1, д. 529, л. 7.

²¹⁴ Логофет Д. Н. Указ. соч., с. 264.

Напуганные выступлением кулябцев, русские власти приказали отправить на подавление повстанцев разезд чубекского отряда и охотничьи команды из Термеза²¹⁵. В 1911 г. выступили крестьяне Хатырчи²¹⁶, в 1912 г. восстали жители Гиждувана, тогда же против своих угнетателей поднялось население Шахрисабза. В 1913 г. вновь восстали гиссарцы. В том же году произошло выступление крестьян селения Хайдарабад, расположенного недалеко от Кармана. Крестьянские ходоки направились в Бухару с жалобой на поборы амлякдара Абдалсаттар Мирахура. Кушбеги вынужден был согласиться с требованием крестьян, амлякдар был смещен²¹⁷.

Под влиянием революционного движения 1905—1907 гг. начались также выступления бухарских ремесленников. Хозяева ремесленных мастерских получали большие прибыли, которые из года в год росли, в то время как оплата труда наемных рабочих — хальфа оставалась неизменной. Бухарские ткачи, договорившись между собой, решили начать борьбу за свои права. Отослав ключи от мастерских хозяевам, они не вышли утром на работу. Их примеру последовали красильщики, пилля-каши, абранды и другие ремесленники. К забастовке наемных мастеров присоединялись также мастера-одиночки, работавшие на крупных хозяев, — владельцев мастерских. Руководители забастовки строго следили за тем, чтобы кто-либо из ткачей не начал работать. Староста ремесленников — бобо, дабы не утратить своего влияния на ткачей, решил поддерживать восставших. Забастовка длилась 15 дней. В результате хозяева вынуждены были, хотя и незначительно, повысить зарплату наемным мастерам²¹⁸.

Эта забастовка в отличие от других носила уже организованный характер. Несмотря на материальные затруднения ткачи не приступали к работе, пока не добились успеха.

Дальнейший рост эксплуатации труда наемных ремесленников и усиление классовой дифференциации приводят к обострению отношений между хозяевами и наемными работниками. В 1911—1912 гг. снова вспыхи-

вает забастовка ткачей в г. Бухаре. В ней участвовали не все территориальные группы ткачей. Те из них, которые не бастовали, проявляли исключительную классовую солидарность с бастующими, оказывали им материальную поддержку²¹⁹.

Особенно активизировалась классовая борьба в Бухарском эмирате в годы первой мировой войны. Положение народных масс в этот период значительно ухудшается, резко дорожают продукты питания. Сокращается подвоз хлеба из России. Надвигается голод. Цены на хлеб катастрофически растут. Резко изменяется соотношение цен на хлопок и пшеницу. Если в 1915 г. 1 пуд хлопка стоил 57 руб., а пуд пшеницы — 2 руб., то в 1916 г. соответственно 8,5 и 3,5 руб., а в 1917 г. 33,0 и 47,3 руб.²²⁰ Русская буржуазия с помощью царского правительства добилась введения твердых цен на закупаемый хлопок, а это тяжело отразилось на положении крестьянства, занимавшегося выращиванием хлопчатника. К тому же крупные денежные пожертвования эмира Алимхана (1910—1920 гг.) на военные нужды России привели к усилению и без того непосильного налогового бремени. В эти годы заметно усиливается борьба местного населения. Требования народных масс в отношении ограничения произвола чиновников становятся все настойчивее и решительнее.

В мае 1914 г. произошли волнения среди рабочих строящейся Бухарской железной дороги. Поводом к выступлению послужили невыносимо тяжелые условия работы и обсчет рабочих²²¹.

Середина 1914 г. характеризуется крестьянскими выступлениями в Кармана Зиатдинского бекства, в Шахрисабзском и Каршинском вилайетах, в Кулябском бекстве. Власти, идя на частичные уступки, всеми средствами, не исключая террора, подавляли крестьянские волнения.

На подавление крупных волнений крестьян в Шахрисабзском и Китабском вилайетах эмир отправил конные войска во главе с Абдал-джалил беком²²². Выступление

²¹⁵ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 2887, л. 30.

²¹⁶ Там же, ф. И-1, оп. 27, д. 1710, л. 3.

²¹⁷ Там же, ф. И-3, оп. 1, д. 529, л. 7.

²¹⁸ Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара..., с. 97.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ ЦГА УзССР, ф. И-99, оп. 1, д. 29, л. 35—36.

²²¹ Севостьянов И. Указ. соч., с. 11.

²²² ЦГА УзССР, ф. И-3, оп. 2, д. 443, л. 14—15.

крестьян Ширабадского вилайета носило ярко выраженный антиколониальный характер²²³. На концессии «Айвадж» крестьяне потребовали вернуть захваченные у них земли²²⁴.

Особенно учащаются крестьянские выступления в 1916 г. Напряженное положение создается в Шахрисабзском, Яккабагском, Чиракчинском, Гиссарском и Бальджуанском вилайетах²²⁵. Стихийные крестьянские выступления происходят в селениях Богоутдине, Вабкенте, Зиатдине и Хатырчи. Положение было настолько серьезным, что в 1916 г. для выяснения причин волнения и ознакомления с положением сельского хозяйства в эмират был командирован агроном Леонтьев²²⁶, а в начале 1917 г. Туркестанский генерал-губернатор А. Н. Куропаткин направился в эмират сам²²⁷. Выяснив совместно с российским политическим агентом А. Я. Миллером обстановку на месте и опасаясь дальнейшего развития крестьянского движения, Куропаткин предлагает концессионерам вернуть захваченные у Ширабадских крестьян земли.

Победа Февральской революции 1917 г. оказала влияние и на крестьянское движение в Бухаре. В марте 1917 г. в Каршинский вилайет были посланы войска для подавления выступлений крестьян. Тогда же начались народные выступления в Келифе и Чарджоу. В июне 1917 г. вспыхнуло крестьянское волнение в Зиатдине. Но все эти стихийные выступления были подавлены.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России, и особенно после неудачного похода Ф. И. Колесова, совершенного по просьбе младобухарцев без учета конкретной исторической обстановки, Бухарское ханство становится оплотом реакции и сосредоточием антисоветских сил.

Положение народных масс в эмирате продолжает ухудшаться. Разрыв торгово-дипломатических отношений с Советской Россией приводит к резкому сокращению посевных площадей под хлопок, снижению цен на него с 11 руб. за пуд в 1917 г. до 1 руб. 80 коп. в 1919 г.

²²³ Там же, оп. 1, д. 678, л. 129.

²²⁴ Там же, ф. И-2, оп. 1, д. 350, л. 154.

²²⁵ Там же, ф. И-3, оп. 2, д. 44, л. 13.

²²⁶ Там же, д. 678, л. 219.

²²⁷ Там же, л. 259.

Все это не могло не отразиться на положении хлопкосеющих хозяйств. В то же время резко повышается стоимость продуктов питания. Эмир, готовясь к войне с Советской Россией, объявляет мобилизацию в армию, увеличивает налоги, реквизирует хлеб у населения для нужд армии.

Все эти меры приводят закономерно к народным волнениям. В 1918 г. поднимается на борьбу население Шахрисабза²²⁸. Тогда же жители кишлака Айвадж делают попытку захвата земель этого товарищества²²⁹. В феврале 1919 г. вновь восстают шахрисабзцы²³⁰. Около двух тысяч крестьян напали на дом местного бека и в течение 15 дней сражались с его войсками. По примеру шахрисабзских крестьян крестьяне Вабкента, Каракуля отказались платить налоги, подчиняться местным чиновникам и отдавать сыновей в армию эмира.

Для подавления восстания шахрисабзских крестьян эмир направил Низаметдина Кушбеги, прославившегося умением жестоко подавлять народные волнения.

В Каршинском бекстве и Гиждуване начались волнения крестьян. Несколько дней они сражались с эмирскими сарбазами²³¹. В Гиждуване восставшие крестьяне избили своего бека, напали на чиновников эмира²³².

В Чарджоу действовали отряды туркменской бедноты, возглавляемые Бешим-Сардаром и Иргашем-дарго. Первый имел хорошо вооруженный отряд из 50—60 туркмен и вел упорную и продолжительную борьбу с эмиром. В дальнейшем Бешим-Сардар возглавил в местности Диванбеги подпольный комитет бухарских коммунистов-туркмен племени эрсари²³³.

В мае 1919 г. в Бухаре восстала личная гвардия эмира. 2 июля 1919 г. 15 тыс. горожан Старой Бухары выступили против политики правительства в отношении Советского Туркестана. Это выступление было жестоко подавлено, активные участники казнены или брошены в зиндан. В начале мая 1919 г. огромная масса ремес-

²²⁸ Там же, ф. И-3, оп. 2, д. 443, л. 14—15.

²²⁹ Там же, ф. И-1, оп. 17, д. 1129, л. 15—16.

²³⁰ Там же, ф. И-3, оп. 2, д. 443, л. 15.

²³¹ Там же.

²³² Ишанов А. И. Создание Народной Советской Республики.

с. 70.

²³³ История Туркменской ССР. Т. 1, кн. 2. Ашхабад, 1957, с. 382.

ленников и других жителей г. Бухары, всего до 15 тыс. человек, придя к эмирскому Арку, потребовала прекращения мобилизации в армию и установления нормальных добрососедских отношений с Туркестанской Автономной Советской Республикой. Для подавления восставших эмир направил войска, которые жестоко расправились с повстанцами. 63 участника выступления были казнены, около 5 тыс. человек брошены в зиндан. Однако никакими самыми жестокими репрессиями эмир не смог подавить стремления народа к освобождению от ненавистой тирании.

Многочисленные выступления народных масс Бухары, подтачивая устои эмирата, готовили победу народной революции. Революционные идеи, хотя и очень медленно, стали проникать в народные массы. В этом сказалась неустанная работа социал-демократов Туркестана. В пробуждении отсталых масс ханства большую роль сыграли железнодорожники, рабочие хлопкоочистительных заводов, и в первую очередь русские рабочие.

Так русский пролетариат выступал выразителем чаяний всех угнетенных народов, пробуждал их к политической борьбе.

Велика была также роль отходников, которые, побывав в период революционных событий в Туркестане, делились своими впечатлениями с односельчанами, заражая их новыми идеями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Установление протектората царской России над Бухарским эмиратом фактически означало превращение его в колонию. Трудящиеся Бухары попали под двойной гнет — своих феодалов и царских чиновников.

Вместе с тем установление протектората над эмиратом имело и определенные прогрессивные последствия. В Бухаре была ликвидирована феодальная раздробленность, прекращены междоусобные войны, упразднено рабство, запрещена работорговля.

Царизм, установив режим национального и колониального гнета, препятствовал развитию национальной промышленности, но не смог предотвратить этот процесс.

Дальнейшее развитие получает и сельское хозяйство, внедряются ранее неизвестные американские сорта хлопчатника, овес, картофель и т. д. Крестьяне учатся пользоваться европейским инвентарем, осваивают сенокосение.

В результате общения и взаимовлияния местных жителей с русским населением железнодорожных станций, гарнизонов и русских поселений идет сближение трудящихся разных национальностей. Местное население обучало русских приемам поливного земледелия, в частности возделыванию хлопчатника и других культур.

В связи с ростом посевов хлопчатника зерновые вытесняются на богару и в восточные районы. Намечается разделение труда между хлопкосеющими, зерноводческими и животноводческими районами. Специализация районов была новым, прогрессивным явлением.

Под влиянием роста товарно-денежного обращения начинают разрушаться веками устоявшиеся формы зем-

левладения, земля становится объектом купли и продажи.

В ремесленное производство проникают элементы новых, капиталистических отношений, например в шелкоткачество и чугунолитейное производство. Эти отрасли бухарского ремесла начинают быстро расти, другие, не выдержав конкуренции ввозимых из метрополий дешевых фабричных изделий, постепенно прекращают свое существование.

Растет торговля с Россией за счет вывоза бухарского сырья, главным образом хлопка, каракуля, шерсти и т. д. Эмират превращается в сырьевую базу и выгодный рынок сбыта промышленных товаров метрополии.

На рубеже XX в., в эпоху господства финансово-монополистического капитала, когда вывоз его приобретает важное значение, капитал метрополии все активнее вмешивается в экономику Бухары. В эмирате возникают различные фирмы, транспортные и страховые конторы по скупке и перевозке бухарского сырья. Капитал метрополии идет главным образом на кредитование хлопководства. Банки, открывшиеся в эмирате, посредством своих кредитов начинают контролировать весь процесс производства хлопка, получая за свои капиталы огромные доходы, подчиняя своему влиянию кредитующиеся у них фирмы.

Большим прогрессивным явлением было зарождение капиталистической промышленности, связанной с первичной переработкой хлопка. Начинают формироваться новые классы — пролетариат и национальная буржуазия.

Расширение посевов хлопчатника, требующих свободных оборотных средств, усиливает потребность в деньгах. Бухарские крестьяне, порой оставаясь без средств для дальнейшего ведения хозяйства, вынуждены были обращаться к баям и ростовщикам за получением ссуд под залог единственного имущества — земли. Одной из форм ростовщического кредита являлся бунак. Раздача бунака была средством приспособления фирм и банков к особенностям Бухары с безраздельным господством феодальных отношений, когда фирмы были вынуждены применять докапиталистические методы эксплуатации. Запутавшиеся в долгах крестьяне теряли землю, арендуя часто у баев бывшие свои земли на ус-

ловиях выплаты половины урожая. Практиковалась издольная аренда за третью, пятую и шестую части урожая. В этих условиях крестьянин, потеряв связь с землей, становится по существу наемным рабочим.

В результате расслоения крестьянства возникают новые типы сельского населения — феодально-кулацко-байские элементы в лице сельской буржуазии и безземельные крестьяне, или сельский пролетариат.

Рост товарно-денежного обращения способствует переходу от частично натурального к полному денежному обращению, растут налоговые ставки. Налоги и сборы взимались в эмирате на основе старинного обычая таамул-и кадим, который складывался в каждой отдельной местности. Поэтому даже в соседних районах виды сборов и их размеры были различные. Под воздействием крестьянских волнений в 80-е годы XIX в. в целях ограничения налогового произвола податных сборщиков происходит фиксация налоговой традиции сверху.

Усиление национального и колониального гнета ведет к активизации крестьянского движения. Особенно учащаются выступления крестьян в 80-е годы XIX в., когда в эмирате начинается быстрый рост товарно-денежного обращения. Именно в эти годы вспыхивают восстания крестьян в Муминабаде, на Яхсу, восстание Восе, волнения крестьян в Денау, Ширабаде и т. д.

Подъем революционного движения наблюдается в начале XX в., в период революции 1905—1907 гг., когда на арену политической борьбы выступил молодой рабочий класс эмирата. Революционные идеи, хотя и очень медленно, стали проникать в массы, побуждая народ эмирата к революционной борьбе. Сказывалась также неутомимая работа социал-демократов. Революция 1905—1907 гг. оказала влияние на все слои населения. Ширится крестьянское движение, в борьбу включаются ремесленники. Многочисленные выступления народных масс, подтачивая устои эмирата, готовили народную революцию.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава первая. Установление протектората царской России над Бухарским эмиратом	15
Глава вторая. Социально-экономические изменения в Бухарском эмирате в конце XIX — начале XX в.	41
Развитие сельского хозяйства	41
Ремесленное производство	60
Развитие промышленности	70
Деятельность банков и фирм	81
Состояние торговли	92
Глава третья. Классовая борьба в конце XIX — начале XX в.	110
Углубление дифференциации крестьянского хозяйства	110
Подати и повинности	124
Демократическое и революционное движение	138
Заключение	173

**Каукаб Захидовна Хакимова
Людмила Никитовна Кравец**

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ УЗБЕКИСТАНЕ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)

*Утверждено Ученым советом Института истории АН УзССР
и Отделением истории, языковедения и литературоведения
АН УзССР*

Редактор *А. М. Ярошевская*
Технический редактор *В. М. Тарахович*
Корректор *Н. В. Хазова*

ИБ № 1047

Сдано в набор 25.03.80. Подписано к печати 25.08.80. P16073. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 9.24. Уч.-изд. л. 8,7. Тираж 1000. Заказ 175. Цена 1 р. 40 к.
Адрес Издательства: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.